

ВАДИМ БУЛАЕВ

ХОЛОД
ЮЖНОГО
ВЕТРА

Чужой мир. Чужие люди. Чужие разборки.

Рядовой первого года службы Вит Самад, мечтающий о спокойной и размеренной жизни, попадает в мутный водоворот политической игры, становясь разменной монетой между сильными мира сего.

Глава 1

Сигнал тревоги настиг меня за поеданием консервированных ананасов. Прямо из банки лопал. Не вставая с койки, удобно подбив под спину подушку, открыл — и лопал. Полной ложкой, с удовольствием, жмурясь от приятной сытости. Представлял себя офицером-отпускником из богатой семьи на курорте. Или сыном мэра. Сам толком не решил, кем быть интереснее, однако оба варианта определённо не уступали друг другу.

Мимо вразвалочку, словно направлялся в душевую, а не на построение, прошёл Гаст Цапкис. Такой же, как и я, солдат первого года службы. Неплохой парень. Худой, жилистый, с покрытыми мелкими шрамами кистями рук — приветом из слесарного прошлого. По биографии — почти брат. Родом, как и все мы, из отсталой жопы галактики, заточенной под узкую специализацию. Всей разницы — мой мир был аграрным, засушливым, сплошь покрытым полями генномодифицированной пшеницы, а его — один большой завод с редкими вкраплениями сельского хозяйства.

В армию он тоже попал, как и я, только с поправкой на заводское происхождение — я не желал корячиться на полях, а он не хотел всю жизнь простоять у станка, следуя семейной традиции. О новом мечтал, вырваться из циклического однообразия жизни. Помог семье закрыть кредиты на всякую мелочь, выпил с друзьями в баре напоследок — и к вербовщику. Под мамкин плач.

Казённая жизнь, форма и дурацкие приказы ни меня, ни Гаста не пугали. Всё лучше, чем за нищенскую зарплату горбатиться без перспектив.

И ещё имелось общее: ни на моей родине, ни на его фрукты особо не росли. Повывели их за ненадобностью, или не прижились — кто знает? Потому любили мы их очень. Наестся не могли.

В некоторых садах, с искусственно изменённым климатом, я слышал, имелись всякие там вишни с виноградом, известные мне исключительно по учебникам образовательного курса. Целых три года учили читать, писать и всякому иному. По ускоренной программе, с применением гипнотехник. По старым понятиям — почти школу с училищем закончил.

А ведь... тут я душой кривлю. Росли у нас абрикосы со сливами. Плохонько, но росли. Вот только за лакомство мы их не считали — с детства оскомину набили. Ананасы же — другое дело! Сладкие, много, с кислиночкой.

Икнулось... Долька встала в горле комом. Не люблю школу. Как вспомню — так вздрогну. Еле высидел тогда обязательку. На полях, под палящими лучами и то лучше было.

Покосившись на банку в моих руках, Гаст ничего не сказал. Каждый компенсировал скупое в продуктивном разнообразии детство и ещё более прижимистую учебку, как умел. На маяке кормили классно, продукты толком никто не экономил. Хочешь есть — ешь. К сержанту Бо подойди и возьми, чего душе угодно. Он дядька с пониманием, выдаст. Хоть тушёнку, хоть сока упаковку. Главное, не мусорить и жрать исключительно в свободное от службы время. Один чёрт потом калории с потом выйдут, на занятиях по физподготовке. Толстеть нам никто не давал.

Рассказать кому из оставшихся в дальних далях сослуживцев-рекрутов — рёбра пересчитают. Враньём сочтут. Ну или от зависти. Это же немисливо — в нарушение всех распорядков можем жрать днём и ночью! Да ещё и эксклюзивы всякие!

Пусть завидуют... Мы по первой категории продовольственного обеспечения проходим.

Которая для пилотов, разведчиков и прочих засекреченных товарищей. Положено мне ананасы, и во все ведомости вписано — положено. А мелкие послабления — сержант сознательно их допускает. Чтобы нажрались мы вкусок вволю и успокоились. Перебесились после однообразной каши с мясной размазнёй, по внешнему виду более всего сходной с санитарной пастой для мытья рук.

У нас почти весь взвод в первые дни пугался разнообразия пищевого довольствия. По карманам еду прятали, чтобы потом, втайне, слопать. Под одеялами чавкали.

С обеспечением у нас сложностей нет: харчей полные подвалы, на две жизни хватит, питьевая станция автономная, и только фрукты-овощи поступают через специальную шлюзовую камеру. Тестируются там на яды, на аллергены. Местные поставляют по договору с Галактической Федерацией.

Мы поначалу всё подсмотреть пытались — люди они или нет? Или мутанты? Сгорали от любопытства, спорили, воображали всякое. Не смогли. Защитный периметр с четырёхметровым забором бдит в обе стороны. Мы не видим их, они — нас.

Узнали только, что ездят здешние на примитивных машинах. Один из наших рискнул, залез повыше, поглядел на отъезжающий рыдван с колёсами.

Позже выяснили — ничем не отличающиеся от нас люди. Увидели их по визору в фильме о первых колонистах, на который случайно набрали в архиве. Сам фильм оказался дрянным — пафосным и бестолковым, с постоянно мельтешащими героями, и, не досмотрев, решили переключиться на что-нибудь другое, позабавнее.

... Ананасы, кстати, здешние. Хорошо аборигены тут живут...

Не служба — рай. Но тоскливо. Увольнений нет, выход за периметр маяка по любому поводу — под запретом. Никого не выпускают. Вообще. Даже инженера-технолога, который вроде как главный здесь. Все сидим взаперти.

Почему так? Почему не выпускают? Ответ простой — маяк является стратегическим объектом. Метод несения службы — вахтовый. Мы на год, гражданский, он у нас всего один, на полгода. Вот только ему за подобную самоизоляцию заплатят хорошо, а нам — шиш. Всем, включая сержанта. Приказ, чтоб его...

С другой стороны, наговариваю я на своё счастье. Уютная казарма, адекватный командир, полный склад харчей, по вечерам — фильмы в общей комнате. Чего ещё надо? Баб?

В теории, конечно, да. А на практике — точно знаю, вся питьевая вода у нас непростая. С химией особенной. Все спокойные, у всех половые желания редкие, не чаще снега на экваторе. Румяные, здоровые, пульс без крайней необходимости не прыгает. Если кто и свалится в недуге страшном — сержант подлатает. Имеются у него и навыки специальные, и армейские аптечки. Последние и убитого плясать заставят.

Бухло тут тоже без надобности. Не лезет оно солдатикам всё из-за той же водички. Проверено на каждом. По прибытии Бо поставил целую бочку браги. Дал ей перебродить, перегнал в медблоке. На запах вполне приличное пойло получилось. Налил каждому попробовать, предварительно выгнав на улицу. Продуманный.... Блевали все употребившие дальше, чем видели, а слепотой или близорукостью никто во взводе не страдает.

На том и успокоились.

Женщин с прочими удовольствиями нам с успехом заменяло обучение военному делу. Полоса препятствий, ночные стрельбы из допотопного, пулевого оружия, строевая подготовка, караульная служба, и наряды, наряды, наряды... — этого вполне хватает для

вечного желания поспать в укромном уголке и привыкания к укладу армейской жизни.

Но против не гавкнешь. У всех общий контракт на пять лет, у всех стимул в башке. Маленький магнитный кругляш за правым ухом — боевой чип-синхронизатор, обязательный для каждого военнослужащего. Кому-то, по роду войск, он нужнее воздуха — всяким там техникам и прочим пользователям сложных устройств; а таким как мы, сторожам в погонах — одна морока от этой приبلуды. Пользы никакой, зато сержант всегда в курсе: где ты, что ты и насколько бодр для выполнения очередной задачи.

Затупишь невзначай, замечтаешься — нажмёт Бо кнопочку в своём виртуальном интерфейсе — и в мозгах звон. Да такой, что не знаешь, куда бежать. Поговаривают, старинная запись используется. С самой Земли! И название ему — набат. Думаю, врут. Откуда таким же трёхгодовалникам по образованию, как и я, знать подобные слова? Половина из них говорить толком, без мата не умеет, а тут — «набат». Но слово подходящее.

Снять же эту магнитную таблетку никак нельзя. Повредишь спинной мозг. Об этом сразу же до всех служивых доводят, после выхода из наркоза — сама операция проводится при полной отключке пациента. Почему именно спинной, если чип на бестолковке расположен — не знаю, но верю. Довелось подслушать разговор двух офицеров, один из которых на пенсию собирался. Обсуждали они как раз тему по извлечению устройства из командирского вместилища разума.

Оказывается, подобные манипуляции проводили не абы где, а в центральном госпитале сектора, до которого ещё добраться нужно. Ближе никто из докторов не брался, риски большие.

Потому и расстраивался готовящийся к пенсии, кляня судьбу. Гражданским иметь специмплант воспрещается, да и без удаления боевого чипа выходного пособия не получить, хоть ты тресни.

В армии же порядок известный: на службу доставят, всем обеспечат, а обратно, по окончании контракта — свои проблемы решай самостоятельно, никто тебе ничем не обязан. Теперь ты, по факту, штатский. Проявляй смекалку.

Быстрее всего к пункту назначения можно долететь на гиперпространственном звездолёте, но тут имеется ряд сложностей: наличие самого звездолёта, направляющегося в нужную сторону и наличие мест на нём, а в ближайшем обозримом будущем попутной оказии не ожидалось.

У нас ведь как? По космосу шляется либо космофлот с его вечным режимом секретности, либо коммерческие рейсы для очень богатых персон, либо грузовики. Вторым и третьим делать нечего вне проторённых маршрутов, а первые никогда и ни в чём не признаются без крайней нужды. Ни куда направляются, ни откуда. Ну и пассажиров флотским возить тоже строжайше запрещено.

Единственный, относительно надёжный способ добраться до госпиталя, да и вообще в любую глушь Федерации — почтовики. Старые, полудохлые летающие развалины, списанные всеми и везде. Медленные черепахи, месяцами ремонтирующиеся на орбите при каждой остановке. Их выкупали полудикие капитаны за бесценок и брали подряды на обслуживание определённых секторов космической глуши. Таскали по кругу понемногу грузы, понемногу контрабанду. Брали и пассажиров. Средняя частота залёта на планету — раз в полгода, а то и реже.

Последний рейсовый, на момент подслушки, был три месяца назад — пополнение привозил. Нас, то есть.

— Вит, ты идёшь? — из дверей окликнул меня Ежи Брок, неприятный, лопоухий тип с вечно шелушащимся носом, сегодня дневаливший по казарме. — Сержант по последнему время засчитает. Всем потом из-за тебя страдать.

Захотелось пультнуть в него банкой. Знает ведь — я с караула, как и Цапкис. До обеда у меня личное время. Отдых. Официальный. Но нет, выслуживается...

— У нас тревоги по три раза в сутки, без выходных — вставать с койки, а уж тем более прерывать удовольствие от поглощения ананасов категорически не хотелось. — Ноги стопчешь, пока набегаетесь.

Я врал. С Бо не поспоришь, идти придётся. Однако подрываться после замечания этого зануды — себя не уважать.

— Отстань, — очередная порция деликатеса показалась особенно вкусной. Потому что шла вразрез с уставом, предписывающим сломя голову броситься на зов отца-командира.

— Пошёл ты!

Кинуть, что ли, ботинком в мешающего кушать ушлёпка? Лень тянуться...

Лопоухие засранцы всегда чувствуют грань в раздражении других. Ту, за которой прекращаются разговоры и живенько прилетает по морде. В нашем случае — по печени в тёмном углу, чтобы без следов.

Ишь ты, как скривился. Понял, что намеренно его игнорирую. Интересно, на обострение пойдёт?

Ежи окатил меня полным презрения взглядом и, хлопнув дверью, помчался на плац. Не решился, значит. Ожидаемо... Кишка у Брока тонка в открытую конфронтацию идти, иначе бы он тут распоясался, расходился... Да и стучать ему особо некуда. Сержант подобную публику не жалуется.

Пробовал наш золотушный «доводить до сведения» — быстро отучился. Песню пел, в полной выкладке по стойке «смирно». Всю ночь. С чувством. После молчал неделю ко всеобщему удовольствию. Зато осознал: понадобится — Бо и без гнилых личностей во всём разберётся. Камер с датчиками здесь полным-полно. На всю базу лишь два «укромных» уголка наберётся. Наверняка подарок солдатам от проектировщиков, а не досадное упущение. Слишком эти уголки в открытых местах расположены, из казарменного окна будто на ладони просматриваются. Разве что вечером там постоишь, насладишься одиночеством. Сделай они их по-настоящему укромными — ни одна комиссия бы такую работу не приняла, посчитав «мёртвые зоны» системы видеонаблюдения полнейшим непрофессионализмом и поставив столь вопиющее упущение на вид.

Эх... Ну вон тот ещё кусочек, и пой...

Гром в голове, более всего напоминающий удар сказочного гиганта железным молотом по не менее сказочному шлему, заставил вывалить из желудка наружу всё сожранное. На собственные колени. Дурно пахнувшей горкой из полупереваренного завтрака с вкраплениями ананаса.

Банка покатила по полу, покрывая прикроватное пространство густым, золотистым соком и янтарными кусочками. Брюхо свела резь.

Фигасе!

Со мной подобное впервые. Раньше сержант был скромнее, довольствовался для нерадивцев пенделем тяжёлого ботинка с острой приправой из командно-доходчивых словесных оборотов.

Теперь точно надо спешить, иначе из отхожих мест не вылезу. Они у нас хоть и

стерильные, но в армии зачастую важен процесс, а не результат. Давно понял.

Вскочил, краем глаза отметив бусинку видеокамеры над изголовьем. Улыбнулась? Вряд ли, техника не умеет улыбаться, если она не баснословно дорогой человекоподобный андроид. При отправке сюда, в космопорту довелось заочно познакомиться с таким образчиком прогресса.

По общественному визору, в каком-то ток-шоу, показывали. С ним некая сисястая звезда пришла покрасоваться, блеснуть эпатажностью. С умным видом, пришлёпывая накачанными губками, делилась особенностями секса с машинами. Оценивала, сравнивала, рекомендации давала. Мы тогда всем взводом усомнились. Не в способах интимной развлекухи — тут каждый сам за себя. В дроиде. Внешне — обычный мужик, смазливый только. Стоял за её плечом, помалкивал, лыбился. Пару слов сказал.

И не поверили бы, но звезда ещё и показывать начала. Так тот мужик её всякими образами вращал в пространстве, не дрогнув и не стирая улыбки. Даже не вспотев. Человек так не сможет.

Чем дело закончилось — не узнали. В самый интересный момент всплыло сообщение об окончании демоверсии и рекомендованной оплате продолжения. Канал был коммерческий, а денег ни у кого, конечно, не имелось.

Особо не расстроились. Всего бы нам всё равно не показали. Рейтинг программы 16+, означающий появление на экране максимум сползшей бретельки от лифчика. Пообсуждали, посудачили о чужой придури по поводу механической любви и сошлись в одном: искусственная женщина тоже ничего. Улыбается, молчит, пока не спросят, и жениться не надо.

... Стараясь не наступать в ананасовую лужу, стряхнул с колен оторванную кучку, наскоро протёр ладони полотенцем и быстренько влез в ботинки. Кепи надевал уже на ходу. С отвращением поглядывая на влажные пятна, решил, что штаны потом в порядок приведу. Не до них. Влетит, конечно, но повторный набат в башке пугал куда больше, чем дежурная выволочка от начальства. Если что — отбрешусь. Скажу — спешил со всех ног в служебном рвении.

Понятное дело, столь деревенская хитрость и пастуха не обманет, но какая разница? Главное, что в строю, готов и проявляю смекалку!

Кроме меня, тумбочек и коек в помещении более никого не осталось. Гаст свалил раньше, лопоухий Ежи наверняка уже в строю тянется, чихнуть без приказа боится. Остальные при деле, на постах. Значит, нужно поторапливаться ещё быстрее. Зачёт по последнему... Прав был дневальный, малоприятная это штука, особенно если последний — я.

На улицу вылетел почти на первой световой скорости. Дверь за мной не успела захлопнуться, а я уже пересёк наш карликовый плац, ввинтился в строй, с удивлением отметив, что здесь все. Вообще все. В нарушение всех мыслимых норм и правил. Половина — с оружием.

Перед шеренгой стоит задумчивый сержант Бо — крепкий невысокий мужчина лет сорока. Как всегда, в идеально выглаженной форме, блестящих ботинках и кепи, надетой, разумеется, под предписанным углом. Рядом с ним, позёвывая, мнётся инженер. Обрюзгший от безделья, небритый, в шортах, гавайке и тапках на босу ногу. Редкие волосы растрёпаны. Лет ему под полтинник. Вроде и не старый ещё, но уже нечто дедовское в нём сквозило.

Разительный контраст. Один — словно из учебного фильма по армейской культуре,

другой — пародия на человека.

Сделав вид, что моё опоздание до поры осталось незамеченным, отец-командир толкнул речь:

— На планете гражданская война. Нам предписано подготовиться к эвакуации. Приоритет — база данных маяка и вычислительные блоки.

Все зачем-то уставились на технический, уходящий в небо шпиль навигационной системы. Понимающе хмыкнув, сержант дал нам пару секунд насмотреться на давно примелькавшееся зрелище, после продолжил:

— Как вам известно, сведения, используемые для корректировки курсов звездолётов, отслеживания переговоров и прочих премудростей, о которых вам знать не положено, относятся к категории «особой важности». В случае любой, — он повторно выделил для убедительности, — ЛЮБОЙ опасности разработана чёткая инструкция по спасению и сохранению имеющихся данных. Понятно?

От столь ошеломительных новостей, порядком потрясших наше унылое болото, взвод вместо уставного «Так точно» вразной промямлил «Ага...». Бо от такого разгильдяйства передёрнуло, что сразу вылилось в «упасть-отжаться-замереть».

Далее вводную пришлось слушать в положении для отжиманий. Мне ещё ничего, а вот караульным, с их древними М-35, полными подсумками и бронежилетами пришлось несладко. Но никто не роптал. Терпели, боясь накликать новое наказание.

Прохаживаясь вдоль солдатских голов, сержант, исповедуя заветы своих наставников-садистов, в два раза снизил темп выдаваемой информации. Звуки текли липко, медленно, как для дебилов.

— Ваша задача, — ноги в сверкающих ботинках остановились у правого фланга шеренги, начинающей потеть под тёплым здешним светилом. Покачались с пятки на носок, манерно развернули начальственное тело на сто восемьдесят градусов. — Погрузить на платформу всё, что укажет господин инженер. Закрепить. Потом займёмся подготовкой базы к эвакуации. Вопросы есть?

Не успел я обрадоваться окончанию командирской речи и восхвалить её за краткость, как Дрю Пат, туповатый бугай с короткой шеей и смахивающей на шкаф физиономией, зачем-то ляпнул, отдуваясь:

— Откуда здесь война?

Затылком почуял — сержант рад выскочке. Благодаря ему физические упражнения можно продолжить, что явно пойдёт на пользу подчинённым недоумкам.

— Визор нужно было смотреть, — медоточиво, с напускной нежностью изрёк Бо. — У нас такой имеется в столовой. Расщедрилось снабжение, выделило для повышения уровня общей образованности личного состава. Некоторые из вас его, представьте себе, видели, а я был настолько добр, что даже разрешал включать после ужина. Так что он, получается, не секретный, и не только тупые комедии показывает. Там много чего познавательного в памяти имеется, в том числе и фильм о здешнем политическом устройстве. Выжимка, конечно, но для общего ознакомления вполне достаточно... Вы не против лёгкой политинформации, господин инженер?

Заспанный, под стать внешнему виду гражданского, голос гугниво пробормотал:

— Если считаете нужным...

Сержант считал. Даже очень.

— Это вам не ананасы жрать, во время тревоги — подпустил он шпильку, давая понять

о своей осведомлённости — Тут понимание требуется. Уж так и быть, растолкую, — ноги в ботинках направились к другому краю шеренги. Неторопливо, чуть рисуясь. — Планета имеет один материк, поделенный на три государства. Уровень развития — Гео-22. Это означает, что технологии, имеющиеся в распоряжении аборигенов, ограничены по двадцать второй век развития нашей праматери Земли. Реактивные самолёты, гусеничные танки, прочий мусор, оставшийся от первых колонистов. Другие возможности не предоставляются ввиду отсталости и слабой востребованности данного мира.

... Смотрел я фильм на похожую тему. Давно, ещё дома. Отложилось в памяти. После великой космической экспансии, давшей новые территории множеству недовольных с перенаселённых околоземных планет, около трёхсот лет назад образовалась Федерация. Из тех, кто побогаче. А дальше, как по писанному. Сильные отжали всё у слабых, подмяли под себя науку, межзвёздные перевозки. Множество новых миров оказались на обочине. Некоторые, удачно расположенные, кое-как сводили концы с концами за счёт обеспечения сырьём и продуктами новых хозяев космоса. Иные, как этот, в стороне от всего, оказались никому не нужны. Далеко до них и дорого.

Но на самотёк никто ничего не бросил. Пригодная для жилья точка в галактике — большая редкость и за каждой из них пристально следили. На всякий случай.

Методы несложные: держать потомков колонистов в полудиком состоянии, отрезая от передовых достижений, сплавляя им отживший свой век хлам под видом «гуманитарной помощи» и каждый раз намекая на сильный и страшный федеративный кулак. А что там творится на местах — да плевать всем. Лишь бы ядерными и нейтронными бомбами не развлекались, в остальном — воюйте на здоровье. Сокращайте поголовье.

Для особо непонятливых в каждом занюханном секторе всегда болталась парочка серьёзных крейсеров, готовых при необходимости точно поставить раком расхившихся недовольных. Могли, наверное, и в радиоактивную пыль стереть, вплоть до морей и океанов. Возможности имеются. Однако в подобные крайности вроде бы пока никто не впадал. Те, кто бунтует, тоже знают про летающие крепости над головой...

— Конкретно в нашем случае, — продолжал Бо, — мы присутствуем при локальном конфликте двух стран — Розении и Нанды. Причина войны — экономическая. Месторождения редкоземельных металлов, расположенные в районе нашего маяка. По всеобщему договору с Федерацией статус маяка нейтрален, однако всегда найдётся идиот с ружьём, мечтающий отомстить зажавшимся гостям. Потому и эвакуируемся. Вечером прибудет челнок. Грузим в него блоки, пожитки, и на орбиту. Пусть без нас разбираются. Если что и испортят — им границы извне закроют и такой счёт выкатят, что аборигены только ахнут. Всё понятно?

— Так точно! — стоять на руках и носках ботинок надоело всем.

— Встать, — с нескрываемым сожалением вздохнул сержант. — Наряд! Оружие в оружейку. Охрану периметра поручим автоматике. Она, в отличие от вас, соображать умеет. Остальным — слушать господина инженера.

Невнятный человек, облизывая губы от скуки, бросил:

— Идите за мной...

С погрузкой еле успели. Железных коробок неподъёмного веса, продолговатых цилиндров непонятного нам назначения и прочих сумок с наваленными в них деталями и деталюшками, оказалось настолько много, что упрели все. По ощущениям — маяк

разобрали, до винтика, причём дважды.

Носили тяжести молча, без обычных для молодых и здоровых парней сальных шуточек, заковыристых подколок. Будто неживые.

Объяснения этому я не нашёл, как ни размышлял, перенося очередную, бьющую острыми углами по ногам, ерундовину. Мрачно было. В головах, в душах. Нехорошо.

Одно успокаивало — исхитрился незаметно брюки сменить и полотенцем собственное произведение на полу вытереть. Выбросив вонючую тряпку в мусорник, вздохнул с облегчением. Увидел бы сержант — сгноил.

Успокаивало, но не бодрило.

Может, во всеобщей подавленности был виноват Бо, сосредоточенно проверявший каждую единицу груза, сверявший её со списком и непривычно переставший подбадривать подчинённых грозным порывиванием.

Или гражданский, бесцветным голосом бормотавший при виде очередного солдата: «Это возьми. Это. Вон из того угла...» В его словах отсутствовали паника со страхом, а вот уныния имелось в избытке.

Происходящее более всего напоминало начало похорон: все трутся у гроба без особой цели, все печальные.

Главное, нам никто ничего не объяснял.

Непонятный мне Дон Чжоу, рядовой из второго отделения, уловив момент, шёпотом спросил:

— Ты что-нибудь знаешь?

— О чём?

— О войне?

— Нет.

— О-хо-хо... — протянул он так, будто предвидел мой ответ чуть ли не с момента рождения.

Вот как у него это получается — скрестить обычных выдох и философию? Кто знает... Мутный субъект. Весь в себе. В кости не играет, ест исключительно по расписанию, говорит редко, невпопад. В личное время любит уединиться и в небо смотреть. День, ночь — ему без разницы. Уставится буркалами вверх, упрётся затылком в какую-нибудь стену и замирает истуканом.

Поначалу взвод, включая сержанта, напрягался от таких странностей, потом ничего, привыкли.

Общался я с ним мало, как, впрочем, и остальные. Всех это устраивало. Он не лез в наши забавы, мы не мешали Чжоу созерцать небеса.

Дон потопал вверх по лестнице за очередной порцией тяжестей, оставив меня в раздражённом недоумении. Зачем спрашивал? Я отдельного доступа к инфе не имею. Чин не тот. Для нагнетания? И без него внутри будто кошки скребут. Лучше бы помалкивал, как остальные, и ждал разъяснений от начальства.

Настроение стало дерьмовей некуда.

... Закончив с укладкой барахла Федерации на одну из двух самоходных электроплатформ, установленных Бо строго посреди плаца, получили пять минут перерыва. Разбrestись нам никто не дал, ошастливив очередным построением и новой порцией указаний. Правильно. Стояние на месте — тоже отдых. Кто не согласен — может побегать по кругу для улучшения рассудочной деятельности.

— С основной частью справились, — говорил сержант, привычно скрестив руки за спиной. — Переходим к погрузке вооружения. Первое отделение — к складам боеприпасов, второе освобождает оружейные хранилища.

Среди соседей послышались довольные смешки. Конечно, повезло им. Оружия у нас — слёзы. Немного автоматических винтовок, несколько переносных гранатомётных комплексов. Более ничего. Федерация пожмотилась на нечто посущественнее. Импульсные автоматы, силовая защита воина, напичканная противоминными детекторами обувь остались там, в глубине космоса. Мы — заштатные. Сидим тут для приличия, выполняем функции сторожей и имитируем присутствие сил Федерации в политических целях, потому что в военных играх от взвода толку ноль. Навались на маяк местные — долго не продержимся. В тонкую лепёшку раскатают, задавят числом и артиллерией.

Наша защита — договора и соглашения о нейтралитете, дипломаты в костюмах и инструкции с общим смыслом «никуда не влезать, ни во что не соваться, в любой непонятной ситуации слушаться сержанта или требовать консула».

Ну и кой нам приличная экипировка? Раритетами обойдёмся. Вся имеющаяся стрелковка с хранения, списанная. Самый молодой образчик наверняка ещё старты с планет застал, а то и первые марсоходы.

Мир Гео-22, технологические ограничения во всём. Так что нечего аборигенов соблазнять сверхточными штуками, размахивая ими перед отсталыми рожами. Проще надо быть. У всех вокруг пулевое — охрана маяка не лучше, с М-35 побегаёт. Даже если украдут единицу-другую — пусть подавятся. Секретов в ней не больше, чем в ношенных носках.

Патронов же в расположении — завались. Полный каземат. Тоже списанные, но вполне пригодные для стрельбы. Бо их не жалел, точно зная, что со следующей сменой припрут ещё. Шмаляли мы по мишеням через день, до головной боли и глухоты. Горы гильз потом убирала с огневого рубежа, утилизатор аж захлёбывался. Однако один чёрт, не расстреляли и сотой части имеющихся запасов.

Теперь носи их...

— Вит! — окрик сержанта заставил подтянуться, проорать: «Я». — Ты идёшь со мной!

В бок толкнули. Не зло, недовольно. Отделение лишается рабочей пары рук, но не лишается объёма работы. Понимаю. И не слишком радуюсь предстоящей прогулке. С коллективом всегда лучше. Можно затеряться в сортир и немного побездельничать в порядке очереди, можно выкроить маленькую групповую передышку. На виду у начальства — другое. Там не зафилонишь.

Ноги сами вынесли меня из строя. Бо, посчитав перерыв окончанным, открыл складские двери, раздал последние указания и, никак не комментируя свои действия, направился в центр управления. Технолог устало засеменял следом, я двигался замыкающим.

Поднявшись на третий этаж, в самое сердце маяка, сержант остановился, словно привыкая к опустевшим серверным шкафам. Покрутил головой, сделал несколько шагов к центру помещения. Вроде он и шёл как обычно, нестроевым, а звучало гулко. Не представлял, что от пустоты такое эхо.

Инженер не вошёл. Мялся в дверях, загораживая мне проход.

— У вас персональный утилизатор имеется? — Бо переключился на штатского.

— Есть такой, — обрюзгший дядька вяло передёрнул плечами. — Принести?

— Да.

Посторонившись, я пропустил человека в гавайке, неторопливо направившегося в одну

из комнат, дальше по коридору.

— Вит, подойди.

Пять шагов — и моё тело вытянулось в уставной стойке, а рот дисциплинированно молчал. Зачем зря воздух сотрясать? Раз позвали — расскажут, для чего.

Так оно и случилось. Старший по званию холодно, без эмоций сообщил:

— Сейчас будем утилизировать коды доступа. Необходима комиссия из трёх человек. От тебя требуется стоять, смотреть и помалкивать. По окончании процедуры — подтвердить увиденное для протокола. Доступно излагаю?

— Так точно!

— Не тянись. Вольно.

В дверном проёме, шаркая тапками по гладкому полу, показался технолог. Сопя от натуги, он тащил прямоугольную пластиковую коробку солидных размеров с откидной крышкой и кнопками на боку. На шее болтался шнур питания. Водрузив ношу на один из столов, гражданский сноровисто подключил устройство в сеть, желчно заметив:

— Не забудьте оставшийся в сети элемент питания потом подготовить к отправке. Они подотчётные.

Оставив реплику без внимания, сержант подошёл к утилизатору, откинул крышку, громко, с налётом торжественности объявив:

— Протокол утилизации номер один, — далее следовала сегодняшняя дата, место, длинное официальное название маяка. — Я, сержант Федерации Бо Мид, рядовой Вит Самад, инженер-технолог Иви Масстенсен, производим уничтожение кодов доступа к данным объекта согласно пункту 91, часть 2 инструкции по эвакуации...

Сделав паузу, мой начальник требовательно протянул руку ладонью вверх. Мужчина со смешным именем зашарил по карманам шорт, похлопал по нагрудному карману рубахи. Прошипел сквозь зубы что-то скабрзное, почесал редкие волосёнки, после шлёпнул себя по лбу. Улыбнулся, завёл правую руку за спину, принялся копать в районе зада. Извлёк оттуда четыре продолговатые пластинки серого цвета с красными полосками по краям, перетасовал их на карточный манер, протянул Бо.

Тот взял носители с кодами, не скрывая брезгливости. У меня тоже в голове не укладывалось — как можно таскать настолько ценные предметы в заднем кармане, откуда чаще всего вываливается содержимое? Вот уж точно, недотёпа...

— Предметом уничтожения являются четыре пластины кодов доступа, находившиеся на ответственном хранении у Иви Масстенсена, — продолжил зачитывать положенные формулировки сержант. — Вы подтверждаете их подлинность?

— Да, — зачем-то кивая головой, ответил дядька в гавайке.

— Зафиксировано. Все четыре пластины помещаются в утилизатор, — дальнейшие слова сопровождалась подтверждающими их действиями, — закрываются крышкой. Прибор включается в автоматический режим утилизации, — нажатие кнопки сбоку, коробка тихо заурчала, через пару секунд издав режущий слух писк. — Уничтожено. Я, сержант Бо Мид, личный номер 22148790, свидетельствую, что никаких попыток съёма информации с указанных хранилищ в ходе уничтожения не применялось. Все действия происходили согласно протоколу. Нарушений не зафиксировано.

Едва он затих, я подхватил, понимая, что именно для этого меня и позвали:

— Я, рядовой Вит Самад, личный номер 27540463, подтверждаю слова, действия сержанта Бо Мида и своё присутствие при уничтожении.

Иви ограничился коротким: «Подтверждаю». Без положенного упоминания личного номера с прочими подробностями. Буркнул, шмыгнул носом и, не дожидаясь официального окончания процедуры, ушёл из помещения.

— Протокол помещается на хранение в индивидуальные импланты каждого из присутствующих, — закончил Бо, поворачиваясь ко мне. — Вит, свободен. Возвращайся к отделению.

— Разрешите вопрос? — не сдержался я, стремясь по полной использовать возникшую уединённость. Ну и язык чесался — сил нет. Напустил туману Джоу своими охочами. Теперь вот мешанина в мозгах.

— Слушаю.

Внимательный взгляд командира не говорил ни о чём. Просто смотрел сквозь подчинённого, ожидая, когда тот спросит некую чушь и свалит носить патроны.

— Объясните, что происходит, ребята волнуются, — последнее сам придумал, для убедительности. — Мы, как бы, осознаём, что местные повоевать решили, что эвакуация... Но муторно как-то, — добавил и чистой правды. — Чего ждать?

Посылать меня куда подальше Бо не стал. Понимал — личному составу нужно разъяснение творящегося вокруг. Для дисциплины и прочего. Иначе сами додумают, фантазию нездоровую включают.

На то я и рассчитывал.

— Война, Вит. Не наша. Мы в ней никаким боком. Потому, пока фронт не докатился до нас, эвакуируем оборудование, базу. Эвакуируем, а не уничтожаем...

В животе второй раз за день скрутило, только теперь от ужаса.

— Уничтожаем?..

— Естественно. А ты как думал? С нашими пукалками храбро держим оборону и красиво гибнем? Нельзя. В подобных случаях чётко предусмотрена ликвидация маяка со всем его имуществом и содержимым, то есть нами. Механизмов, известных мне, пять: ручной, автоматический по установленному таймеру, автоматический по решению программного обеспечения защитного периметра, при попытке несанкционированного доступа, по сигналу извне. Тебе какой больше нравится?

— Э...э...

Больше всего хотелось заорать, что я на подобное не подписывался. Выбранный путь до этого мгновения казался простым и понятным. Тихая служба третьим помощником младшего подсобника мобильного заправщика. По окончании обязательного армейского контракта — приличная сумма на выходе, мирная планетка поближе к центральным торговым путям, размеренная работа деревенского шерифа, дом с верандой и добрая жена с ямочками на щёчках. Раз в год — курортное путешествие по государственной путёвке.

Но жизнь внесла свои коррективы. Маяк уничтожать нужно ведь чем-то? Взрывчаткой, бомбой, электромагнитным импульсом. И это всё здесь, подо мной, неподвластное ни Бо, ни инженеру. Иначе как активировать самоликвидацию извне?

Я стою на собственной смерти...

— Выбрось мусор из головы, — сержант читал меня, словно включенный планшет с новостями. — Нам повезло. Мы просто свалим отсюда, без последствий. Если не будете сопли жевать. Так и передай остальным. А теперь, бегом приступать к погрузке!

В положенный час взвод валялся на плацу, свалив в кучу рюкзаки с пожитками вместо

матрацев. Кто-то дремал, однако большинство нервно смотрело на ворота периметра, ожидая следующего этапа эвакуации — погрузки и отлёта. Сержант Бо неторопливо прохаживался, изредка перебрасываясь пустыми фразами с технологом, сидевшим в сторонке на внушительной куче тюков и сумок. Богат шмотками человек, ничего не скажешь. По сравнению с нами — светская дама перед путешествием.

Армейское имущество занимало главенствующее место в неудобной картине ждущих отправки. Целых две платформы с заботливо уложенными зелёными ящиками. Пять в ширину, девять в высоту. Перевязаны ремнями, маркировками наружу, как положено. Сплошное загляденье, если бы не цена этой красоты — начинающаяся ломота в пояснице и руках.

Первоначальный страх неизвестности у моих товарищей сменился лёгкой апатией. Подустали переживать. Попривыкли.

— Взво-о-од! — заревел отец-командир, уставившись на восток. — Стройся!

Одновременно с его рёвом послышался другой, мощнее, ниже. Трансформировался в чёрную точку, несущуюся по небесной глади; перерос в короткокрылого, пузатого жука; видоизменился в знакомый всем малый десантный челнок орбитального типа.

Окатив ставшим совсем уж оглушительным рокотом солдатские барабанные перепонки, наше «аэротакси», как называли это летающее чудо между собой флотские, грациозно плюхнулось неподалёку от ворот, вздыбив огромное облако пыли.

Я не слышал, что говорит сержант — его голос утонул в завывании дюз, но чётко прочёл по губам — ничего печатного. Недоумевая, списал его недовольство на забивающиеся в рот пылинки и принялся навьючивать вещмешок на спину, беспрерывно сплёвывая вязкую, горьковатую слюну.

Готово. Мельком взглянул на товарищей, зачем-то представил себя со стороны. Герой. По приказу Бо стою в полной выкладке, с автоматической винтовкой в руках, в броне, каске, с грязной, окопной рожей. Фото бы сделать и на родину послать, подписав: «После трудного боя» или «Не отступаем». Чтобы прочувствовали дома, перед соседями хвастались.

— Бля... — растерянно прошипели сбоку.

Повернул голову. Брок хайло открыл, деятель тошнотный. Уставился на ворота, точно оттуда подарки будут раздавать.

— Ты чего?

— Пипец, — не то ответил, не то высказал он мнение, изумлённо выпучив глаза. — Жопень.

Его заявлениями заинтересовались и другие солдаты.

— Ежи, челнока раньше не видел? Или шума перепугался до мокрых штанишек? — грубое ржание подкрепило пресную остроту.

— Дебилы... — снизошёл до ответа лопухий. — Челнок не по размеру.

— О-о-о, — кто-то продолжал веселиться, но я его не особо слушал. Так, краем уха замечал, — тебе крейсер подавай? Флагман Федерации?

— Это малый челнок. Вспомогательный, а не общевойсковой. Для раненых или командования. В него разве что одна наша платформа поместится. Не две. Соображаете?

Сообразили. Не все и не сразу, однако постепенно, со скрипом дошло и до самых упоротых — за одну ходку всего не вывезти. И приоритет при погрузке отнюдь не у рядовых первого года службы.

Что же, объяснение недовольству сержанта нашлось. Он, лёгок на помине, уже

установился в переговорный монитор у главного входа в периметр, повернулся к встроенному сканеру имплантом, согласно кивнул.

Обмен приветствиями «свой-чужой» закончен, наступает время поганых новостей.

Первая створка ворот отъехала в сторону, впуская пилота и следующего за ним штурмового десантника Федерации. При всём параде мужик заявился. Полусфера шлема мерцает, пластины брони смазываются в искажающем защитном излучении, в руках — передовой атакующий комплекс. Стреляет чем угодно, убойная мощь бронеплиты ломает. Нам такой только на картинках показывали. Штука не для всех... Из охраны посольства воин, а то и повыше — из свиты чрезвычайного и полномочного военного атташе. Того самого, наделённого правом вводить любые ограничения на торговлю, вплоть до эмбарго.

Не поворачиваясь в нашу сторону, пилот заговорил с Бо. Всего мы из-за расстояния не слышали, довольствовались обрывками фраз:

... Трёхсоткилометровая прифронтовая зона — полёты запрещены... Еле упростили власти... В два захода... Завтра... Нет... Приказ я вам передал... Мне пох... это не грузовик... Беспорядки в столице и полисах... Ага, всё брошу... Военное положение... Да мне насрать! Пиши рапорт!..

Словно почуяв, что весь взвод превратился в слух, «водитель аэротакси» взял на полтона тише и теперь оттуда доносилось лишь: «Бу-бу-бу»...

Пришлось от досады закусить губу. Что за чёрствые люди? В эти мгновения наша судьба решается, а им тайны охота разводить на ровном месте. Не мутите воду, скажите нормально: «Так, мол, и так. Приплыли, карапузики, сушите вёсла. Или не приплыли и трудности наши временные. Вылет состоится в любую погоду». Что мы, не поймём, что ли?

Пошептавшись ещё немного, гости свалили за периметр, а сержант с каменным лицом принялся отдавать команды:

— Первая справа четвёрка! Принимаете под охрану челнок! Следующая двойка — устроить оружейную пирамиду! Остальным — сдать оружие, вещмешки и приступить к погрузке блоков маяка!

Приказ вогнал меня в ступор. Выходить наружу? За периметр? По ощущениям — будто в открытый космос без скафандров гонят — настолько отвык я от открытых, незащищённых пространств. К горлу подкатил комок. Что там, за воротами? Целый мир, почти без периметров и оград! Какой он? Добрый, злой, равнодушный или скучный? Не разочароваться бы, пять месяцев дальше забора ничего не видел...

Наш взвод сюда ночью доставили. Всех впечатлений — несчётное количество ящиков с армейским имуществом, аврально перегружаемых из брюха челнока на платформы; после пробежались под слепящими прожекторами к воротам, и всё. Знакомство с планетой закончилось.

От предчувствия нового, волнительного в голове хаотично заплясали мысли, мешая заниматься делом. Пришлось в экстренном порядке успокаиваться испытанным, верным методом, при исполнении отвлекающим от всего и требующим полной концентрации. Суть его бесхитростна и, по-своему, примитивна — мне требовалось всего лишь произнести про себя полное имя и фамилию сержанта Бо без запинки. Сперва развлекался в караулах от нечего делать, часы коротал, а потом понял — отличное упражнение для психики.

С четвёртой попытки смог:

— Боловенкаммаран Ре Мон Мидхопахаяхху!!!

Честно смог, без дураков. С правильными, длинными «х»; проглатываемыми мягкими

гласными и ударениями на предпоследний слог. Совсем как он и представился в первый день знакомства.

Похвалив себя за старательность, расслабился и в очередной раз проникся уважением к армейской простоте в решении довольно сложного вопроса имён и фамилий. Бо Мид — и хватит. Любой без запинки выговорит и легко запомнит.

У всех у нас так.

Из-за разницы в планетах рождения рекрутов, культурах и диалектах всеобщего с именами, а особенно с их произношением, изначальная ситуация выглядит довольно мрачно. Одни почти не используют шипящие, другие говорят в нос, создавая впечатление беззубого старческого бубнёжа; третьи болтают относительно понятно, но ставя ударения в непривычных местах; четвёртые через пень-колоду понимают всех остальных.

К примеру, меня мама с папой называли Виталис, подарив при этом фамилию Самадаки. Половина взвода точно не сходу повторит, а про общение по каналам связи и говорить нечего. Там бы разобрать в принципе, о чём речь идёт.

Потому в учебке большой упор делался на простой разговорный, унифицированный язык общения, а с труднопроизносимыми анкетными данными штабисты с кадровиками разобрались крайне изящно — сократили их до одного, реже двух слогов.

Был Виталис Самадаки — стал Вит Самад. Причём официально. Уже и сам привык.

Устав предписывает военнослужащим в общении не использовать клички или выдуманные прозвища и общаться с использованием полноценных имён и фамилий. Ничего страшного! В личных делах имеются графы «Небоевой позывной № 1» и «Небоевой позывной № 2». Туда вписываются новоприсвоенные, усечённые варианты, и пожалуйста — сплошное удобство.

... Пока я предавался восстановлению душевного равновесия, остальные не стояли на месте. Быстренько освободились от винтовок, побросали лишнее под ноги назначенным сослуживцам и побежали к воротам, медленно откатывавшимся в сторону. Пришлось поторопиться.

Лязгнула дополнительно блокирующая въезд решётка, прогудел зуммер, вращая красной мигалкой на опорном столбе.

Передо мной расстилалось поле, обезображенное железным тылом челнока с дежурной подсветкой.

Так вот ты какая, свобода...

Грузили мы ящики с узлами и агрегатами маяка дотемна. Забили практически всё свободное пространство челнока, даже в кабину пилота пришлось несколько железных коробок засунуть. Когда дело дошло до отлёта, инженер-технолог впервые за сегодня изобразил на роже хоть какие-то эмоции.

Начал с недовольства. Его пожиткам категорически не хватало места, и вялый, неторопливый голос обрызгшего мужчины приобрёл истеричный накал:

— Мне до одной бабушки, как вы уграмуете моё имущество! По контракту Федерация обязана предоставить все условия для эвакуации меня и принадлежащих мне вещей!

Брезгливо кривящемуся пилоту было решительно плевать на вопли гражданского. Сопровождающий транспорт десантник вообще смотрел мимо единственного планового пассажира, будто того и не существует на белом свете. Любовался безоблачным тёмным небом сквозь бронепластик шлема.

Не найдя понимания у экипажа лётного средства, мужчина рьяно переключился на сержанта, точно в его власти было приказывать несговорчивым флотским.

— Я требую...

Спорить и пререкаться Бо Мид не стал. Просто развернулся и погнал пустую электроплатформу и нас на территорию базы.

Технарь принялся блажить, что он этого так не оставит. Угрожал всем присутствующим разжалованием в рядовые и судом. Возможно, плевал в наши спины. Слишком визгливо верещал инженер, чтобы не исходить слюной и желчью.

Взвод тихо ржал с бесплатного представления.

Точку в мешочной суете штатского поставил летун. Коротко выматерившись, он сделал неуловимый знак бронированному сопровождающему, и тот без лишнего пиетета забросил успешного всем надоесть Иви Масстенсена в отсек управления.

Что случилось дальше — мы не видели. Ворота закрылись, челнок взревел и медленно, будто упитанный шмель, поднялся в воздух. Барахло инженера если и осталось на месте посадки — то точно сгорело вместе с травой. Известное дело, при старте от дюз лучше держаться подальше — иначе одни головешки останутся. Минимальная дистанция — двести шагов. Это все знают.

Аэротаксист оказался неплохим спецом. Почти не выбрасывая лисьи хвосты пламени, он взмыл по крутой дуге в небо и только там позволил себе разогнаться. Рёв двигателей до нас ещё не докатился, а челнок уже исчез.

Со стороны смотреть — завораживающе получалось...

Именно поэтому на летунов учатся долго и вдумчиво. Вроде как пять лет штаны протирают то за партой, то в пилотском кресле. Подобрать пехоту в боевой обстановке и при этом их заживо не спалить — сложнейшая задача. Там кожей обстановку чувствуют, на минималках удерживают неповоротливый летальный, тьфу ты, летательный аппарат. Чуть-чуть мощи докинешь, закрылками на полградуса больше вильнёшь — и крематорий для своих получится.

Про уровень капитанов межзвёздных крейсеров и думать боюсь. Здоровенные бандурины, а они их сквозь пояса астероидов гоняют будто комбайны по полям, где опасней перезрелого колоска препятствий почти не встречается.

— Построиться! — всё не успокаивался сержант.

Команда начальства вызвала живейшую реакцию, словно и не таскали весь день увесистые ящики. Каждый спешил занять своё место в строю, на ходу проверяя внешний вид. Не хватало ещё выволочку схлопотать перед отбоем. Да и новостей хотелось всем.

Их, пожалуй, хотелось даже больше, чем отдыха.

В требуемый временной норматив уложились с запасом. Замерли, уставившись перед собой, животы втянули, грудь выпятили. Довольно цыкнув, Бо Мид встал перед нами, поправил кепи и начал зычно, так, чтобы все услышали, просвещать личный состав:

— Наш взвод эвакуируют завтра. В связи с ограничениями полётов в трёхсоткилометровой прифронтовой зоне, командование использует малые десантные челноки вместо привычных вам общевойсковых. Такой вот компромисс с властями... Причина, я думаю, ясна. Аэротакси более скоростная машина, более маневренная, вполне способная обставить почти любую здешнюю ракету. Местные не хотят осложнений в случае непосредственного боевого контакта... В стране со дня на день введут военное положение и туземное правительство очень пугается возможных атак авиации противника. Развёрнуты все средства ПВО. Любой взлёт только по личному разрешению президента или его заместителей. Не переживайте, у Федерации нужные допуски и коды имеются, — подбодрил он посмурневшую солдатню. — Бояться нечего. Не бросят нас тут. Вопросы?

Последнее слово Бо произнёс с таким видом, что всем сразу стало понятно — лучше промолчать. Всем, кроме нашего Ежи.

— Разрешите! — у Брока аж рот перекосило от нетерпения в миллион первый раз выделиться умишком.

Дождавшись кислото кивка командира, выскочка выпалил:

— Скажите, а почему маяк не в космопорту построен, а на отшибе от всего? Не логично ли...

На лопоухого зашикали, увесистый кулак стоящего за его спиной сослуживца треснул чрезмерно любопытного рядового по каске, отчего та немного сползла ему на нос. Все устали, все спать хотят, а Ежи поболтать вздумалось.

Мне тоже до тошноты захотелось пнуть выскочку ботинком по щиколотке. Чтобы рот на замке учился держать. Жаль, не судьба. Лопоухий стоял не рядом.

Правая бровь сержанта поползла вверх, призывая к порядку. Хороший знак. Не орёт — и спасибо.

Все успокоились.

— Отвечаю на вопрос не по существу, — Бо ровным тоном принялся тратить время нашего отдыха на растолковывание малоинтересных фактов. — Помехи. Активное излучение маяка теоретически способно помешать околоатмосферной навигации при заходе транспортов на посадку и работе диспетчеров космопорта. Однако я думаю, дело не в этом. Слишком много народу лишнего там шляется. Здесь же, ввиду удалённости данного места от основных планетарных коммуникаций, режим охраны соблюдать в разы легче, дешевле и спокойней всем.

— Но нас мало для такой важной задачи! — Ежи, что называется, понесло. — Любая бомбардировка приведёт к...

Договорить мудрёную мысль лопоухий не успел. Второй удар в каску оказался посильнее первого. Дотошный Брок покачнулся, едва не уронив висящую на плече винтовку, и с ненавистью обернулся к своему обидчику.

— Два наряда вне очереди, — сержанта, казалось, забавляла назревающая перепалка. — Обоим. И ещё один тому, кто откроет пасть первым.

Ссора затихла, не начавшись.

— Давайте начистоту, — воспитав зарвавшихся подчинённых, начальство настроилось впасть в лирическое настроение, чреватое многословием. — Не нужно мнить из себя нечто крутое лишь на основании того, что я вас обучил стрелять по мишеням и немного бегать. Это миф. Сказка. Самообман. Вы не воины, и вряд ли ими станете. Обидно слышать, да? — Бс смотрел с прищуром, внимательно изучая каждого. — Обидно... Любому мужчине не понравится узнать о собственной никчемности и заведомом проигрыше другим самцам. Но это реальность. Всамделишная. И вас устраивающая, какие бы недовольные рыла вы не корчили... На самом деле, вы все мечтаете только об одном — отрубить обязательный контракт без житейских бурь и потрясений, получить положенные выплаты и свалить на гражданку с приличной для начала новой жизни суммой денег. Хотели бы воинской карьеры — на заштатный маяк бы не рвались. В армии много более адреналиновых и хорошо оплачиваемых специальностей. Вы же все после базового обучения сами выбрали тишь да гладь.

... Это чистая правда. При выпуске из учебки, после череды длинных и запутанных тестов, нам давали выбор воинской специальности и рода войск. Разумеется, с учётом имеющихся склонностей и уровня базовых знаний. Я присмотрел для себя вспомогательные части пехоты и добровольно попросился на охрану маяка, втайне лелея надежду о переводе на какой-нибудь занюханый склад без начальства и проверяющих. Остальные, похоже, от меня не слишком отличались...

— В этом и кроется ответ на вопрос рядового Брока по поводу важности. Безусловно, маяк имеет неоспоримую стратегическую ценность, однако в межгалактическом масштабе она несколько преувеличена. И без него всё будет прекрасно работать. Внесут коррективы в навигационные карты, учтут необходимые поправочные коэффициенты, — Бо Мид обвёл взглядом солдат, отметив, что у половины оловянные взгляды от слишком заумных речей. Упростил текст. — В общем, толку от нас едва ли больше, чем слепому от зеркала. Служба идёт, нас не трогают, дембель неизбежен. Понятно?

— Так точно! — радостно взревел взвод.

Окончание лекции ободрило всех, кроме Ежи. Он дул щёки, намереваясь брякнуть очередную чушь, пыжился с видом непризнанного гения, однако разводить полемику не решался. Два наряда — слишком веский аргумент в диспуте, чтобы к ним добавлять третий.

А я отметил про себя то, что сержант ничего не сказал о системах самоуничтожения базы. При необходимости нажмут допущенные люди нужную кнопчку — и кранты всему. И нам, и вышке, и защитному периметру. Космодром же целый останется, его не зацепит. Такое вот разделение по стадиям ликвидации или чему-то там... Уважаю Бо. Особо он этого не скрывает, раз мне сообщил, но и нервировать нас не хочет.

Стрельнул глазами по сторонам. Всех моих сослуживцев, похоже, шитое белыми нитками объяснение устроило. Правильно. Не нужно им много знать — головки заболят. Брок не в счёт. Ему бы во всём сомневаться, включая собственное существование.

— Тогда оглашаю распорядок мероприятий! — перешёл отец-командир к делам насущным. — Оружие, боеприпасы, перенести обратно в каземат! Хранение огневых средств

вне специализированных помещений или при отсутствии особых условий несения службы строжайше запрещено.

У нас даже не хватило сил взвыть от такой несправедливости! Выноси — заноси, завтра опять выноси! Издевательство какое-то!

Между ушей прогремел лёгкий набат, призывающий к повиновению, а не обсуждению. На опережение, так сказать.

— Затем, — продолжал Бо, отрешённо-холодно глядя на всех сразу и ни на кого конкретно, — заступаем в караулы. Все! План расстановки я до вас доведу. Не хватало нам ещё сюрпризов в последние сутки... Разойтись! Пять минут личного времени.

Но только взвод, проклиная в душе начальство, армейские порядки и злодейку-судьбу разбрёлся кто куда, меня окликнул Мид:

— Самад! Подойди.

Обречённо вздохнув, я развернулся и побрёл к сержанту. Не повезло ещё двоим: Ежи и Чжоу.

— Вы, насколько я помню, имели страсть к просмотру отличных от развлекаловки передач по визору, — издали завёл речь сержант. — У кого из вас какая склонность? Я имею ввиду тематику.

Плохо соображая, для чего он спрашивает о моих персональных, не имеющих никакого отношения к службе, интересах, я сделал глуповатое выражение лица и принялся ждать, что ответят Ежи с Доном. Надеялся по их болтовне выработать некую линию поведения и не нарваться сдуру на неприятности.

Промахнулся. Мои сослуживцы тоже предпочли дожидаться добровольца и в первопроходцы не стремились. Даже обычно обожающий высказаться Брок сдержался, чем очень удивил.

Бо Мида передёрнуло.

— Я прекрасно знаю первую солдатскую заповедь, сопляки, — рыкнул он и негромко процитировал. — «Не высовывайся», и вторую «Инициатива имеет инициатора», и третью «Если не озадачен, то можно и поспать». И четвёртую знаю, и двенадцатую... Но давайте оставим казарменный фольклор. Мне от вас сейчас требуются ответы, и желательно внятные.

Переминаясь с ноги на ногу, первым не выдержал Чжоу:

— Мне про животных нравится смотреть. Они классные...

Всё это было произнесено с такой нежностью, что сержант невольно улыбнулся.

— Не спорю. Что тебе известно о фауне этой планеты? Хищники, ядовитые твари?

— Ну-у... — растерянно протянул Дон. — Я как-то...

— Понятно. Вит?

Деваться было некуда. Признался:

— Мне всякие документалки про полицию по душе. Расследования, дедукция... Шерифом хочу стать.

— Сойдёт. Брок?

Лопухий тоже не стал отмалчиваться:

— Обзоры о политике и способы решения разноуровневых конфликтов, связанных с выборами. После службы собираюсь подавать документы в стажёры дипкорпуса. Специальность — переговорщик. И учиться заочно. На заочном. Точнее, наоборот. Поступить, а уж потом...

Опять его понесло. Идеальную профессию Ежи себе присмотрел — говорить много, непонятно и за деньги.

Однако Бо неподдельно обрадовался:

— Отлично! Слушай мою команду: от разгрузочно-погрузочных работ вы освобождаетесь, от караулов тоже. Сейчас, вместе со мной, идёте в столовую. Включаете визор и изучаете всё, что можно изучить об этой планете. Политика в приоритете.

Ничего не понимая, мы поспешили следом за широко шагающим сержантом. Прошли в казарму, спустились вниз, на минус первый этаж.

Классная у нас столовая! Устроена в защищённом подвале, по соседству с продуктовым хранилищем и общим утилизатором. Здесь всегда тихо, спокойно, и пахнет приятно. Кухонная вытяжка работает на все сто. В жилых помещениях по-другому... Там, сколько не проветривай, а один чёрт носками подванивает. Ну глазорезным пердежом по утрам. Мужской коллектив, ничего не поделаешь...

С разрешения начальства мы посбрасывали изрядно надоевшую амуницию, винтовки благоразумно разрядили и пристроили их каждый возле себя. Каски устроили на столешницах. Головной убор, как-никак. Нечего ему на полу делать.

Включили визор, подвешенный почти под самым потолком. На экране появилось меню с перечнем тематических вкладок. Не сговариваясь, пульт управления доверили нашему умнику. Политика — его сфера, вот пусть Ежи и решает, с чего начинать просмотр.

— Объясняю, для чего это нужно, — дождавшись, пока мы рассядемся поудобней за обеденные столы, сказал Бо. — Летун, как вы слышали, сообщил, что полёты запрещены в трёхсоткилометровой прифронтальной зоне. И всё бы ничего, но ещё вчера линия соприкосновения находилась на расстоянии полутысячи километров от маяка. Я по карте смотрел после прослушивания вечерних новостей. С такой скоростью войска не наступают, поверьте. Во всяком случае, при здешнем уровне технического развития. Мы на Гео-22, если кто запомнил.

— В смысле? — озадаченно переспросил Брок, почёсывая в затылке.

— Нет никакого смысла, — спокойствию сержанта можно было только позавидовать. — Вообще нет. Вы назначаетесь временным аналитическим отделом взвода и к утру будете должны дать все расклады по обстановке в этом мире. Смотрите, думайте, анализируйте. Не зря же я вас за слегка обезображенных интеллектотом принимаю?

Шутка не прошла, никто не улыбнулся.

Видя установившуюся атмосферу с налётом демократии, я честно спросил:

— Чего мы ждём?

Отнекиваться от пояснений Бо Мид не стал. Присел на край стола, скрестил пальцы:

— Информация к размышлению. Слушайте и осмысливайте. Имеем пустой маяк с эвакуированным техническим специалистом, оборудованием и оставшимися на территории военнослужащими, бесполезными по своей сути. Имеем отсутствие запасных элементов питания для защитного периметра. Это те, цилиндрические штуки, которые вы с мать-перемать тягали. В работе осталось всего две, и сэкономить не получится. Они обеспечивают лишь девять процентов необходимых мощностей, да и то с натяжкой. Как вы заметили, их вывезли в первую очередь. Секретная разработка, так положено. То, что ещё функционирует — старьё. Хватает лишь на поддержку освещения да минимума функций жизнедеятельности. Всё равно завтра улетать. Пояс активной обороны, соответственно, обесточен. Вникаем дальше. Допустим, линия фронта действительно переместилась за сутки

на столь огромное расстояние. Некто талантливый организовал достойный прорыв и вспорол линию обороны как нож разведчика старые трусы. Выводы?

— Может до нас докатиться? — осторожно выдал Дон Чжоу и тут же сам испугался своих предположений. С лязгом захлопнул рот, прижался к спинке стула.

— Кто знает? — у сержанта, похоже, не имелось внятных ответов. Просто опыт и привычка готовым всегда и ко всему сделали из него немного параноика.

Пока Бо давал вводные, Ежи сидел молча, закрыв глаза. Поначалу я как-то не обратил на это внимание, а теперь присмотрелся: подёргивающиеся веки, дрожащие ресницы, напрягшиеся лицевые мышцы делали его похожим на оживший компьютер. Бред, конечно, но первое впечатление есть первое впечатление. Не знал бы сослуживца — подумал, что умный...

— Мало данных, — наконец произнёс лопухий, сосредоточенно посмотрев на начальство. — Сделать предварительный прогноз невозможно.

Угу, мудрость от Брока. Вот прямо оракул у нас объявился...

— Мало, — согласился сержант, вставая и направляясь к выходу. — Потому и организовал вас. В памяти визора имеются все необходимые записи официальных телеканалов. Ознакомьтесь, разберётесь, доложите. Приоритет — прогноз событий на ближайшую декаду. Не потянете — сбор сведений о перемещении линии фронта за последние дни. Приступайте! Болтать ни о чём можно долго... Про то, что следует помалкивать не напоминаю. Приказываю.

Последнее слово всегда за начальником. Но не для Ежи.

— Господин сержант! — почти выкрикнул он в спину Бо.

Тот развернулся.

— Чего тебе, Брок?

— За нами вся сила Федерации! — пафосно, словно в рекламном ролике для рекрутов провозгласил лопухий, вставая по стойке смирно из-за торжественности момента. — Да один наш крейсер всю эту планетку нагнёт так, что местные, включая президентов, нам ботинки станут вылизывать! Мы — мощь! Неужели вы думаете, что посмеют...

Я, не выдержав, хихикнул. Настолько дебильных речей мне даже в учебке не доводилось слышать на лекциях по патриотизму.

От моих смешков Ежи сбился с темпа, закашлялся.

— Наш, нам... — передразнил сержант. — Молодец! Методичку выучил! — и добавил командно-хамским, с официозом. — Выполняйте приказ, рядовой!

Причина опасений Бо Мида открылась мне лишь глубоко за полночь по общему времени. Не сразу, постепенно, через множество непонятных слов и сливающихся в одни бесконечные силуэты ведущих.

Язык здесь оказался той ещё гадостью. Буквы «Ш» и «Щ» отсутствовали как таковые. Их или проглатывали, или заменяли режущим слух «С». С «Ж» я вообще не определился — то ли она есть, то ли нет. Литера «З» тоже оказалась не в чести. Использовалась крайне редко. Ударения жили своей, загадочной жизнью.

Обычная новость, читаемая хорошо поставленным голосом профессиональной «говорящей головы», слушалась так:

... Враеские войска в субботу обстреляли передовые поиции 22 сводной бригады в

районе населённого пункта Соссоны. Наши героические военные дали им достойный отпор, и по данным на 18:00 субботы в этом районе продолжалось уничтожение проникающей группировки противника, сообщила насему телеканалу пресс-секретарь Минобороны, Иара Сакович...

Вроде и понятно, но башка начинает болеть со страшной силой, когда непроизвольно пытаешься переводить чужой диалект в привычные речевые обороты.

У моих собратьев по прослушиванию ситуация обстояла не лучше. Чжоу беспрерывно вскакивал, бегал по столовой, потирая виски и просил отпустить его в караул ко всем остальным. Ежи нервничал, грыз губу, но не сдавался, опцией паузы почти не пользовался, демонстрируя редкостное упрямство. Я хотел спать, почти не пряча зевоту.

Через несколько часов у нас вышел несколько вынужденный перерыв. Вместе с сержантом в продуктовый склад, вход в который располагался из столовой, притащился Сквоч. Единственный во взводе, у которого отсутствовал небоевой позывной № 2. Мы неоднократно спрашивали его фамилию, однако Сквоч только лыбился и гыгыкал в ответ, рассказывая о том, что второй составляющей имени у него нет. Приютский.

Может и так, я про приютского, если что. Слишком тупой личностью являлся наш сослуживец. И физиономия под стать: скошенный, узкий подбородок; неровные, крупные зубы, выпирающие из-под пухлых, длинных губ; большой вислый нос и бесцветные, маленькие глазки. При такой отталкивающей внешности Сквоч обладал удивительной особенностью — он был бесконфликтен и всегда придурковато-добродушен. Настолько, что обычно злых взводных шутников как-то не тянуло подтрунивать над ним. Друзей Сквоч не имел, врагов тоже.

«На своей волне» личность, неинтересная.

С ним мало кто рвался общаться, а он почти никогда не заговаривал первым. Так и жили, будто в параллельных мирах.

По логике, им бы с Чжоу сойтись, но не срасталось. Первый любил одиночество, а второй... да никто не знал, что любил Сквоч.

Пока Бо самолично выносил сухпайки для торчащих по периметру солдат (не доверял он нам, запасливым да вечно мечтающим о сладеньком, шляться по складу), я поинтересовался, как там дела наверху. Тогда от него и узнал, что сержант сделал неслыханное послабление — отменил приказ о разгрузке электроплатформы и отпер гермоворота каземата, загнав её туда целиком. Пожалел, значит... Ну да, задолбались парни, а им до утра скучать на постах.

— Не отлынивает никто. Мид словно с цепи сорвался, — шёпотом делился Сквоч. — Бегает, проверяет, пинки направо и налево раздаёт. Гы-гы... а меня в носильщики назначил. Повезло. Прогуляюсь, пока ребятам корм разносить станем... Да. Никогда таким сержа не видел. Не знаете, может от него баба ушла?

— Хрен знает, — флегматично отвечал Дон, опёршись о стену и поглядывая на упаковки солдатского корма, горкой высыпавшиеся на одном из ближних к складу столов. — Хрен знает...

В общем, перебросившись парой слов с сослуживцем, я неожиданно для себя сбросил дремоту и начал делать выводы из увиденного по визору. Результаты мне не слишком понравились.

Основное, что напрягло — правительства обеих враждующих сторон делали огромный

упор на некую помощь Федерации в борьбе с врагами.

В выпусках новостей, будто под копирку, вещали о достигнутых договорённостях, результативных переговорах и скорых поставках необходимой гуманитарной помощи. При упоминании последнего пункта «говорящие головы» демонстрировали знающие выражения на своих лицах, как бы намекая: «Мы все понимаем, что речь идёт о чудо-оружии, однако вслух этого произносить нельзя».

Каждая из сторон подавала информацию под определённым углом, фактически провозглашая о том, что Федерация именно с ними, а не с теми нехорошими людьми за границей, которым скоро крышка.

Про наступления или результативные боевые операции не упоминалось ни слова. Репортажи ограничивались полевыми лагерями, окопами с бравыми небритыми мужиками да съёмками залпов из установок реактивного огня.

И везде победы, победы, победы... Обсасывание названий никому неизвестных посёлков и высот, интервью с важными штабистами, грозные обвинения противника в геноциде и преступлениях против человечества.

Если отбросить всю эту шелуху, то обстановка складывалась примерно так: ни войны, ни мира. Стреляли друг в дружку понемногу, минировали подходы, военные получали положенные надбавки и иногда гибли по разным причинам.

Тянулась эта канитель более четырёх лет. Народ привык, тема подзатихла и уже не так будоражила умы.

Но вот в свете грядущих выборов президент Нанды, на территории которой находился маяк, не придумал ничего лучше, чем объявить официальную войну Розении, переводя вялотекущий конфликт в статус полноценных боевых действий.

Даже мы, далёкие от местных реалий, догадались — военное положение ввести дядька хочет, отодвинуть выборы и в конце объявить, что война всё спишет. Видать, плохи его дела на третий срок остаться, раз на подобный шаг решился. Да и повод вроде как имелся серьёзный — страна находилась на грани дефолта.

Лидер местной оппозиции, нагловатый тип с кучерявой причёской, костерил власти настолько самозабвенно со всех трибун, что, казалось, ещё мгновение — и он выпадет из экрана прямо нам под ноги. Затрясётся в неконтролируемом гневе, затопает ногами, взвоет правильный лозунг и бросится на правительство в рукопашную.

Во имя торжества демократии.

Из его пламенных спичей, просматриваемых на перемотке, мы и узнавали о местных проблемах с унылыми перспективами.

Президент же демонстрировал все качества лидера нации. Говорил устало, твёрдо, умно. Подбадривал, выражал надежду, верил в войска и народ. Смотрел будто в душу зрителям, проникновенно, по-отечески. Оппозицию величал не иначе, как «пятой колонной» и «агентами влияния», впрочем, без конкретики.

... После ряда громких заявлений правительства запустились определённые государственные механизмы. Началась первая волна мобилизации, ввели новый налог на армию, экономика переходила на военные рельсы, по всем каналам звучали марши.

В Розении только обрадовались. Похоже, там тоже ситуация обстояла не лучшим образом. Толком разобраться не успели, но всё смахивало на аналогичный кризис.

Поняли, каким боком чужие разборки коснулись и нас. По действующему, как сказал Брок, протоколу в случае наступления войны или иной вооружённой угрозы

представительство Федерации эвакуируется до лучших времён. Вся торговая и политическая деятельность прекращается. Официальные дипотношения переводятся в режим удалённого доступа.

Почти всё красиво, всё обоснованно, кроме одного, прочно засевшего в мой мозг и не находящего здравых пояснений: откуда взялась информация о трёхсоткилометровой бесполётной зоне?

Не поленился, нашёл карту, сверился. До космопорта — за тысячу с хвостиком километров, до линии соприкосновения — примерно пятьсот. Упоминаний о прорывах или ожесточённых боях, под которые маскируют полный пиндык и кровавую кашу под чужими сапогами — никаких. Сержант прав оказался.

Получается, если официальные источники тактично умалчивают о реальном состоянии дел на передовой и линия фронта несётся прямо на нас — возможно всякое. Атакующие вполне могут и не знать про нейтральный статус маяка. Или сделать вид, что не знают.

Под ложечкой засосало...

Если нас завтра, точнее, уже сегодня, не заберут — дело дрянь.

Ежи оказался категоричнее в своих суждениях. Устало потирая глаза, он сказал:

— Я ошибался. Полагал взвод слишком важной единицей, — как всегда, начал наш умник не с того. — Оборудование вывезено. То, что осталось — металлолом. Мы — вторичны. Нужно требовать от сержанта связи с руководством. Забудут про нас в суматохе, а потом станет проще списать взвод, чем вытащить.

Весь налёт уверенности в силах космofлота и единстве Федерации с него как рукой сняло. Поумнел?

— С чего взял?

— Э..э... — знайка неуверенно замялся, впервые на моей памяти медля с ответом. — Войной и огнём не шутят. Так моя бабушка говорила.

Оспаривать поговорку я и не подумал. Тоже её слышал.

— Только сейчас дошло?

— Почти. Минут сорок назад.

— Ну ты и тупень! — сдержать себя не получилось. Слишком серьёзно Брок указывал временной промежуток от собственного озарения до признания очевидных фактов. Точно новый закон в физике открывал.

Помалкивающий Дон вскочил с места и помчался наружу, с несвойственной ему торопливостью бросив:

— Сейчас Бо найду. Доложим.

Но добежать он не успел.

Над нами грохнуло. Сильно, оглушающе. Стол подпрыгнул, поставленный на паузу визор вспыхнул экраном, но не погас.

— Ё...

Столовая показалась могилой. Со всех сторон стены, пол и потолок — низ и верх гроба. Просторного, чистого.

С лестницы, в незапертую Доном дверь, ворвались облако пыли и истошный вопль добровольного гонца. Что он кричал — не разобрать.

Прикрыв голову руками, я взглядом искал выход. Наружу, вниз, вбок, куда угодно, только бы подальше отсюда. А вокруг лишь стены, пыль, да запертая дверь продуктового склада.

Громыкнуло прямо над головой.

Ещё сильнее и ужасней, заставляя помещение подпрыгнуть и заваливая меня на пол. По затылку звезданула винтовка, съехавшая по краю столешницы. Ей тоже захотелось полежать рядом с владельцем.

Плохо понимая, зачем я это делаю, уцепился за оружие как утопающий за соломинку. Сорвал с пояса магазин, вбил его в приёмник, дослал патрон в патронник, заорал.

Новый взрыв...

Казалось, целили в меня. Не в кого-то абстрактного, а чётко в меня.

И попали. Темя накрыла внезапная тяжесть, сдавила лоб, в глазах заплясали искорки. В животе свернулся тугой клубок...

— Каска! — надрывно прогудело рядом с ухом.

У меня хватило сил повернуться к источнику шума. Ежи. Не сплеховал, засранец... Это он нахлобучил мне на голову каску, и про себя не забыл — прикрыл бестолковку, а я уж подумал...

Одиночные взрывы сменились непрерывной, понемногу удаляющейся канонадой. В воздухе висела пыль, завораживающе кружась серыми песчинками в непогасшем свете ламп. Хрустела на зубах, забивалась в нос, мешая дышать.

Визор опять моргнул, самопроизвольно включился, перепрыгнул на онлайн-канал и запредельно радостно объявил, демонстрируя на экране пышноволосую красотку, замершую в экстазе:

— Покупайте апмунь от перхоти...

Грохнуло где-то рядом. Пол вздрогнул, мир исказился в пространстве...

Мы с Броком заревели в две глотки, а я в придачу выпустил три пули в ни к месту включившуюся технику. Взбесила она меня, стала последней каплей в и без того переполненной чаше эмоций.

Вопил и Чжоу, на четвереньках мчавшийся прямо в противоположную выходу стену. Сослуживец проскакал мимо нас, со всего маху влетел в бетонную преграду, обмяк и повалился на пол.

На счастье, взрывов больше не последовало. Им на смену пришла не звенящая пустота, не крики раненых, а треск, исподволь пробирающийся сквозь гул в ушах. Мелкий, почти неслышный.

Загудела автоматика вентиляции, всасывая в себя серую взвесь, харкающе закашлялся Ежи.

Не решаясь подняться, я осмотрелся. Столы, ранее расставленные в идеальные ряды, сбили строй и смотрели углами кто куда, стулья, в основном, валялись. Лотки со столовыми приборами поспрыгивали с положенных мест и теперь половина помещения оказалась усеяна ложками и вилками.

Только салфетница уцелела. Как стояла, так и стоит, гордо поглядывая на воцарившийся бардак.

Тихо... Вроде, закончилось.

Во мне что-то кардинально изменилось. Если поначалу я воспринимал столовую как последнее пристанище, импровизированный склеп, то теперь, после наступления относительной тишины, она у меня ассоциировалась с утробой матери. Тёплой, уютной, родной, надёжной... Вон, даже ни одной лампочки не погасло, а это о чём-то да говорит.

— Вит! — голос Ежи доносился словно сквозь бракованные наушники для стрельбы. —

Вит!!!

— Что?

— Пойдём наружу. Здесь опасно, — неуверенно попросил лежащий рядом сослуживец. Скорее всего, ему и самому не хотелось покидать помещение, спасшее нас от неведомого катаклизма. — Если вход завалило — можем тут застрять.

— Почему?

— Вытяжка работает, а вот за нагнетатели я ничего не знаю. А если их повредило? Мы задохнёмся... Так хоть завал попробуем разобрать.

Ну вот зачем сказал? Знайка долбаный... Ведь так хорошо лежали. В покое, безопасности...

Однако он прав. Я не техник и починить все эти вентиляторы не сумею. Пойду. До выхода. Посмотрю, что там, на улице. Или выберусь, или в завал упрусь. Как пойдёт.

— Дон! — беспокойный Ежи немного отвернулся и принялся звать тихо покоящегося под стенкой Чжоу. — Подъём!

Наш третий «аналитик» на зов никак не отреагировал. То ли живой, то ли не очень...

Окончательно пришедший в себя будущий стажёр дипкорпуса поднялся и, хрустя пылью под ботинками, подошёл к уткнувшемуся мордой в пол Дону. Потрогал его шею пальцем. Боязливо, будто дохлую зверюшку, сбитую на дороге.

Чихнул.

Чжоу дёрнулся.

Посчитав это доброй приметой, Брок с усилием перевернул тело гонца-неудачника на спину, ободряюще похлопал того по предплечью.

— Мы живы. Ты слышишь? Мы живы!!!

Я вторил ему, припадочно вопя:

— Живы!!! Мать его, живы!!!

Эйфория исчезла так же внезапно, как и накатила. Психика ни к чёрту...

Опираясь ладонями о стену, Дон медленно, с кряхтением, принялся вставать. Лопухий заботливо поддерживал.

— Больно, — пожаловался он, зажав плечо. — Ударился.

— Ничего, сержант починит, — тоном заправской няньки принялся успокаивать Ежи собрата по несчастью. — Идти сможешь?

— Угу...

От наблюдений за хлопотами Брока мне стало стыдно. Умничающий выскочка оказался единственным из нас, кто от страха не потерял разум. Мне каску надел, Чжоу помогает... А я его считал занудой и болтуном, не способным ни на что, кроме демагогии.

Заражённый чужим примером, тоже встал, тестируя во время подъёма организм. Руки-ноги работают нормально, спина не болит. В башке, правда, набат похлеще сержантского, но и он проходит. Лёгкая контузия, не иначе.

Пошатываясь, потопал к лестнице вверх. Тут пыли оказалось в разы больше, чем в столовой. Мощности вытяжки не хватало на создание достойной тяги, потому серый туман продолжал клубиться в дверном проёме и застилать видимость.

— Пошли, штоль, — нарочито грубо произнёс я, вглядываясь в ближайšie ступеньки. Страх прятал. Повторный тарарам можно и не пережить. Лимит везения всегда имеет свойство заканчиваться в самый неподходящий момент.

Не оборачиваясь, перехватил винтовку поудобнее, наизготовку и, вслушиваясь в

окружающий мир, двинул наверх, к небу. За мной скрипели подошвы товарищей.

После первого пролёта освещение пропало. Взрывная волна разбила плафоны со слаботочным, светоизлучающим гелем, по старинке называемым лампочками. К пыли добавился мусор на полу, осколки чего-то невидимого и ломкого. Пришлось включать подствольный фонарик.

Узкий, мощный луч эпизодически выхватывал то куски бетонных блоков, то вырванное с мясом напольное покрытие, то ошметки чего-то совсем уж фантастического, неопознаваемого.

Тянуло сквозняком и гарью. Треск, внизу еле слышимый, значительно усилился.

Новый пролёт. Мусора в избытке, но пройти можно. Чуть-чуть осталось...

В распахнутом дверном проёме выхода забрезжили звёзды.

— Ну, что там? — с лёгким, нервическим заиканием донеслось из-за спины.

— Скоро узнаем... — примериваясь к тому, как лучше выбраться из здания — перекатиться или попросту выскочить, ответил я и добавил, чувствуя себя дураком от смущения. — Ежи, спасибо за каску.

Привычной, насквозь изученной территории маяка я не узнал. Всегда освещённые строения точно растворились в ночи, трансформировавшись из чистеньких, ухоженных обиталищ для людей и имущества в истерзанных падальщиками мертвецов.

Плац перепахан. Чудом уцелевший дежурный прожектор, точно запутавшийся в сером киселе каменной взвеси светляк, выхватывал рваные куски бетона и немного центр управления. Тому досталось крепко. Видимая часть стены иссечена, окна демонстрируют торчащие из рам осколки стекла, угол точно кто-то погрыз.

Что справа и слева — не разобрать. Темно...

Непонятный там, под уровнем земли треск превратился в нарастающий скрежет.

— Вит, дай выйти! — прошипел Дон, словно боялся, что его могут услышать. — Тут дышать нечем.

Не дожидаясь ответа, он протиснулся мимо меня в дверной проём с неизвестно куда исчезнувшей дверью и, закашлявшись, вывалился наружу.

Лопухий не отставал. Выскочил, грамотно переместился в черноту, припал на одно колено, поводя винтовкой из стороны в сторону. Припомнив, чему учил сержант, я зеркально повторил маневр.

Вслушался, всмотрелся.

Что пытался увидеть — и сам не знаю. Ночи тут вырвиглазные. Естественные спутники у планеты отсутствуют, тьма почти крошечная. Ещё и свет прожектора не давал зрению нормально освоиться, неизменно притягивая внимание к своему рассеянному лучу.

Слух тоже откровенно подводил. Вдалеке вроде как кто-то скулил, но это не точно. Скрежет мешал понять, что и где вообще происходит. Ну и Чжоу со своим перханьем создавал вполне неудобный фон.

Вроде не стреляют.

— В груди печёт, — пожаловался Дон, вытирая влажный рот. — Хватанул дерьмища, когда рвануло.

— Рот закрой, — не терпящим возражений тоном бросил Ежи. — Про себя страдай.

Вот тут я целиком и полностью согласен с умником. Не хватало ещё чужое нытьё слушать. Момент не тот. Пресекая возможное препирательство, напомнил о ранее принятом решении:

— Надо Бо Мида найти.

— Где?

Самому интересно... Сказать-то умное сказал, а с чего начинать? В какой угол мчаться под надёжное командирское крылышко? Мы же не знаем, куда он пошёл. Как упоминал болтливый Сквоч — мечется без передышки, посты проверяет.

— Фонарик выруби, — дотошный Брок дал вполне ценный совет. — Демаскирует.

Послушно щёлкнул выключателем, подбирая словечки погадостнее, чтобы достойно огрызнуться. Тоже мне, полководец выискался, указаниями сыпет. Сам знаю, просто запамятовал...

Приступ раздражения прошёл так же резко, как и накатил. Причиной тому стал вновь закашлявшийся, шумно отплёвывающийся Чжоу. Аж на порог осел, так выворачивало. И чего

ему в столовой не кашлялось? Все условия. Никто не услышит, кроме нас, никто не помешает.

— Да заткнись ты! — озлился я, разом позабыв о командных потугах лопухого. — Ежи! Расходимся, ищем выживших. Сбор у ворот.

— Принято, — отозвался тот, на полусогнутых окончательно растворяясь во мгле. — Если что — свисти.

— А я? — просипело с порога.

— Отстань. Очухаешься — рви когти... куда хочешь, только недалеко. Позовём — чеши на звук.

Разойтись мы не успели. Скрежет, на который я почти перестал обращать внимание, превратился в чудовищную по громкости какофонию пренеприятнейших звуков, словно великанский гитарист елозил ногтем по самой толстой струне исполинского инструмента и аккомпанировал себе, царапая камнем по пластику.

Левее меня шарахнуло, затрещало, душераздирающе заскрипело. Нечто чёрное и длинное рухнуло с небес на землю, заставив вздрогнуть бетон под ногами. Брызнуло мелким, твёрдым крошевом. Тягуче провизжало сминаемое железо.

Шпиль навигационной системы рухнул. Тот самый, ради которого мы все здесь торчим. Высоченная ерундовина, метров под пятьдесят. Я его опознал по вскользь замеченным балкам и белеющим кругляшам каких-то там усилителей, в избытке покрывавшим иглообразную конструкцию.

— Прямо на оружейные казематы, — растерянно пробормотал Дон, распахнув рот в изумлении.

Вся глубина случившегося трындеца предстала во всём величии. Там же патроны, оружие, гранатомётные комплексы. А у меня — только стандартный боезапас. Мало, до обидного мало... Бери нас голыми руками.

— Самад, ты? — разверзлась ночь таким знакомым криком.

— Так точно! — обрадованно крикнул я в темноту. Ух... сержант обнаружился. Слово валун с плеч спал. — Со мной Брок и Чжоу.

— Передвигаться можете?

— Да!

— Ориентир — полоса препятствий, — снова раздалось из темноты. — Топайте ко мне!

Через командирский чип нас нашёл, не иначе. Впервые на моей памяти от этой штуkenции за ухом хоть какая-то польза.

Бодрящий эффект ощутили все. Появилась определённая, понимание дальнейших действий. У солдата ведь как? Приказали бежать — бежишь, приказали спать — спишь. За тебя старшие думают. На том стояла и стоит армия, верой и правдой приняв эту краеугольную догму за основу. И это иногда несказанно радует.

Рванули резво, но не бегом, а быстрым шагом. Направление известное — до угла, потом прямо, и наискосок, между складом запчастей и вечно закрытой будкой неведомого назначения. По пути старались поднимать ноги повыше — гладкую в прошлом поверхность дорожек и проездов обильно усеивали всякие обломки с выщерблинами.

Кстати, помогало. Через шаг подошва опускалась на нечто неустойчивое, как правило, норовящее стукнуть по ступне.

Оно бы, конечно, подсветить не повредило, но боязно. Упоминание о демаскировке прочно засело в моей голове, а ещё припомнилась до сих пор незадействованная система

самоуничтожения. Та самая, активируемая пятью разными способами. Бабахнет сейчас по чужой команде или проводки важные закоротят — и отбегался рядовой Вит. Даже шнурков не найдут.

— Сюда! — рывкнуло поблизости, помогая с корректировкой курса.

Силуэт Бо Мида показался секунд через десять, и не один. Рядом с ним уже находились Сквоч с Дрю Патом — такие знакомые и такие родные после пережитого ужаса, что я невольно улыбнулся. Чуть левее от них лежали четверо в форме, но кто — не разглядел.

— Целы? — сержант, как всегда, долгими вступлениями не баловал.

— Так точно! — ответил я за всех и Чжоу, будто из вредности, выдал харкающую руладу.

Его временный недуг Мид проигнорировал.

— Посторонних на объекте видели?

— Нет.

— Что недавно гремело?

— Шпиль упал. Вроде как на казематы, — сообщил я и не сдержавшись, выпалил. — Вы говорили, под нами...

— Не ори, Самад, — успокаивающе перебил меня Бо. — Ничего не случится. Поверь.

— А...

— Молчать! — теперь уже угрожающе прошипел сержант, и мои зубы схлопнулись сами собой. — Брок! Чжоу! Собрать у всех медпакеты! Назначаетесь санитарями. На вас приём раненых и организация полевого пункта первой помощи. Хирургов у нас нет, так что вспоминайте тематические занятия. И по сторонам посматривайте. Зря огонь не открывать, но, если что... Подайте сигнал.

Ко мне тут же протянулись суетливые ручонки Ежи. Не глядя, я отстегнул от своей разгрузки и протянул ему индивидуальный набор, именуемый по старинке «аптечкой». Остальные проделали то же самое.

Наблюдая за нами, командир продолжил нарезать задачи:

— Сквоч! Ты ходил со мной, разносил рационы. Расстановку обязан помнить... Вместе с остальными обойдёшь посты. Легко раненых — сюда. Остальным — оказать помощь на месте и действовать по ситуации... В крайнем случае, пусть меня дожидаются, кто сможет. Свет разрешаю включить, иначе до утра бродить станете. При малейших признаках врага отступаете в район ворот, по возможности, не ввязываясь в бой. Понятно?

— Так точно...

— И ещё. По первому зову бросаете всё и несётесь к санитарам. Исполнять!

Однако не успели мы и шагу сделать, как рядом угрюмо буркнули:

— Что это было?

Я не понял, кто это спросил. Но он буквально озвучил мои мысли.

Все замерли в ожидании ответа.

И тут уверенное спокойствие Бо Мида дало трещину. Каска дёрнулась, будто от удара, белки глаз сверкнули в скупой звёздной подсветке:

— Добрые эльфы на феях прилетели!!! Подарки выгружали! — брызжа слюной, прорычал он. — Авиаудар, идиоты... Массированный!.. Давайте ещё поболтаем, порассусоливаем, сопни с кетчупом пожуём, пока наземные части противника подтянутся. Тогда организуем оборону, гимн напоследок споём. Кретины... Не стоять! Действовать!

Неподалёку раздался тихий стон, подстегнувший нас. Каждый лихорадочно щёлкнул

фонариком, осветив место нашего сбора. И каждый увидел, как у сержанта над бровью красуется рваная рана, залив пол лица кровью, а левая рука обвисла безжизненной плетью. Мундир грязный, рваный, на коленях — прорехи, лямки рюкзака покрыты тёмно-бурым.

Невольно сравнив себя с начальством, я приуныл. Основательно ему досталось, без врача понятно. А он ходит, нами, оболтусами, руководит. Впечатляющая сила воли. Наверняка же больно. Мне бы так, но... вряд ли. Давно, маленьким, как-то руку сломал, так был на всю округу. С тех пор боюсь боли. До дрожи в коленках боюсь.

Невольно почувствовал, что завидую Бо, хотя и понимаю, что это глупо. Чему тут завидовать? Я — целый, он — терпит.

Нафиг! Каждому своё!

— Быстро! — донеслось со стороны ворот, куда без объяснений, быстрым шагом уходил объект моих рассуждений. — Двадцать минут! Время пошло!..

Не успели стихнуть командирские шаги, как неугомонный Сквоч лихорадочно тараторил, увлекаая нас за собой:

— Прикиньте, пацаны! Стою на посту, и ка-ак упорет! Взрывы! Вокруг свист, огонь, а я как в аттракционе ужасов, — каждое слово он подкреплял размахиванием рук. — Куда бежать? Куда прятаться? И не страшно! Знаю, мимо меня эта напасть пройдёт. Мне ведающая тётка на ярмарке говорила: «Жить тебе, паренёк, долго да счастливо»! Хорошая тётка! Не обманула!

Трепло. Нашёл, когда байки травить...

Озлившись, Дрю Пат ударил говоруна кулаком в плечо.

— Завали хайло! Без тебя хреново... — после чего не сдержался, выплеснул недовольство. — Почему целые и здоровенькие остались, а нас за ранеными гонят? У меня ногу цапнуло...

— Ходишь — значит целый, — парировал Сквоч, оставляя последнее слово за собой, однако полностью не угомонился. — Вит! Что ты о том, что под нами, мычал?

Не надо тебе столько знаний, дружище.

— Земля под нами. Отстань. Контузило меня. Несу всякий бред, а ты и уши развесил...

Дальше приютский выпытывать не стал. Ускорился.

... На наши голоса подтягивались те, кто мог передвигаться самостоятельно. Мы указывали им направление к точке сбора. Понимали парни не сразу — пялились ошалелыми глазами в темноту и боялись отрываться от коллектива. Жались поближе, точно потерявшие мамку собачата.

Хамоватый и бесцеремонный Дрю прогонял их к точке сбора пинками.

Группа вынужденно замедляла темп. Приходилось возиться с примкнувшими, отбирая у них медпакеты и наспех блокируя раны разной степени паскудности; отвлекаться на неходячих.

Что интересно, никто из увечных глотку не драл. Они тихо стонали, наращивая громкость страданий по мере нашего приближения. Боялись.

Шок.

И я боялся. Никогда и помыслить не мог, что вляпаюсь в такое приключение. Спасибо ночи, скрадывающей общую картину трагедии, иначе с ума бы сошёл.

Фонарики из-за узости луча выхватывали пострадавших сослуживцев не полностью, частями, и увиденное мне не нравилось. Кровь, внутренности, слёзы, грязь, тёмные лужи, в

которые страшно ступить, мольбы о помощи, восковые лица, судороги, ошмётки...

Постоянно кого-то выворачивало.

А снова впавший в ненатуральную весёлость Сквоч случайно нашёл Цапкиса. Того самого, с которым я делил последний караул. Точнее то, что от него осталось: половинку тела с раскрытым черепом.

После этого мне стало похер. Вообще. Словно я по продуктовому маркету гуляю, в отделе разделки и полуфабрикатов. Сработало что-то в башке, убирая человеческое начало на задний план.

Другие, похоже, переживали аналогичную ломку. С каждым пройденным метром мы вели себя всё более уверенно, всё более бездушно.

Работы хватило всем. Мы поспешно носили найденных к Ежи с Доном, те укладывали их рядком, без разбору вкалывая обезболивающее и блокируя кровотечения. Приходилось «санитарам» не сладко. Раненые, получая надежду не подохнуть в одиночку, брыкались, плакали, надсадно выли. Двоим, особо шумным, при перевязке дали закусить винтовочные ремни.

Упаковки от жгутов, медицинского клея, обеззараживающих пластырей уже составляли небольшой холмик.

Когда вернулся Бо Мид, рассчитались по порядку и подбили итоги.

Ситуация обстояла далеко не лучшим образом. Из штатных тридцати четырёх человек самостоятельно могли передвигаться девять, включая нашу «тройку аналитиков»; из неходячих в сознании находилось трое, без чувств — пятеро.

Обмен короткими репликами показал, что более-менее уцелели лишь те, кто по разным причинам находился в относительно укрытых местах.

Прочие — мертвы. Нападавшие, вдогонку к тяжёлым ударам, прошлись бомбовыми кассетами. Теми самыми, которые, взрываясь в воздухе, выбрасывают из себя множество мелких поражающих элементов и перепахивают всё вокруг, не оставляя ни единого шанса всем, кто не спрятался. Следов от неё — не счесть.

... Поначалу, осознав цифры, не поверили. Ну как так? Вечером же ещё стояли в одном строю, перебрасывались шуточками, а теперь...

Кто-то забормотал молитву, кто-то надсадно сопел, с осатанением грызя губу, кто-то, чтобы не впасть в истерику, стучал ладонью по амуниции, проклиная всех и вся.

— Раненых грузим на электроплатформу, — глухо распорядился сержант, обведя нас тяжёлым, пронизывающим взглядом. — Она у ворот. Уцелела.

Подавая пример, он подставил здоровое плечо опёршемуся на винтовку рядовому из второго отделения, с рассечённой до кости голенью и дырой в бедре.

Мы занялись остальными.

Путь, по которому следовало пройти, подсвечивать не пришлось. В полуразрушенных зданиях разгорался огонь, выбрасывая языки пламени сквозь раскуроченные проёмы.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял нас Бо, задавая темп. — Второй волны ждёте?!

Потом перешёл на непечатное. И все чувствовали — в этих звуках нет ни агрессии, ни попытки нас унижить. Так надо, и не более. Если бы слова имели форму, то ругательствам сержанта наиболее бы подошло сравнение с хлыстом, заставляющим гужевою скотину бежать с нужной скоростью и в заданном направлении, оставляя собственное мнение на обочине как ненужную придурь.

... То, что осталось от взвода, послушно семенило следом за сержантом.

Электроплатформы любят все: военные, геологи, строители, фермеры и все те, кому хоть раз в жизни довелось переместить увесистый груз из точки А в точку Б там, где обычный грузовик или не проедет, или не увернётся.

Её конструкция практически идеальна: восемь нервующихся колёс, автоматически подстраивающих давление под тип грунта; высоченный клиренс, позволяющий бойко гонять технику по бездорожью; приличный запас хода; полный привод; сумасшедший угол разворота; зашкаливающая прочность корпуса.

Управление — любой справится: две педали да руль.

Со стороны посмотреть — ископаемый, угловатый примитивизм. Мощная рама три на девять, на ней рифлёный лист железа, спереди сиденье для водителя, по периметру — маленькие бортики с возможностью наращивания. И всё. Остального не видно. Аккумуляторы упрятаны внутрь, выдвижная лесенка для рабочих отмечена красным цветом.

У отца имелась точно такая же, только более потрёпанная. Служила верой и правдой, таская что положат. Главное, подзаряжать не забывай.

Классная вещь.

Единственный недостаток — медленная. Километров сорок даст, если разогнать как следует. Больше не сможет.

Именно такая универсальная ехалка поджидала нас посреди плаца, залитая светом уцелелевшего прожектора. Фары выключены, но мотор шумит. Готова к движению.

Вот, значит, куда сержант ходил. Выкатывать вторую платформу, из ангара. Повезло. Могло и ей достаться. Хотя... испортить её ещё суметь надо. Разве что прямым попаданием. Там ломаться почти нечему.

— Торопимся! — покрикивал на нас Бо, пока мы укладывали раненых на холодную поверхность и бегали за оставшимися.

Сам же он крутился у ворот, возясь с запорными механизмами.

Я даже отсюда видел — бесполезно. Верхнюю часть створки изогнуло, перекосило по чудачковатой кривой, угол осел. Не сдвинуть. Придётся или таранить, или...

— Брок! Самад! Чжоу! — голос командира казался равнодушным. — Ко мне!

Подходить я не решился. Подбежал, как и остальные. Благо, видимость позволяла. Команда предполагала как раз такое действие. А нечёткость начальственной формулировки — мои проблемы.

— Правее вас стоят четыре ящика с патронами. Их перенести на платформу. Рядом с ними ещё два, более вытянутых по форме. Гранатомёты. Один поставить у кресла водителя, другой тащите сюда.

Указание исполнили быстро, гадая, как оружие с боеприпасами оказались здесь, а не в уставном каземате.

— Разобрать патроны! — это касалось всех.

Щёлкнули замки, откинулась крышка, и солдатские руки принялись торопливо, мешая друг другу, расхватывать небольшие, но увесистые упаковки.

Каждый старался урвать побольше, запихивая добычу в самые неожиданные места: за пазуху, в рукава, в карманы, в каску. Тянулись даже находящиеся при памяти раненые, а кто не мог дотянуться — требовали свою долю, теребя соседей за одежду.

Не отставал и я. Маслянистые пачки почему-то успокаивали, и постоянно казалось, что их может не хватить. А если враг заявится? Бомбили ведь не просто так.

— Самад!

С сожалением оторвавшись от делёжки, вернулся к сержанту, внимательно изучающему опору ворот.

— Я!

— Гранатомётным комплексом не забыл, как пользоваться?

Забудешь тут... Постоянно с ним занимались. Укладывали тяжёлый, трубообразный корпус с коробочным контейнером для боеприпасов на плечо и грустно стояли в положении для стрельбы. Часами по очереди стояли, поворачиваясь то вправо, то влево и совмещая перекрестье прицела с градуированной шкалой согласно бесконечно меняющимся вводным. Сержант сознательно блокировал все блоки самонаведения, добиваясь от нас молниеносной реакции на целеуказание и точного учебного пуска без электронной помощи.

Сам же отслеживал наши потуги по планшету, угодливо синхронизированному с оружием.

Никогда не думал, что те познания мне пригодятся. А вот поди ж ты...

— Никак нет!

— Тогда бери его и постарайся попасть вот в эту точку, — палец Бо указал участок опоры повыше головы.

Ящик с комплексом лежал там же, где его и положили. Раскрыл, извлёк тяжеленую трубу, вопросительно посмотрел на начальство. Боеприпасы отдельно хранятся, и упаковки с ними я поблизости не вижу.

— Заряжен, — сухо бросил Бо. — Выберешь кумулятивный.

В моих лапах подготовленное к бою оружие? В нарушение инструкций, которыми он так выедал нам мозг? Лихо...

Отойдя к электроплатформе, Мид забрался на сиденье водителя, матюгнувшись на подчинённых, чтобы сидели помирнее, и плавно сдал назад, подальше от ворот. Задний бампер упёрся во что-то ломкое, скрипучее, движение прекратилось.

— Огонь!

Припоминания минимально безопасную дистанцию, я тоже свалил подальше. Навёл, прицелился, обозначил на панели самонаведения точку попадания, тип боеприпаса. Плавно нажал на спуск.

Туба на плече дёрнулась, с реактивным чпоканьем выплёвывая гранату. На месте нужного узла тотчас зажглось крохотное солнце, коротко бухнуло. Заклинившая створка шумно завалилась наружу, становясь похожей на трамплин.

За спиной вспыхнули фары.

— На борт!

Не дожидаясь, пока я добегу, платформа тронулась к выезду, набирая скорость. Запрыгивал на ходу. Сначала забросил комплекс, после вскочил сам, цепляясь за бортик ограждения. Чья-то сильная пятерня сграбастала меня за воротник, помогая вскарабкаться.

— Держаться!

Каждый исполнял указание, как умел. Кто-то вцепился в ближайший выступ, кто-то в соседа.

Понимая, что если газануть ещё больше, то половина уцелевших разлетится с транспортного средства в разные стороны, Бо Мид замедлил ход и стал аккуратно перебираться через недозаваленную створку, массой электроплатформы впечатывая её в бетон покрытия.

Под колёсами звенело, дребезжало, крошилось, однако меньше, чем за минуту поваленное препятствие осталось позади, и наша спасительная машинерия начала плавно ускоряться.

Я устроился с краю, бесцеремонно отпихнув чужой ботинок. Лёг на брюхо, сунул под грудь рюкзак. Получилось удобно. Гранатомёт приткнул рядом, под бок. Винтовку, не дожидаясь приказа, пристроил к плечу, на изготовку, добровольно взяв наблюдение за своей стороной дороги. Другие тоже ощерились стволами в неизвестность.

С запозданием пришла и команда:

— Внимание! Приготовиться к бою! При огневом контакте всем уходить из сектора обстрела!

Как же мы сейчас рискуем нарваться на неприятности... Головы демону в пасть суём... Но Мид прав, надо валить.

Жутко захотелось в сортир, еле справился с внезапным порывом.

Встречный ветерок пах предутренней прохладой...

Метров через двести сержант, управляя тяжёлой техникой без особых усилий одной рукой, свернул с проезжей части и понёсся по покрытой незнакомыми травами земле. Подвеска глотала неровности исправно, не трясло.

— Километр, два, пять, десять... — водитель комментировал покрытое расстояние, с каждым разом веселее и веселее. — Переключка!

— Первый, второй... — по очереди выкрикивали мы.

За тяжелораненых отчитывался Ежи:

— Лежачие на месте!

Вдалеке, перекрывая негромкий шум платформы, послышался рокот винтов. Кто летел, куда — не знаю, но испугала эта новость изрядно. Местные на таких машинах передвигаются, а вот свои это или чужие? Спасатели или обещанная начальством «вторая волна»?

Всем стало не по себе. Даже поскуливающие, обколотые до полуовощного состояния раненые смокли, вслушиваясь в темноту.

А сержант словно и не заметил ничего. Фары горят, темп не сбрасывает, укрытий не выискивает.

— В светомаскировке нет смысла, — донеслось с водительского сиденья, когда я успел уже порядком себя накрутить. — Приборы ночного видения нас прекрасно засекут. Так что будем спешить. Сразу нас не взяли, а теперь пусть попробуют.

Успокаивало слабо.

И тут за нашими спинами небо озарила вспышка. Следом докатилась громоподобная звуковая волна, оглушившая и заставившая содрогнуться внутренности всех находившихся на транспорте.

— М-мать!!! — разом взвизгнула добрая половина «пассажиров», оборачиваясь назад. — Чё за?..

— То, чего боялся рядовой Самад, — дав подчинённым нагалдеться, загадочно ответил сержант. — То, что положено.

Интерлюдия № 1

... Президент уже ждал. Не в парадном, насквозь изученном прикормленными журналистами и фотографами кабинете, откуда регулярно делались идеологически правильные репортажи, и любая публикация подвергалась нещадной цензуре, а в личном.

Имелся и такой, по соседству со спальней. Более строгий, тихий, настраивающий своим неброским интерьером на работу.

Глава государства ещё позёвывал, прихлёбывая крепкий кофе, когда в дверь негромко постучал секретарь — человек ближнего круга, допущенный ко всем секретам и не имеющий привычки беспокоить понапрасну.

— Входи!

Дверь бесшумно отворилась. В помещение вошёл мужчина лет шестидесяти, немногим младше хозяина кабинета. С папкой для бумаг в руке, как всегда целеустремлённый и предельно чётко понимающий, что делает и зачем.

— Бодрого утра, — начал он с порога. — Доброго не желаю. Поздно.

Местного диалекта, столь непривычного жителям других планет, они не замечали. Для них родная речь звучала полноценно и привычно.

— Присаживайся, Ивар, — наедине президент позволял себе лёгкую фамильярность. Как-никак, четверть века вместе, повидали всякого. — Огорчай.

— И есть чем, — папка легла перед главой государства. — час и девять минут назад спутник засёк, как неизвестные беспилотники с отключённой системой опознавания «свой-чужой», разнесли маяк Федерации. Я получаю информацию в онлайн, потому объективно на все вопросы смогу ответить только после всестороннего изучения проблемы.

От упоминания позабытого всеми поста с чужой солдатнёй главу передёрнуло.

— Что известно в настоящий момент? Факты давай. Факты!

— Вчера в Управлении Транспорта появилась директива, запрещающая полёты аппаратов классом выше, чем малый челнок и закрывающая воздушное пространство до особого разрешения в трёхсоткилометровой зоне от линии соприкосновения с противником. Стандартная писулька, предусмотренная на случай боевых действий в рамках стратегии общей безопасности государства. Чудесным образом туда попал и объект Федерации. Указание пришло по правительственной электронной почте, отправитель известен. Точнее, исполнитель, — поправился секретарь. — Мелкая сошка.

— И?

— В связи с автоматически запущенными протоколами лёгкий транспортник Федерации получил у министра обороны особое разрешение на вылет. Это предусмотрено в межправительственных соглашениях, потому законно... Добравшись до маяка, он эвакуировал оборудование, оставив людей. Охрана банально не поместилась.

Пояснения пришлось кстати. Президент, глобальный по своей натуре и одновременно безумно далёкий от процессуальных тонкостей, не любил, когда при нём оперируют незнакомыми пунктами и подпунктами каких-то там крючкотворских документов, захламляя мозг юридическими терминами.

Предпочитал узнавать суть, экономя время.

— Барахло вывезли, люди остались. Угу... Дальше что?

— Едва челнок стартовал за своими, пилота уведомили о новой директиве,

категорически запрещающей перемещение транспортника в тёмное время суток, и назначили жёсткий коридор возврата. Основание — развёртывание и отладка дополнительных сил противовоздушной обороны. Это действительно так. Вокруг столицы и космопорта в настоящий момент расположились два полка зенитно-ракетных комплексов. Могут и сбить ненароком. Все приказы в порядке, распоряжение подписано вами вчера.

— Да, что-то такое припоминаю... От этой войны голова кругом. Я бумаги пачками визирую... В чём подвох?

— В расстоянии. Некто умышленно ошибся на двести тридцать километров. Искусственно включил маяк в перечень ограниченного доступа.

— Кто? — до хозяина кабинета начала доходить вся глубина случившегося.

— Исполнитель известен, — бесстрастно доложил секретарь. — Клерк из министерства обороны. Ещё не задержан, но, думаю, его использовали вслепую.

Допив кофе, глава государства, встал из-за стола, и, скрестив руки на груди, прошёлся по мягкому ковру, устилавшему пол и делавшему шаги совсем неслышными.

— Ты хочешь сказать, эвакуацию сознательно растянули во времени, давая Розении шанс размочалить объект?

— Про Розению я словом не обмолвился, — наблюдающий за шефом Ивар и бровью не повёл. — Орбитальный спутник, зафиксировавший факт бомбардировки, очень сильно сбило и направление, откуда прибыли атакующие аппараты, осталось неизвестным. Программное обеспечение якобы подвело, — кривая усмешка секретаря буквально кричала о его отношении к подобным «случайностям». — С докладом тоже никто особо не спешил. Из-за этого я и узнал с такой задержкой о случившемся.

— Спутники Федерации? Они ведь тоже имеются?

— Спутник. Наши «белые господа» прижимисты. Находился на другом конце планеты. Всё просчитано до мелочей.

Аналогично подумал и хозяин кабинета. Нахмурился, демонстрируя не по возрасту морщинистое лицо.

— Допустим... Что сам думаешь? Почему беспилотники? И давай без формальностей.

— Прimitивная игра с мощнейшей подготовкой, — в голосе мужчины слышалось презрение матёрого интригана к простым методам подковёрных битв. — В ста с небольшим километрах располагается крупный железнодорожный узел с парком автоматически управляемых летающих машин. Полноценная авиация отсутствует. Основная их задача — защита подвижного состава, депо и отражение наземных атак неприятеля. Командир наверняка предан министру обороны, других на такие должности не ставят... Вижу так, навскидку, — предупредил он босса, выставив перед собой ладони в жесте подчинения. — Злоумышленники, пользуясь служебным положением, ограничили полёты, зная, что федералы одним рейсом не управятся. После, под благовидным предлогом, тормознули челнок в порту. Ночью атаковали. Расстояние от железнодорожного узла до объекта — десять минут в воздухе. Шли, скорее всего, почти в слепой зоне, впритирку над землёй. На боевой курс встали в последний момент. Обстреляли — и назад, — он заглянул в папку, — радиус полёта ударного беспилотника — триста семьдесят километров. И у нас, и у оппонентов. Если и различается, то на считанные единицы. До маяка же...

— Понятно. Подробности потом посмотрю.

Пресекая техническую часть, секретарь перешёл к выводам:

— Изменение карт, запреты, протоколы безопасности, график движения воздушных

судов, охрана узла — за всё отвечает...

— Оборонка! Грёбаная оппозиция! — взорвался президент. — Министр по их квоте! Падла!!! И не боится ничего! В открытую обостряет!

Эмоциональный взрыв патрона привёл секретаря в недоумение.

— Я чего-то не знаю?

— Да! Разведка у них на уровне... Сегодня у меня запланированы секретные переговоры с атташе Федерации. Официально они, разумеется, ни в чём не участвуют, однако и в стороне не остаются. Контролируют каждый чих... Я собирался выпросить кое-какую технику, наладить тайные поставки жизненно необходимых материалов. Кредиты получить, в конце концов — казна пуста! Мы же без этих чванливых ублюдков беспомощны! Процессоры, блоки управления — всё через них!.. Гео-22 — каменный век во вселенной. Сырьевой запас для нуворишей! — глава государства метался по кабинету, точно дикий зверь в тесной клетке. — Что мне прикажешь ему говорить?! Мы просрали ваших солдат? Или рассказать о махинациях военных и расписаться в собственной политической импотенции, неспособности удержать власть?! Сам знаешь, без войны нам на третий срок не остаться, а уйди мы мирно — сожрут. Многим поперёк глотки стоим. Многим...

Получивший новую информацию Ивар задумался, подыскивая оптимальное решение.

— Это многое объясняет...

— Ещё бы! Примитивная игра... — пискляво прогнусил президент, непохоже передразнивая подчинённого. — Великолепная игра! Блистательная! Умницы!.. Явно старая заготовка, за сутки столько информации не собрать, а уж тем более не реализовать. От своего человека в каждой дырке до математического знания процедур федералов! Уничтожь маяк с оборудованием — и на орбите тотчас повиснет крейсер, набегут дипломаты. Повреждение галактической сети навигации — серьёзнейший инцидент. А безродная солдатня с пустыми казармами... да кому она сдалась! Пыль. Вопрос решаемый — всякое случается. Главное, под каким соусом преподнести. Пообещаем отстроить, улучшить, приложить все силы, наплетём о происках недоброжелателей... Однако аргумент для переговоров более чем увесистый. Почти убойный. Отношения с атташе у нас так себе, он говнюк редкостный, и тут такой козырь выпадает! Можно ноги об меня вытирать. Моргну при нём лишний раз — поверь, плакало наше положение. Струёй в унитаз! Дефолт замаячит. Санкциями задавят... Эта скотина давно мечтает руки в нашу полудохлую экономику засунуть. Даже не намекает на это — прямым текстом говорит. Очень ему хочется своих клеветов в нужных местах поставить. Жадный — не передать. Я пока отбрыкиваюсь... Не договоримся полюбовно, не замнём — половина парламента от радости в пляс пустится. В миротворцы рванут! Обвинят в потакании смертям наших граждан. Импичмент потребуют. Нет, нужно душить провокацию на корню!

Секретарь поддакнул:

— Согласен. Без внешних инвестиций экономика не выдержит. И такой шанс вцепиться в горло никто не упустит.

Склонный к трезвой оценке обстоятельств глава кивнул, остановился и продолжил:

— Не забывай про Розению. Они тоже на заднице не сидят и своего атташе во все места облизывают. Дела у них не лучше наших... Выжившие есть?

— Неизвестно. Туда вылетела группа из вашей личной гвардии, но время...

— Хорошо. Сколько им добираться?

— Не менее полутора часов с развёртыванием на месте.

— Долго... Нам придётся экстренно провести следствие, чтобы к 8.00 я позвонил в представительство Федерации и дал полный расклад. Значит, запоминай, Ивар... — маленькая пауза помогла ему собраться. — Поступим так. Экстренно снаряди эскадрилью сопровождения моего лайнера и срочно отправь к маяку. На расходы не обращай внимания, потом посчитаемся... Задача — как можно быстрее доставить комиссию с грамотными следователями и экспертами. Образцы, мазки, что там у них положено — пусть собирают, не скупясь. Но так, чтобы всё указывало на врага. Подбросят какие-нибудь осколки или фрагменты ударных частей соседского производства. Найдёте, где взять. Что не вписывается в общую картину — «не заметят» и тихо приберут. Особое внимание — останкам. Отнесись с воинскими почестями. Все действия — на камеру. Выживших накормить, обогреть, окружить теплом и заботой. Будем держать удар с достоинством...

— Розению обвиним? — секретарь уловил идею с полуслова и уже обдумывал реализацию. — Белыми нитками шито. Могут не поверить.

— Мне без разницы, поверят или нет. Важно переговоры провести хоть на каком-то уровне, а не обгадившимся школяром стоять. Молчать нельзя. Понимаешь?

— Покер-фейс?

— Он самый. Пятки на затылок аггаше мне, конечно, вкрутит, но на обострение до окончания следствия вряд ли пойдёт. Тем более, если выжившие найдутся. Не в правилах Федерации рубить сгоряча, — президент говорил всё увереннее, выстраивая в голове нужные комбинации для будущих словесных баталий. — На оппозицию валить — идиотизм. Доказательств нет. И не будет. Пусть пока порадуются, а вместе посмеёмся потом...

— Я понял.

— Тогда иди. И вызови мне силовиков. Из наших... Станем думать, как сдачи давать. По любым новостям держи меня в курсе.

Далеко помощник не ушёл. Буквально в дверях пискнул его личный коммуникатор, и он вопросительно посмотрел на президента. Тот махнул рукой, разрешая ответить.

— Так... да... Вы уверены? Это точная информация? Что он там вообще делал?.. Перепроверьте!

Едва отключив связь, секретарь повернулся и немного растерянно, что случилось с ним крайне редко, произнёс, глядя в никуда:

— Лидер оппозиции погиб. Только что. На маяке.

— В смысле?

— Он со своими приближёнными зачем-то прибыл на территорию обстрелянного объекта Федерации. Всё взорвалось. Погибли, помимо него, две бригады телевизионщиков, охрана, несколько доверенных лиц. Наш человек сообщает, что все они находились как раз неподалёку, в рабочей поездке.

От хохота президента затряслись стены.

— Ай ловкач! Ай хитрюга! Сам устроил, сам попытался первым прибыть для освещения ситуации. И не подрассчитал! Упустил из виду систему самоуничтожения! Хотя, — смех резко оборвался, — он о ней и не знал. Информация не особо секретная, однако мало кому известная. Федерация об этом честно предупреждала при строительстве. Я тогда ещё в сенаторах бегал, участвовал в комиссии по модернизации маяка. Согласовывали и этот момент. Планы с документацией у федералов остались. От нас лишь формальные подписи требовались... Как думаешь, с орбиты подорвали или кто-то уцелевший, из охраны?

В ответ секретарь лишь пожал плечами. Сказал о том, что знал:

— Мой человек говорит, что вместо построек сплошной кратер. Он во втором вертолёте находится, наблюдает визуально. Взрыв произошёл при заходе главного борта на посадку. Это плохо... Во всём обвинят нас.

— Кто бы сомневался! И поэтому... — замолчав посреди фразы, президент расправил плечи, выпятил нижнюю челюсть, полуприкрыл глаза. Изучивший его вдоль и поперёк секретарь мог спорить на что угодно — сейчас на свет появится дерзкий, на грани адекватности план по спасению положения. — Первое! Всё валим по-прежнему на Розению! План не менять! Дальше! Подготовь моё экстренное выступление и приличный текст. Коварный враг... под покровом ночи... невосполнимая утрата... нестигаемый сын народа... в таком духе. Обращение к нации запишем прямо с утра... И никого из минобороны не трогай. Сошки очень пригодятся для следствия. Спутник же... пусть себе барахлит до окончания операции. Снимки у него плохие. Линзы подпортились.

— А вы давно пробиваете в парламенте увеличение расходов на орбитальные коммуникации, на космическую отрасль в целом. Вот к чему неуместная скупость приводит. Проморгали нападение! — подхватил Ивар, с удовольствием отмечая одобрительную улыбку шефа. Уточнил. — Что делать с выжившими в свете новых данных, ну и если таковые имеются?

— Никто не выжил, дружище... Никто... — президент значительно посмотрел на помощника. Тот кивнул, давая знать, что посыл понят правильно. — Печально, конечно, но по-другому никак. Там же солдатики. Скажут, что прикажут. А атташе далеко не идиот. Ему выжившие тоже не особо понадобятся. Одно дело, когда великий государственный муж погиб при вражеском обстреле, и другое, когда в этом замешаны военнослужащие Федерации. Скандал можно раздуть... пальчики оближешь. Вот и аргумент для переговоров. Мы спасаем политическую обстановку, яростно виним врага, а он идёт нам навстречу. Ох, как представлю его рожу, смех разбирает, — первый человек страны несолидно хихикнул. — Да! Это будет финт ушами, не меньше! Пусть теперь попробует сыграть против меня, снюхаться с оппозицией — есть, что напомнить. Мы отвлеклись... Пошли с экспертами преданный нам спецназ. Следом — полк моей охраны. Никаких сторонних частей от министерства обороны! Не хватало новых сюрпризов... Прочешите район мелким гребнем, переверните всю округу. Подозрительных задерживать негласно, в переговоры не вступать. Атташе сегодня сваливает на орбиту, так что, если и есть выжившие из охранников маяка, всё равно, связываться им станет особо не с кем. Но, на всякий случай, подними анкеты гарнизона и внеси в полицейскую базу. Имена сам выдумай. На планете наверняка тайный резидент Федерации останется агентурную сеть контролировать. Натолкнётся ещё на знакомые данные... Не хватало в мелочи проколоться. Пусть побудут в розыске за кражи, грабежи, только мелкие. Не лепи врагов государства. Всплывут — за холку и тюрьму Службы Безопасности. Там под запись допросить, как на самом деле всё произошло, с упором на умышленное устройство взрыва. Пригодится на будущее. Ни один договор не вечен, пусть у нас козырь появится в виде добротного уголовного дела по умышленному убийству сам знаешь кого. Переиграть всегда успеем. По вновь открывшимся обстоятельствам. Но официально...

— Я понял.

Рассветы на этой планете всегда внезапны и никогда не перестают удивлять. Сколько раз, мотая часы в предутренней скуке на посту, пытался поймать тот самый момент, когда светило, традиционно именуемое в обиходе Солнцем, выползет из-за горизонта.

Ни разу не получилось. Оно не выплывало, плавно, робко выбрасывая первые лучи и озаряя начало нового дня, как на моей далёкой родине. Оно выскакивало, будто хотело заорать «Сюрприз!!!». Вот его нет, и вот есть. Привет, люди! Радуйтесь свету!

Так случилось и сегодня.

Почти кремешная тьма как по щелчку сменилась неуверенной видимостью, за относительно короткий срок превратившись в нормальное утро.

— Фонари, — Бо Мид отдавал распоряжения, не отвлекаясь от управления. — Беречь аккумуляторы. Каждому осмотреть себя с ног до головы. Обезболивающее экономить. У кого осталось — передать Броку и Чжоу для тяжёлых. За помощью — к ним же.

Живой груз электроплатформы зашевелился. Сослуживцы усердно исполняли приказ, осторожно тыкая пальцами вокруг ран, ругаясь, охая, поминая святых и украдкой поглядывая на соседей. Оценивали, кому досталось больше.

Я ничем подобным не занимался. Да и для чего? И так знаю — пронесло, цел и невредим, разве что голова болит да в ушах звон имеется. Но на товарищей искоса взглянул.

Не солдаты. Пленные враги из старых кинолент. Пыльные, грязные, понурые, перемазанные своей и чужой кровью. Забери у них оружие — и хоть сейчас на съёмочную площадку загоняй, с руками оторвут.

— Господин сержант! Разрешите обратиться!

Тонковатый писк нашего умника ни с чем не спутать. Вон он, сзади, на краю разместился, рядом с Чжоу.

— Слушаю.

— Вам необходима перевязка. И шина на руку.

— Я не помню, чтобы принимал доклад о состоянии личного состава и оказанной помощи, — сухо бросил Бо, однако устраивать разнос не стал. — Потом мной займётся.

Понятливо заткнувшись, Ежи переключился на нас:

— Кому что нужно? Ко мне идти не надо. Сам доберусь.

Раздалось несколько слабых возгласов:

— Мне. И мне. И у меня локоть глянь...

Перелезая через лежащих товарищей, Брок направился к ближайшему нуждающемуся, крепко цепляясь за ограждение платформы, чтобы не упасть.

Народ понемногу отпускало. Винтовки устраивались между колен, взгляды теряли остроту и становились рассеянными. Наверняка под касками от укулов пьяная карусель. По слухам — в аптечках слабенькие препараты отсутствовали. Сплошь ударные дозы, рассчитанные на экстренную починку попорченных солдат.

Отдельные индивидуумы пытались смежить веки и отключиться.

Не обошло это веяние и меня. В глазах появилась резь, тянуло зажмуриться и подремать.

— Отставить спать!!!

Сержантский рёв подействовал благотворно. Все задёрнули головами, изображая

полную бдительность.

— Отставить, — уже тише повторил Бо Мид. — Немного осталось.

— Куда мы едем? — донеслось из центра платформы.

Вопрос не праздный. Вокруг ни дороги, ни строений, ни прочих рукотворных следов.

Только трава да холмики.

— В больницу. К докторам. Пока не добрались — быть наготове. Я допускаю, что противник мог захватить ближайшие населённые пункты.

— Но... нас видно с воздуха!

— Иди пешком, пользуйся преимуществами растительного покрова почвы, создавай укрытия. Требуемые навыки у тебя имеются. Или заройся на два метра под землю. Там не найдут. Или найдут, но не сразу... Рядовой! Хватит сходить с ума! А вот... а если... Имеешь что сказать по делу — говори. Разрешаю.

Сказать оказалось нечего. Никому. Наша потрёпанная орава в данный момент крайне нуждалась в квалифицированных медиках, лекарствах, покое.

Это осознавали все.

— Осмотр закончен! — разрядил угрюмую тишину Ежи, возникая у водительского сиденья. — Тяжёлым введена дополнительная порция успокоительного. Лежат смирно. Остальные без изменений.

— Одобряю. Лучше пусть так, иначе они шуметь на всю округу станут. Дотянут до специалистов — первым делом об использованных препаратах им доложишь. Подробно. Не забудь. Интоксикации парням ещё не хватало.

— Есть!

Ход электроплатформы замедлился, а потом и вовсе наше транспортное средство остановилось, свернув в укромную ложбинку перед пологим, но относительно высоким холмом. Брок принялся хлопотать над виском Бо Мида, а тот, не желая тратить время попусту, колдовал со своим планшетом, регулярно прикладывая большой палец здоровой руки к встроенному сканеру и стуча пальцами по экрану так, как это делают программисты, набивая код. Когда он работал с устройством, мне удалось рассмотреть часть дисплея. Показалось, что вижу топографическую карту с кодовыми пометками.

Мы ждали...

— Слушаем сюда! — сержант оторвался от девайса, посветлел лицом и небрежно отмахнулся от Ежи, пытавшегося убрать потёки медицинского клея с начальственной скулы. — В связи с нахождением в зоне возможных боевых действий я, как полномочное лицо Федерации, официально перевожу умные чипы в ваших безмозглых тыквах в режим тактической скрытности для пехотных подразделений. Имеются у меня такие полномочия... на крайний случай. Хорошая новость — вас не опознает ни один автоматический сканер на стационарных устройствах, установленных в общественных местах. Чип с этого мгновения находится в состоянии постоянного сканирования и покажет данные с идентификатора личности аборигена или иного гражданина, угодившего в его поле действия или пятнадцать минут назад, или в более ранний период. Радиус снятия информации — до полутора метров. Ретрансляторов сигналов чипов, которые действовали на маяке, здесь нет. Учитывайте... И сразу предупреждаю! Отпечатки пальцев, сканирование сетчатки глаза, да хоть обычное попадание вашей морды в объектив камеры наблюдения — маскировке кранты.

... Угу. Видел я такие сканеры. На всех городских улицах имелись, подвешенные довольно высоко. И фиксировали, кто где шляется. Ещё малолетки очень любили их ломать.

В знак бунтарства против существующего строя. За это в тюрьму никого не сажали, однако штрафы, выписываемые родителям, своими нулями изумляли даже тех, у кого деньжата водились...

— Данная опция является автоматической. У всех вас при поступлении на службу изъяли личные импланты, отвечающие за документы, финансовые расчёты и прочие сведения, положенные иметь при себе любому человеку и гражданину. Так что теперь вы никто. Служебная информация уничтожена, сведения о личностях стёрты. Вместо них закодированы порядковые номера военнослужащих Федерации. Потому для вашей полноценной идентификации отныне требуется, самое малое, бригадный техник.

... Слушая сержанта, я припоминал неприятную возню с запястьем правой руки в первый же день по прибытии в учебку. Скучный мужик в белом халате, почти не вникая в процесс, извлёк из-под кожи крохотную бусину, совмещавшую в себе паспорт, страховой полис, карту ДНК, кошелёк и прочие удостоверения.

Мазнул ранку обеззараживателем, криво пришлёлкнул пластырь и, не глядя, выбросил мою старую личность в мусорную корзину, взамен отправив на чипизацию...

— Делается это для затруднения опознания противником наших солдат. Работает отменно. Устройство закликивается на внутренних алгоритмах и действует автономно. Вскрыть чип нельзя, выгорает напрочь... — сообщая подробности, Бо Мид, похоже, основывался на личном опыте. Слишком уверенно он отмечал эту особенность. — Перехожу к новости номер два (надо же, пилюлю подсластить пытается! Умышленно «плохой» не произносит). На этом возможности чипов заканчиваются. В них базовая прошивка и по содержанию они больше всего похожи на пустую кастрюлю после обеда роты рекрутов. Чистую и вылизанную. Никаких данных, шифров, ключей, файлов и прочего вспомогательного обеспечения. Оно вам и нахер не нужно было... В общем, если попадете в плен — можете смело признаваться во всём. Или врать напрапалую. Проверить, кто вы и что вы — невозможно.

Про плен никому не понравилось. Сидящие на платформе заёрзали, пряча растерянность за показным равнодушием.

«Какой, нах, плен? Мы — занюханная охрана третьесортного маяка. Кому мы сдались? Опять же, Федерация нас бросить не должна. Консула пришлёт или атташе... Специально ведь на нас никто не охотится. Не за что» — так виделось мне, и я невольно поймал себя на мысли, что почти дословно цитирую заучку Ежи. Полный сарказма ответ сержанта выскочил из памяти сам собой, заочно ставя взбудораженный разум на место.

Слишком далеко забегаю. Тут бы понять, что вообще происходит. Ползём на грузовой платформе посреди чужих просторов, куда взгляд ни кинь — ни деревца, сплошная трава по пояс.

Приземлённее надо рассуждать, циничней: найдут нас враги, шарахнут с небес — где прятаться? Столовая далеко осталась.

Короче, меня пробило на измену.

Воображение само нарисовало траекторию, по которой следовало перебрасывать тело на землю при малейшей опасности; ненавязчиво подсказало, как половчее перекатиться, чтобы быстрее удрать от здоровенных колёс электроплатформы; застопорилось на том, стоит хватать с собой неудобный гранатомёт или...

В щёку прилетел тычок каблуком чужого ботинка.

— Самад! Ты оглох?!

Звал сержант.

Пнул Дрю. Ему оказалось удобнее всех. Ну, скотина, я тебе это припомню...

— Никак нет!

— Тогда ноги в руки и бегом вперёд. Вон туда, — кивок указал направление в сторону вершины холма. — Тебе, Чжоу и Сквочу — задача: сбор информации о том, что творится в населённом пункте и окрестностях. По прямой до него менее трёх километров. В боестолкновение не вступать, на глаза, по возможности, не попадаться. Вглубь соваться даже не вздумайте. По краешку... Пленного для допроса не брать. Старший группы ты, Вит. Рюкзаки оставьте, — напутствовал сержант, наблюдая, как Брок старательно прибинтовывает его обвисшую руку к туловищу.

Ну да, правильно. Шин у нас с собой нет. По всей науке травму не зафиксируешь.

Заплечники полетели обратно на платформу.

На ладони Бо появилась маленькая, продолговатая коробочка.

— Передатчик возьми. На связь выходить не нужно, допускаю наличие радиоперехвата в данном районе. Если обстановка благоприятная — нажмёшь на кнопку вызова дважды. Если нет — раза хватит. Пойму.

Я принял устройство и сунул его в нагрудный карман.

— Понял.

— Валите. На мероприятие отвожу час. Должны успеть. В случае непредвиденных обстоятельств разрешаю действовать по ситуации.

Разведка закончилась, толком и не начавшись.

Когда мы незаметно выбрались к оказавшемуся неподалёку от холма ангару складского типа с горой пластиковых поддонов у въездных ворот, то как по заказу углядели полицейский автомобиль, возле которого скучала пара мужчин в характерной форме служителей закона.

Пристроившись неподалёку от производственной территории, они усадили задницы на капот, и позёвывая, лениво перебрасывались словами. Между ними стоял вместительный термос, рядом с ним — пластиковые чашки.

Пахло на всю округу. Почти позабытым, крепким, ядрёным кофе, не входящим в армейский обязательный рацион.

Только для офицеров, в кафешке при админкорпусе учебки.

Глоточек бы...

Похоже, копы совмещали утренний расслабон с наблюдением за дорогой, тянущейся от склада к линии низкорослых домов, метрах этак в восьмистах по прямой.

Процесс приятного безделья настолько поглотил представителей власти, что подкрасться удалось почти вплотную. Правда, ползком.

Как на грех, их не тянуло говорить на нужные нам темы. Законники пресно обсуждали какого-то Юсю, вчера напившегося в баре допьяна и устроившего безобразную драку с вызовом наряда.

Это обнадеживало. Случись вооружённое вторжение — тема для досужей болтовни нашлась бы поинтереснее.

К счастью, в выполнении сержантского приказа мне здорово помогла автомобильная рация, поставленная на громкую связь. Невидимый диспетчер вызвал полицейских и, после обмена позывными, потребовал от них покинуть пункт наблюдения, категорично

рекомендуя озадачиться протоколами по нарушениям скоростного режима.

Рутинное задание. И много объясняющее.

Разрисованный бело-синим автомобиль укатил в сторону домиков, а я, пригибаясь, вернулся к членам команды, скрывавшимся поодаль и до последнего державшим законников на прицелах винтовок.

— Тихо. Полицейские отправились ловить водил. За нарушения.

— Добро, — Чжоу лежал с умной физиономией, делая вид, будто он где-то вдали, где покойно и приятно. — Можно докладывать.

— Гы, — по обыкновению начал с глупой смешинки Сквоч, стащив каску и яростно почёсывая затылок. — Копы — трусы. Случись что — драпают впереди всех. Семьи спасают или в участке оборону держат. Их при любом кипише гонять начинают.

К чему он это сказал, я сначала не понял. Потом дошло, с лёгким опозданием. Бесфамильный истину глаголет. При любых нештатных происшествиях полиция принимает определённый процент удара на себя, отчего заниматься рутинной копам становится попросту некогда.

Наводнения, стихийные бедствия, восстания — везде они по уши замазаны.

Войны не исключение. Новая власть их обязательно разоружит, пересчитает, прижмёт к ногтю, везде выставя свои, доверенные пикеты и назначая новую администрацию.

Ничего похожего я не заметил.

Соглашаясь с обоими, достал передатчик, дважды нажал на кнопку вызова. Сомнения, конечно, имелись, как и боязнь ошибиться. А вдруг мы что-то упустили? Недоглядели? У нас полная платформа раненых, и мы за них в ответе.

Вот потому и нажал. Парням помощь необходима. Станем кругами ходить, рядить да выгадывать — здоровья им эта перестраховка не добавит. На медицинском клее с обезболивающим раненых далеко не увезёшь, а заряд у электроплатформ имеет свойство заканчиваться. Что потом?..

— Дон! — на правах старшего группы я принялся командовать. — Беги навстречу нашим. Дорогу покажешь, а то разминёмся ещё, будем потом бегать, друг друга искать. Мы со Сквочем тут останемся, понаблюдаем.

— И то, верно, — меланхолично согласился он, на полусогнутых растворяясь в траве.

Далеко гонцу мчаться не пришлось. Получив сигнал, сержант повёл транспортное средство почти по нашим следам, на пределе скорости, притормозив лишь для подбора нашей разведгруппы.

— У нас минус солдат, — шёпотом, в самое ухо поделился Ежи, стоило мне перевалиться через бортик ограждения и втянуть ноги на рифлёное железо.

— Кто?

— Иго. Из третьего отделения. Вы его изначально чуть ли не в ведре принесли. Не выдержал перевозки. Умер.

Глаза у Брока оказались непривычно отрешёнными. Постарался в них не смотреть.

— Плохо, — только и смог выдавить я, перебираясь поближе к водительскому сиденью.

Доложив командиру о подслушанном трёпе полицейских, получил одобрение правильности предпринятых действий и выволочку за нерасторопность. Назад, к основной группе возвращаться не стал. Уселся рядом с начальством, подтянул к себе гранатомёт. Сзади передали рюкзак.

Миновав складское строение, платформа выбралась на двухполосную бетонку. Кто не

обеспамятел — жадно всматривались в вырастающие перед нами домики городской окраины.

Навстречу показался пикап. Старенький, широкий, выцветший, он неторопливо катил по своей стороне. Водитель оказался под стать машине — полноватый дед в клетчатой рубашке, загорелый, седоусый и весь какой-то основательный, точно вековой пенёк.

При виде нас он сбросил ход, разинул от удивления рот. Сержант тоже замедлил ход, поднимая в привлекающем внимание жесте здоровую руку и тотчас возвращая её на руль. Абориген требование истолковал правильно, остановился, высунулся в открытое окно.

— Что в городе? Где больница?

— В городе? — водитель пикапа озадаченно рассматривал нашу потрёпанную компанию. — Люди... Ъвут, стало быть...

— Враг? Боевые действия?

— Какой враг? Вы откуда? — старик обалдело заморгал. — Враг далёко... У нас нету.

Диалог грозил затянуться. У местного, похоже, копились вопросы, зато у командира отсутствовало желание на них отвечать.

— Больница где?

— В центре, рядом с поарной частью.

— Где?! — недоумённо переспросил Бо, — Какой частью?

— Пожарной, — подсказал я вполголоса. — Местные букву «Ж» не особо любят.

Кивнув в знак того, что понял, сержант обратился к мужчине:

— Покажи, куда ехать. У нас раненые.

Тот не колебался, впечатлённый увиденным.

— Хоросо. Следуйте а мной.

Пикап проехал немного вперёд и принялся разворачиваться. В открытом окне автомобиля мелькали суетливые руки, выкручивающие руль, нервно прыгающий кадык, подслеповатый взгляд, внимательно следящий за манёврами колымаги.

— Может, к нему посадить кого-нибудь из наших? — предложил Брок со своего конца платформы. — Сбежит ещё.

— Нет, — уверенно отказался командир, и от меня не укрылось, что следит он за действиями тутошнего жителя внимательно, даже очень. — Нецелесообразно. Разделять личный состав не вижу смысла. В кузове и салоне автомобиля могут ехать только наиболее боеспособные. Раненых перегружать нужно, а это вредно для них... Самад! Положи гранатомёт поудобнее и будь начеку.

Собственного мнения о решении сержанта я не сложил. Каждый казался прав по-своему. Ежи — по логике, Мид — потому, что умный начальник. Не с нашими силами в полноценное пехотное подразделение на марше играть. Увечных — две трети на борту.

... Человек в пикапе и не подумал сбежать. Напротив, повёл себя крайне прилично и достойно. Подстроившись под нашу, медлительную для шоссе, ехалку, он в считанные минуты указал путь к одноэтажному зданию с видимым издалека красным крестом на фронтоне, расположенным почти в самом центре маленького городка. Пока двигались, с любопытством рассматривая новые виды, люди с тротуаров изучали нас. Женщины испуганно, дети непонимающе, мужчины — пряча эмоции. Водители вежливо прижимались к обочине, каждый по-своему впитывая зрелище перепачканных подсыхающей кровью, чумазных солдат.

Рано они тут встают, совсем как мои старики-фермеры, с первым лучиком. На

тротуарах народу — полно.

Мы же, стесняясь непонятно чего, дурели от обилия штатских на квадратный метр, стеклянных витрин магазинчиков и разноцветности чужих одежд.

Подрулив к большим, распашным дверям больницы, мужчина побежал внутрь, и оттуда начали выскакивать люди в белых халатах. Электроплатформа ещё не остановилась, а к нам уже спешили с каталками, с увесистыми чемоданчиками, украшенными медицинскими эмблемами, и делали они это с непоказным рвением. Вышедший на крыльцо почти в конце, пузатый, лысый дядька пальцем указывал, куда подруливать.

Круто у них тут служба налажена! Утро толком не началось, а персонала полно. Наверное, в окружную больничку угодили, с полным комплектом врачей и круглосуточными сменами.

Парней принялись разбирать. Кто мог ходить — слезали на бетон парковки сами и ковыляли в здание, опираясь на добровольных помощников из числа сотрудников лечебного заведения; двое подоспевших детин в униформе парамедиков сгружали лежащих. Их торопливо увозили.

Иго выгрузили последним. Ему спешить некуда...

Платформа опустела. Остались только сержант, я, Джош, Ежи и Сквоч.

Распоряжавшийся местный, проконтролировав распределение раненых, косолапо подошёл к нам.

— Я — заместитель директора муниципальной клиники, — представился он, не называя, впрочем, имени. — Какие препараты использовались при оказании первой помощи? Аллергии, состоящие в группах риска имеются?

Мне понравился дядька. Хваткий, уверенный. За сослуживцев стало спокойнее.

— Сержант Бо Мид, — назвал командир в ответ, с трудом выбираясь с водительского места. — Аллергии с реакцией на стандартные пробы отсутствуют. Все проходили медкомиссию, так что информация точная. Наименования препаратов вам предоставит рядовой Брок.

Услышав свою фамилию, Ежи отстегнул персональную аптечку и выдернул из неё бумажный вкладыш с перечнем входящих в набор лекарств. Передал главному. Ткнул в некоторые наименования.

— Это, это и вот это...

Тот, отмечая указанные пункты извлечённым из кармана халата карандашом, вчитался в текст, сведя брови и комментируя:

— Угу... Нормально... Накомо... Кому, что, в каких дозах, смоете покаать?

— Покажет, — ответил за подчинённого Бо.

— Время введения?

— Нет, — взводный санитар потупился, — Не фиксировал.

— Ничего страшного, — подбодрил эскулап Ежи, указав на бумажку. — Я могу это оставить?

— Конечно, — не стал возражать сержант.

Вкладыш немедленно перекочевал к освободившемуся парамедику, снабжённому сопутствующим указанием:

— Отнеси реаниматологу. Он нает, что делать.

Детина умчался.

— Перейдём к вам, — лысый доктор бесцеремонно принялся осматривать

прибинтованную к телу руку Мида.

— После док. Мне необходима связь с администрацией города. Мы из охраны маяка Федерации. На нас совершено нападение.

— Полиция уведоmlена деурным. У нас так полагается. Скоро её представитель прибудет, с ним и обсяйтесь.

Про гипотетического «врага» сержант спрашивать не стал. Вокруг — мирная жизнь, доброжелательные, не задающие лишних вопросов люди. К чему их пугать? Для таких скользких бесед имеются особые, уполномоченные граждане, обличённые полнотой власти и необходимыми допусками.

Но Бо Мид не был бы Бо Мидом, если бы позволил себе или нам расслабиться.

— Самад! Чжоу! Обеспечиваете охрану электроплатформы и наблюдение за обстановкой. Сквоч! Брок! Гранатомёты перенести в здание, держать постоянно при себе. Взять под охрану операционный блок, организовать хранилище оружия личного состава. Дополнительно раздобыть и изучить план помещений. Лучше всего подойдёт план эвакуации. Разрешаю отвечать на все вопросы работников клиники, связанные со здоровьем личного состава. Время введения, дозировки и так далее... Вопросы есть?

— Есть! — лопухий в очередной раз оправдал статус взводного зануды, не сумев сдержать порыв любознательности. — Господин сержант! Как вы догадались обо всём? Платформа, оружие... Вы знали?

Пузатый поморщился. Ему вряд ли хотелось узнавать лишнее. Командир это почувствовал и терпеливо подождал, пока тот отойдёт в сторону.

— Ничего я не знал. Опыт, Ежи... Опыт... Запомни! Всегда следует быть готовым к всему, особенно к плохому. Всегда и везде!

— Потому вы и...

Умник вдохновенно набрал в лёгкие воздуха для оглашения глубокомысленных очевидностей, однако Мид, спасибо ему за это, пресёк намечающееся словоблудие.

— Не о том думаешь, рядовой. Сколько у нас выживших?

От такого поворота Брок оторопел, однако быстро всех сосчитал по памяти:

— С вами — шестнадцать. Точнее, пятнадцать... Иго умер.

— Практически половина взвода. Половина! — я всю прислушивался, плохо понимая, куда клонит командир. Пододвинулись и Сквоч с Доном, заинтересовавшись причудливым вывертом разговора. — Слишком низкие потери при авиаударе.

Ого, заявочки! Мало нас, оказывается, сдохло?! В норматив не вложились?!

Золотушный вспыхнул похлеще плазменного резака:

— Но вы же сами видели — стены посекло, шпиль завалился!

— Видел. И могу тебе авторитетно сказать, что после отработки беспилотным авиазвеном по объектам средней степени защиты, без базовой системы ПВО, нихрена не остаётся, кроме осколков кирпича размером до половины кулака, бактерий и сплошных воронок. Без исключений! Более крепкие предметы долбят точно. Шпиль тому примером. Над ним постарались на славу. Конструкция-то основательная. Была...

— Тогда...

— У страха глаза велики. Ночь, темнота, пыль, первый в жизни обстрел, первые потери... Психологически эффектно, даже меня пробрало, по результативности — близко к нулю, — сержант не укорял подчинённого за мнительность или неверную оценку недавних событий. Растолковывал. — Говно это, а не налёт. Дошло? Работали больше на испуг, чем по

зачистке. Отдельно по шпилью — признаю, его целенаправленно складывали. Или я чего-то не понимаю... Брок! Хватит мне зубы заговаривать! Оставьте это удовольствие штабным аналитикам и контрразведчикам. С ними на рассуждаешь власть. Вспоминать устанешь. И если ты ещё раз хотя бы заикнёшься на служебные темы при посторонних — я тебе челюсть сломаю. Для начала.

На том лекция по армейским загадкам и закончилась.

Позабыв про нас, Бо направился к входу в больницу. Местный эскулап закосолапил рядом, по-хозяйски опередив того на полкорпуса.

Назначенные во внутреннее охранение сослуживцы принялись их догонять, и Сквоч сам, добровольно, утащил оба гранатомёта, забыв на платформе оружейный ящик.

Не успела закрыться больничная дверь, в небе послышалось искусственное жужжание.

Здрав голову, я увидел полицейский квадрокоптер с маленькой мигалкой на стальном брюхе, глазками видеокamer по краям и неразличимой из-за расстояния надписью белыми буквами с позолотой. Наверняка что-нибудь в стиле: «Служить и защищать» или «Перед законом все равны». Копы обожают лепить патетическую чушь куда ни попадя, для крутости и напоминания обывателям, у кого власть на самом деле.

Летающая машинка зависла на уровне крыш, поодаль.

— Нормально, — зевнув, высказался Дон. — Наблюдают, чтобы мы глупостями не занимались. Заодно и пишат. Забей... Ты где встанешь — у платформы или у входа?

— По барабану.

— Тогда я у входа. Там о стену опереться можно.

— На здоровье.

— О-хо-хо... — по-стариковски вздохнул он, шаркая подошвами ботинок о покрытие парковки. — Ох...

Я его прекрасно понимал. На меня тоже по новой накатила сонливая усталость, манящая взобраться на покрытую бурым, изгвазданную платформу, вытянуть ноги и уснуть, подложив под затылок рюкзак и прикрыв каской лицо от солнечных лучей.

Ну да, не хватало... Из нарядов потом не вылезу.

Но отдохнуть надо, в глазах двоится...

Делая себе крохотную поблажку, плюхнулся задницей на тёплый городской бетон, спиной привалился к колесу, хлебнул тёплой воды из фляжки. Винтовку устроил на коленях, определил сектор стрельбы. Приемлемо. Позиция удачная — улицу видно от края до края. Рюкзак устроил сбоку. Уставился на зевак, в избытке набежавших поглазеть на столь дивное зрелище, как чужие военные. Улыбнулся симпатичной девушке в коротком платьице, жавшейся к менее красивой подружке и кокетливо склонившей голову немного вбок.

Облегчённо расслабился.

Из дверей, потягиваясь, вышел довольный старикан. Дружески хлопнул Дона по плечу, расплылся в редкозубой улыбке, подмигнул непонятно кому, забрался в пикап.

— Удачи! — крикнул он из окна машины, выворачивая на дорогу и сигналив зазевавшимся обывателям. — Выдоравливайте!

— Спасибо! И вам всего наилучшего! — возвратил я пожелание, отсалютовав винтовкой.

Дедок нам здорово помог. Проводил, показал, не погнушался сбегать и позвать врачей, с суетливым общением не навязывался. Хороший человек. Побольше бы таких.

Любопытствующие, повинувшись стадному инстинкту, живейшим образом принялись

обсуждать обычную человеческую вежливость.

Ещё бы! Для них мы — событие. Повод для новых пересудов.

Копы налетели как-то сразу. Без мигалок, визга тормозов, шумных громкоговорителей. Тихо, буднично возникли перед парковкой, ненавязчиво перегородили служебными автомобилями выезд и вежливо принялись разгонять собравшихся.

Тройка стражей порядка, комплекцией покрепче, открыто отслеживала мои действия, покачивая в руках воронёные дробовики.

Близко не подходили, оружие не направляли. Я тоже к ним не лез. Но пересчитал. Пятеро. Маловато для полноценного оцепления.

К уже имеющемуся добавился ещё один квадрокоптер. Зависать над парковкой он не стал, а скрылся за клиникой, беря под наблюдение заднюю сторону здания.

Нас загоняли под полный визуальный контроль. Что же, вполне допустимо. Я бы и сам на месте силовиков так поступил. Понаехали израненные оборвыши с оружием, стадом в больничку попёрлись, а там гражданские — кто хочешь занервничает.

Слегка удивило отсутствие полицейского беспилотника в небесах, однако, что ему тут делать? Это штука быстрая, разве что круги сможет нарезать по довольно большому радиусу, постоянно теряя объект наблюдения из-за стен домов и прочих препятствий. Мы в центре города, а не в поле...

Или в другом месте аппарат задействован. Бабах на маяке по-любому власти заметили. Пока разобрались-насовещались, пока в воздух подняли, пока он добрался до заданной точки, пока сфотографировал то, что осталось от технических помещений и казарм, пока отработал окрестности — времени прошло изрядно. Вполне мог и задержаться где-то в пути.

Если этот беспилотник в природе существует, конечно. Игрушка дорогая, не всем по карману.

Тротуар перед парковкой опустел.

К огромному сожалению, приглянувшаяся мне девушка с подругой законопослушно ушли вместе с остальными обывателями, чем несказанно огорчили. Жаль, хотелось познакомиться. Девушки — это красиво. Девушки — это то, что заставляет сердце биться чаще; вспоминать их упругие, приятные тела и трепетный, первобытный жар в груди.

А всё обломалось из-за этих... с мигалками. Приехали, расшумелись со своими запретами, огорчили и меня, и остальной народ, и девушек прогнали. Ну и кто они после этого?

Ладно, переживу как-нибудь.

На противоположной стороне улицы, шурша покрышками, припарковался тонированный микроавтобус такой же расцветки, что и патрульные машины. Из него выбрался молодежавый полицейский с изукрашенными золотым погонами и аляповатой кокардой в половину тульи форменной фуражки. У рядовых копов цацки поскромнее выглядят, попроще.

Табеля о рангах государства Нанда я не знал, но обилие лычек на плечах и петлицы на воротнике у приехавшего ясно говорило: крупная шишка.

Ближайший к нему коп козырнул, отбарабанил короткий доклад о том, что пока без происшествий.

Приняв рапорт, высокий чин направился ко мне. Неторопливо, сохраняя достоинство, пересёк проезжую часть. По сторонам не смотрел. Шёл уверенно, как по пешеходной зоне.

Только теперь я заметил — машин на дороге нет. Перекрыли движение? Страхуются? Наверное, да. Они нас не знают, документы не спрашивали.

— Дон! — не оборачиваясь, я позвал сослуживца и поднялся на ноги. — Зови сержанта.

К нам гость.

Винтовку переместил в руки.

За спиной прошипел доводчиком механизм двери.

Припоминая занятия по караульной службе, сделал десяток шагов навстречу шишке.

Культурно предостерёг:

— Объект под охраной подразделения Федерации. Кто вы и что вам нужно?

— Поовите старшего, — потребовал полицейский начальник, благоразумно останавливаясь и не делая резких движений. — Я — аместитель комиссара полиции округа.

— Иду! — Бо Мид уже спешил к визитёру. За ним тенью перемещался Чжоу.

Поравнявшись со мной, командир одними губами спросил:

— Обстановка?

— Гражданских копы разогнали, движение транспорта заблокировано. В воздухе квадрокоптеры.

— Продолжать наблюдение.

Выглядел сержант не очень. Под глазами мешки, движения тяжёлые, точно к нему гири привязали. Но, по сравнению с нами — молодцом. Форма сидит ладно, выправка на уровне. Нечистые пятна вида не портят. Напротив, подчёркивают — это настоящий солдат, побывавший в бою, а не бухгалтер-резервист на сборах выходного дня.

Травмированный начальственный висок украшают свежие швы, разит дезинфектантом. Повреждённая рука отвязана и покоится на ствольной коробке винтовки, повешенной в походное положение «на груди».

Со стороны и не скажешь, что он сильно пострадал при налёте.

С правой стороны бронека, там, где липучкой пристёгивается ярлычок с именем, фамилией и группой крови — переливается набор планок отличия. Современная замена архаичным орденам. Раньше я их никогда у Бо не видел.

Берёг, не носил, а теперь напялил для солидности?

Почему нет?

Он же их наверняка не украл. Возраст у командира предпенсионный, вполне мог и получить за долгую службу.

Не пряча любопытства, я позволил себе рассмотреть награды повнимательнее. Разные, с полтора десятка. Особенно заинтересовал невзрачный прямоугольничек бордового цвета, скромно ютящийся среди прочих, более ярких, собратьев.

«За доблесть»

Боевая регалия. Такую к юбилею или за беспорочную возню с молодняком не дают. Такую выстрадать надо. Во всей учебке подобное украшение имелось лишь у начальника курса стрелковой подготовки — глубоко старого майора, открыто посылающего на три буквы всех и вся и не боящегося опрокинуть рюмашку во время занятий. Рекруты между собой трепались, что он — герой. Настоящий, спасший в давние времена бригадного генерала и получивший право выхода на пенсию не по возрасту, а по желанию.

И у Бо Мида такая же планка. Н-да... многого о командире я не знаю...

Заместитель комиссара оценивающе смерил взглядом взводного, тот ответил тем же, но меряться крутостью не стал.

— Я — начальник охраны маяка Федерации, расположенного в вашем округе. Согласно протоколу о взаимодействии с местным населением и региональными властями, представляюсь первым: сержант Бо Мид, личный номер 22148790. Вверенный мне объект подвергся нападению. В соответствии с соглашением о сотрудничестве и взаимопомощи между независимым государством Нанда и Федерацией, прошу предоставить экстренную связь с атташе либо иным представителем дипкорпуса. Универсальный код 12–12. Вам знакома эта комбинация?

У полицейского чиновника округлись глаза, однако назвался он, на удивление, сдержанно:

— Аместитель комиссара Наум Варрах. Сам комиссар сейчас на происшествии... Раумеется, цифры мне понятны. Код оповещения по категории «особо срочно».

— Дополнительно полста четыре.

Брови приехавшего чина из числа окружных копов недоверчиво изобразили домик.

— Авиаудар? Вы уверены?

— Более чем. От маяка мало что осталось.

— Детали?

Сержант промолчал. Это заместителю не понравилось.

— Господин Бо Мид! — начал он на повышенных. — Вы ничего не путаете?!

— Код 12–12, дополнительно полста четыре! Вы обязаны обеспечить меня связью без каких-либо дополнительных условий! — выплюнул сержант, бездушной машиной гипнотизируя полицейского. — Повторяю: обязаны. Можете уведомлять кого хотите, но потом. Я. Требую. Связь.

Чинуша в погонах опешил. Наверное, с ним давненько никто не общался в подобном тоне, тем более при подчинённых.

Наш командир посторонние душевные драмы проигнорировал, однако напор понизил.

— Организуйте связь, заместитель комиссара. Необходимые коды прозвучали. Остальное — не вашего ума дело. Жду вас максимум через пятнадцать минут с положительным результатом. В противном случае я буду вынужден доложить по инстанции об отказе в содействии военнослужащим Федерации.

Давая понять, что беседа закончена, Бо развернулся к клинике и обратился к нам:

— Чжоу! Самад! Идите внутрь, покажитесь специалистам.

— А вы?

— С вами пойду.

Окинув взглядом копов, пустую дорогу, всё ещё приходящего в себя главного полицейского, я сообразил, что Мид обеспокоен не только нашим здоровьем, но и жизнями вообще.

Вокруг вооружённые люди во главе с туповатым замом, к чему испытывать судьбу? Основная задача наружного поста выполнена — контакт с представителем власти установлен. Дальше пусть разбираются дипломаты.

Широкий, светлый холл клиники с расставленными вдоль стен стульями, почему-то пустой стойкой регистратора, белыми дверями кабинетов и отдающим эхом мозаичным полом сильно портило оружие: сваленные в кучу винтовки и приставленные к подоконникам гранатомёты.

Зато работал визор, установленный почти под самым потолком.

— О, пацаны! — обрадовался нам Сквоч, оборудовавший наблюдательный пункт у дальнего окна. — тут случилось чёт... Базарят прикольно, но половину я вообще не понимаю. Слова вроде как наши, а вроде как и нет.

— Помолчи! — крайне раздражённо рыкнул Ежи, в нарушение всех приказов поглощённый просмотром.

— Брок? — вопросительно произнёс командир, нехорошо щурясь и заставляя лопоухого вспомнить о своих непосредственных обязанностях.

— Господин сержант, — лишь наполовину отворачиваясь от застывшего на экране изображения какого-то мужчины, доложил взводный умник. — Обращение президента к нации идёт. Погиб лидер оппозиции. Под обстрелом розенийцев. На нашем маяке...

Картинка в визоре сменилась на панорамную съёмку последствий огромного взрыва. Внушительная воронка, задымлённость, повсеместно разбросанный строительный мусор, свёрнутые причудливыми изгибами остатки металлоконструкций, огрызки бетона.

Оператор перевёл ракурс.

Разбитый вертолёт, изогнутые лопасти, полицейские, гражданские, пожарные, полосатые красно-белые ленты, огораживающие мёртвую машину...

Отдельно тела, накрытые простынями. Много.

Из кабинета в холл вышла женщина в белом халате и шапочке медсестры. Морща лоб, Бо отрывисто спросил у неё:

— Вы кого-то ждали в клинике?

— Да, — не удивилась она. — Пострадавших при крушении вертолёта. Потому и на месте все. Город маленький, долго собираться не прислось... А вы что, не оттуда?!

— В какой-то степени. Как парни?

— Делаем всё, что в наших силах, — отделалась дежурной фразой сотрудница и быстро скрылась за дверью с надписью «Приёмный покой».

В визоре, между тем, появился новый мужик, судя по гербу за спиной и флагу у трибуны — президент. Он твёрдо, с драматической суровостью, выдал краткий спич о невосполнимой утрате, коварных врагах, торжестве законности и неотвратимости наказания для преступников, поправших человеческие ценности своими грязными лапами, высокопарно присовокупив напоследок: «Не абудем! Не простим!».

На этом трансляция закончилась, явив надпись о трёхдневном государственном трауре.

— Сука... — невольно вырвалось у меня, когда я сложил очевидные факты: удивление полицейского при упоминании маяка Федерации, отсутствие начальства, взрыв, нагнавший электроплатформу при отступлении, раскуроченный вертолёт, белые простыни на земле и глубину всей той жопы, в которую мы угодили.

— Мягко сказано, — сержант оказался солидарен со мной. — Сквоч! Глянь в окно. Чем там занят павлин с эполетами?

— По коммуникатору болтает. У машины. Орёт. О чём — не слышу. Мандражирует.

Характеристика поведения заместителя комиссара красочно описывала положение вещей. О нас докладывает.

Не выдержав, я тоже подошёл к окну. Встал с краю, чтобы не светиться.

Копы оживились. Поперёк выезда с парковки растягивали ленты с торчащими из неё стержнями, стрелки с дробовиками укрылись за служебными автомобилями, напялив бронежилеты и шлемы.

Микроавтобус Наума Варраха переместился влево, за угол примыкающего к клинике

здания, оставив в поле зрения лишь кусочек заднего бампера.

— Самад! Брок! За мной! Попробуем разобраться... На провокации не реагировать. Оружие на местных не наводить.

... Мы вышли на улицу, готовые ко всему. Сержант, на правах командира, шёл первым, наглый и уверенный в себе. Копы, завидев его решительную фигуру, изрядно напряглись и попрятались за машинами.

— Наум Варрах! — с порога крикнул Бо, выглядывая заместителя комиссара.

Тот отсутствовал.

— Наум! Варрах!!! — от повторного зова лужёной, привыкшей повелевать глотки стало не по себе даже нам.

Худощавый полицейский с веснушчатой физиономией, сидевший на корточках за служебным автомобилем так, что только голова в каске над капотом торчала, забубнил в прикрепленный к нагрудному карману передатчик.

Выслушал ответ, передал его Миду:

— Он анят.

Сержант будто только этого и ждал. Вперил в конопатого ледяной взгляд, презрительно искривил губы.

— Позовите.

— Господин Варрах прибудет, как только освободится.

— Вы не поняли, офицер. Я не собираюсь ждать вашего начальника вечность. Я — представитель Федерации и требую положенного уважения к моему статусу.

Бедолага-коп уже и сам был не рад, что проявил инициативу и связался с руководством. Из него делали громоотвод в абсолютно посторонней разборке. Внятных же инструкций у худощавого, похоже, не имелось. Во всяком случае, по-другому объяснить его замешательство я не смог.

Остальные полицейские, поопытнее и поумнее, и вовсе предпочли отмолчаться.

Поняв, что большего от рядового служаки не добиться, Бо Мид перешагнул через преграждающую выезд ленту и направился к микроавтобусу.

— Вам апресено покидать клинику! — глупо моргая, попытался остановить его веснушчатый.

— В смысле?! Кем запрещено?! — удивление командира выглядело настолько естественно, что осмелившийся заговорить коп повторно опешил, аж заикаться начал.

— Г-господином Варрахом...

— На основании чего?! Кто он, этот ваш Варрах, вообще такой, чтобы давать указания действующему подразделению Федерации? Бог? Генерал? Командующий сектором? Вы хорошо подумали, прежде чем делать такие заявления? Готовы нести ответственность за самоуправство вместе с этим вашим недокомиссаром?!

Всё это звучало на ходу. Сержант пёр нахрапом, точно просчитав уровень компетентности местечковых служителей закона и тонко чувствуя грань ответственности, за которой наступало «да ну его, дурака армейского... пусть начальство с ним возится».

Поравнявшись с капотом полицейского автомобиля, он коротко бросил, добывая переговорщика:

— Вас поставили охранять безопасность жителей города. Охраняйте, вам никто не мешает. Но вот препятствий от всяких мелких сошек я не потерплю!

Наблюдая за перебранкой, я краем глаза отмечал стволы дробовиков, повёрнутые в нашу

сторону и смотрящие почему-то в область живота.

Бр-р-р... мурашки по коже.

... Представление достигло ожидаемого эффекта. Из микроавтобуса выбрался разыскиваемый нами чинуша в изукрашенных погонах и с обречённо-хорохористым видом направился к месту разгорающегося конфликта, зачем-то впечатывая каблуки в уличное покрытие, будто на параде.

— Что вы себе позволяете? — издали завопил он, задирая подбородок и выпячивая нижнюю челюсть для придания веса сказанному. — Я буду вынужден...

А голос-то у золотопогонника петуха даёт... Фальцет проскальзывает. Пугливо дяденьке, неуютно в нашем обществе.

— Где связь? — командир двигался ему на встречу, коротко бросив нам. — Ждите.

Я притормозил, Ежи тоже. Повернувшись к полицейским, мы замерли с самыми скучными мордами, на которые только были способны. Стволы винтовок, конечно, опущены.

Они смотрели на нас, мы на них.

— Жвачка есть? — невинно поинтересовался Брок у веснушчатого.

— Не-а, — протянул тот, вздрогнув.

— А что есть?

— Кола.

— Поделись, не жмоться. Пить охота.

Продуманный Ежи сглаживал возникшие угловатости, демонстрируя взвинченным копам древнюю, как вселенная, истину: «Все мы люди, все мы человеки. Начальство — идиоты. Пусть себе концами меряются, как им надо, а мы, рядовые, уж как-нибудь договоримся».

Полицейский, выглядывавший из-за плеча конопатого, кинул нам бутылку с колой. Оказывается, она около колеса стояла, початая. Комфортно тут в оцеплениях обустраиваются, балуют себя.

Приложились по очереди. Вкусно. Копу вернулась почти пустая бутылка.

Наум Варрах больше кричать не стал. Остановившись напротив Бо, он с достоинством посмотрел на выскочку-сержанта и с ленцой ответил, демонстрируя подчинённым, кто именно хозяин положения:

— Устанавливаем. Технические неполадки.

Но таким дешёвым пафосом командира оказалось не прошибить...

— У вас заблокирован коммуникатор? Позвоните в министерство, доложите о нас. Снимите с себя ответственность.

— Такие сведения передаются по акрытым каналам, вам ли не натъ?

— Угу... Укажите требуемое время для устранения неполадок.

— Не командуйте! Оидайте! Я лично сообщу. Что вы как истеричка себя ведёте?!

Оставив последнее слово за собой, чинуша, не прощаясь, пошёл обратно, причём с некоторой поспешностью.

Бо Мид тоже не стал задерживаться и скомандовал возвращаться.

В здании нас огорошил новый приказ:

— Раздеться! До трусов.

Ну вот, начальственная придурь в действии... Но мы приучены не рассуждать.

На стулья полетело обмундирование, каски, бронежилеты. Винтовки никто и не подумал бросать.

Четыре красавца посреди холла в одинаковых трусах и с одинаковым оружием. Самому смешно.

Сквоч гыгыкнул:

— В медкомиссии красивые медсестрички есть?

— Для тебя медбрат припасён. Большой и волосатый, — проявил юмор Ежи, чем всех удивил. Надо же, лопухий шутит!

— Всё это очень улыбательно, — клопоча яростью, неожиданно вызверился командир. — Кретины! До кого доходит как до бревна, поясняю: этот павлин тянет время. С какой целью — не знаю, но связи он нам не предоставит. Давно бы уже по коммуникатору связался и спихнул нас погонам повыше, избавляясь от ответственности. А он этого не делает. Он выжидает... и я крепко сомневаюсь, что результаты нас обрадуют. За подобное промедление и саботаж межправительственных договорённостей, по меньшей мере, места лишаются, а то и под суд идут!.. Обращение президента видели? Про нас и словом не обмолвились! А вам — хаханьки...

Выплеснув полную лохань невнятных опасений, он подбородком указал на дверь с двумя нулями, обозначающими уборную.

— Всем мыть морды, руки, шеи! В темпе! Вот-вот новые копы подтянутся! Городских слишком мало для полноценного блокирования объекта, потому используем данное обстоятельство по максимуму.

Я начал догадываться о замысле сержанта и поспешил привести себя в порядок. Ежи с Доном тоже торопились, разбрызгивая воду с мыльной пеной чуть ли не до потолка. Сквоч не отставал, однако выглядел растерянным и непривычно задумчивым.

Всласть наплескавшись и переведя гору одноразовых полотенец, мы с облегчением вывалились в холл, пред грозные сержантские очи.

Там, рядом с присевшим на стул командиром, зачем-то стоял здоровяк Дрю Пат. Причём без брюк, в расшнурованных ботинках и с широченным медицинским пластырем на голени. Верхняя часть организма одета по уставу. Винтовка на плече.

Комичненько смотрелось, но острить никто и не подумал. Главное, целый, ходячий и вооружённый, а новыми штанами как-нибудь разживётся, или старые натянет.

В руках Дрю держал солидную охапку одежды и обуви. Завидев нас, он тотчас бросил барахло под ноги.

— Разбирайте.

Бо Мид утвердительно кивнул.

Каждый из нашей отмытой четвёрки, устав удивляться очередным сержантским причудам, потянулся к гражданским тряпкам, особо не заморачиваясь выбором и делёжкой. Мне достались однотонная футболка на три размера больше, джинсы по мерке и великоватые, разношенные туфли. Их пришлось утягивать шнуровкой.

Одевшись, сунул руку в карман и извлёк оттуда связку магнитных ключей на кольце с брелоком в виде мультяшного доктора да конфетку в яркой обёртке.

Конфетку вернул обратно, ключи положил на стойку регистратора, небрежно поинтересовавшись:

— У врачей одолжил?

— Хе... Они ординаторскую не закрыли, — неприятно оскалившись, Дрю

заговорщицки подмигнул. — Кто ж им виноват?

Сержант не удостоил вниманием признание в откровенном грабеже, полностью сконцентрировавшись на разномастно одетом личном составе. Каждого критически осмотрел, оценил по какой-то своей шкале. Помрачнел ещё больше, однако о выводах не сообщил. Вместо этого произнёс:

— Слушаем. Запоминаем. Ваша задача незаметно покинуть территорию клиники, рассредоточиться по городу и наблюдать за обстановкой. Ни во что не вляпываться, вести себя культурно, девушек за ляжки не хватать. Просто шататься неподалёку и поглядывать. Если увидите регулярные части, полицию или иные признаки того, что нас тут обкладывают по всей форме — приказываю потеряться.

— Что значит потеряться, господин сержант? — раскрыл рот Чжоу, отбивая первенство главного выскочки у Ежи.

— Исчезнуть. И всеми правдами и неправдами пробираться к представительству Федерации с докладом о случившемся. По одиночке, не стадом!

— Но как?

— Как хочешь, — Бо Мид устало отмахнулся от назойливого Дона. — Проявляй смекалку. Попробуй использовать тот кисель, что ты называешь мозгом... Что ещё... Не вздумайте с кем-нибудь делиться планами выбранного маршрута. Если всё пойдёт через задний проход — молчать никто не станет. И я сдам, и ты, и он...

Пессимизм начальства мне категорически не нравился, однако наш командир был последним, кого бы я решился обвинить в паникёрстве и склонности к перестраховкам.

Развеивая последние сомнения, он добавил:

— Тот клоун, на улице, в настоящий момент нарушает абсолютно все инструкции. И я убеждён — не по своей воле. Приложите к этому выпуск новостей и речь президента аборигенов, в которой он упомянул о вражеской диверсии. Вполне может статься, что мы официально погибли... На всякий случай, чтобы картинку в визоре не портить. Другого объяснения такой прыти мелкого клерка я не вижу.

— Может, попробовать по коммуникатору связаться? — с некоторой горячностью и, разумеется, тоном первооткрывателя предложил Брок. — Наверняка ведь в сети есть номер представительства. Аппарат можно у докторов одолжить...

Я промолчал. Печёнкой чуял, что ушастый несёт полнейшую чепуху. И не ошибся.

— Автоответчик. Я назвал коды, по которым автоматика обязана отреагировать и соединить меня с живым человеком. Ничего. Вполне возможно, звонок оказался перехвачен или... не знаю. Но мне это не по душе. Мы в своеобразном вакууме. Отрезаны от всего. Потому и отправляю вас, раздолбаев... Больше некого. Остальные под присмотром докторов. Я остаюсь с ними. Буду тянуть переговоры, сколько потребуется, однако здесь гражданские... не хватало ещё обвинений в захвате заложников. На многое не рассчитывайте.

Из-под бронжилета сержанта Бо появилась некрупная пачка зеленоватых банкнот. Торопливо отсчитывая по несколько купюр, он принялся раздавать нам эти раритеты.

Взяли все, и я в том числе.

— Кредиты Федерации, — подсказал Ежи. — Нужная штука. Универсальные деньги.

— Да. Моя персональная заначка, — кивнул командир.

Вживую настоящие деньги я увидел впервые. Если бы не исторические фильмы, в которых изредка мелькали чемоданы с похожими бумажками и за которыми все гонялись —

ни за что бы не догадался, для чего нужна вся эта нарезанная макулатура с портретами.

Везде, где мне приходилось бывать, расчёты велись сплошным безналом, через электронные кошельки. А как этой, на ощупь — бумагой с пластиковой примесью, пользоваться? Где её принимают?

Недоумевали все, кроме Брока. Он бережно свернул купюры пополам и сунул их в карман штанов.

Мы повторили его движения.

— Если всё пойдёт нормально — вы об этом узнаете, — командир поднялся со стула, поправил винтовку, пристраивая руку поудобнее. — Я лично объеду город на машине с громкоговорителем и буду звать вас. Если нет — рядовой Пат шарахнет из гранатомёта в угол здания. Бумкнет знатно, услышите. Тогда... ну, вы поняли... Связь нам не дали и всё пошло наперекосяк. Доступно?

— Так точно.

... А в коленках дрожь. Меня же местные по разговору вычислят, по незнанию города... а жрать я что буду? Еды нет, привычных денег нет, одни бумажки с торжественными харями незнакомых мужиков. Вроде достоинством по пятьдесят и по двадцать кредитов. Это много или мало? На что хватит? От чего мы бежим? Где документы раздобыть? Без них — никуда, любой патруль заграбастает.

О чём думал сержант, затевая эту безнадёжную авантюру? Как мы отсюда выберемся? Копы, квадрокоптеры, круговой присмотр...

Однако Мида больше заботила краткосрочная сторона мероприятия. То, что следует сделать здесь и сейчас.

— Брок! План здания изучил?

— Так точно!

— Как отсюда выйти максимально незаметно?

— Никак! — по-кретински сообщил лопоухий. — В здании четыре выхода. Главный, через который мы вошли; ворота выезда автомобиля скорой помощи с противоположной стороны, на другую улицу... аварийный в торце здания и служебный, ведущий в приёмный покой. Сама клиника имеет форму, — он нарисовал в воздухе знак «Г».

— Окна?

— Я-а... э... — заблеял докладчик.

— Окон полно, — в кои-то веки вмешался Дрю Пат, обычно предпочитавший держать язык за зубами и в дискуссии с начальством не вступать. — Я выглядывал в парочку. За больницей внутренний двор, огороженный забором от короткой части строения до угла. Во дворе — деревья. Сверху обзор прилично закрывают, но там квадрат завис... Шлагбаум ещё имеется. Автоматический. И тачки персонала стоят.

Это отчасти объясняло пустую парковку перед больницей.

— В окна — стрёмно. В одиночку ещё туда-сюда, а кучно — спалимся, — высказался Чжоу. — И ни в жизнь не поверю, что задние ворота без присмотра.

Внимательно выслушав обоих рядовых, сержант припомнил:

— К зданию слева примыкает другое здание, с эмблемой пожарных на фасаде. Внутренние переходы имеются?

— В плане эвакуации ничего не указано. Это, получается, с гаражом общая стена... Можно у персонала уточнить. — пробормотал Ежи.

— И раскрыть наши намерения? — изумился Бо. — У каждого из сотрудников клиники

при себе коммуникатор. Как ты думаешь, скольким из них уже позвонили власти и поинтересовались, как дела и как мы себя ведём? Доктора — люди известные, а их контактные номера вся округа наизусть помнит... Говоришь, из гаража прямой выход на соседнюю улицу?

Пристыженный за недогадливость лопухий утвердительно замотал головой. Сержанту для принятия решения этого хватило.

— Разберёмся. Всем следовать за мной! Пат, остаёшься в холле! Никого не впускать и не выпускать! И вообще, заблокируй все двери... Брок! Показывай дорогу в гараж! Из него выезд на соседнюю улицу, я правильно понял? И квадрокоптер завис именно над внутренним двором?

— Так точно!

Ни разу не сбившись, взводный умник привёл нас в полускладское помещение, где в одиночестве скучала жёлтая машина с красными крестами на бортах и проблесковыми маячками на крыше. Рядом с ней имелись ещё три места под транспорт, однако они пустовали.

— У полиции нехватка личного состава. Все на выезде, — вслух рассуждал Бо Мид, баюкая повреждённую руку. — Но скоро придут. Тогда у них и мошка незаметно не пролетит. Потому попробуем в лоб. Надежда только на нас самих... Парни у врачей, бойцы из них — дрянь. В окна прыгать считаю неразумным — могут перещёлкать. Слушайте! Я немножко пошумлю, отвлеку внимание, а вы выскочите... При необходимости разрешаю бить морды. Брок! Куда ведёт эта дверь? — отвлёркшись от мыслительной деятельности, сержант указал на неприметный, запертый проход в стене.

— Наверное... Не могу знать!

Цыкнув, командир подошёл к двери, осмотрел её, прижался носом к щели между полотном и дверным косяком. Понюхал воздух. Прислушался. Дёрнул за ручку — закрыто. Рванул на себя. Полотно немного подалось.

Заглянув в образовавшуюся щель, сержант удовлетворённо хмыкнул:

— Пожарные. Гараж. Спасибо унификации с глобализацией. Так часто строят. Место выбирают по принципу оптимального расположения, и лепят спасательные службы по соседству. Полиция всегда отдельно. Из-за пьяных и прочих буйных граждан. Шумно там, нельзя рядом с больными... Ну и экономности муниципалитета отдельная благодарность. Дверь обычная, дешёвая. Помогите...

Под объединённым напором замок, преграждавший путь к расположению огнеборцев, сдался за считанные секунды, особо и не хрустнув. Открылся проход в высокий, пустой бокс для техники.

— Все у маяка, — знающе прокомментировал ушастый.

Угу, а то мы бы и сами не догадались, особенно после панорамной картинки с визора и клинике, аврально подготовленной к приёму раненых.

— Планы меняются, — Бо улыбался во весь рот. — Стрельба по квадрокоптерам и взрослое бодание с копами откладывается. Выйдете через дальний выезд, там ещё одна дверь должна находиться. Строение типовое... Действовать по сигналу! Кодовое слово «начальник». Я останусь тут и начну с копами общаться на доходчивом языке. Если прозвучит: «Ухожу» или похожая вариация — не высовывайтесь, отступайте обратно в клинику. Что ещё... Когда окажетесь на улице — не бежать! Перемещаться спокойно. Валите!

Плохо понимая первоначальный план начальства и радуясь, что он отменился (в данном вопросе довольной реакцией сержанта на дверь мне оказалось более чем достаточно), собрался уже идти в указанном направлении, как вдруг командир придержал меня за футболку и шепнул:

— Самад! У тебя в чипе протокол уничтожения кодов. Доказательство того, что мы действовали по правилам. Без отсебятины... Оружие для дипломатов, палка для аборигенов, вздумавших воду мутить. Жаль, продублировать остальным нет возможности... Понимаю, могут быть сложности, но ты уж постарайся, обязательно доберись...

Заинтересованный взгляд Сквоча, обернувшегося на мою заминку, заставил Бо Мида отпустить мою одежду.

— Идите! Удачи.

По широченному боксу двигались спешно. Неизвестно, сколько народу в пожарке осталось. Набегут дежурные огнеборцы, спрашивать не о том начнут.

В соседнем гараже послышался лязгающий отзвук электропривода ворот и раскатистый, бесцеремонный голос Бо Мида:

— Вы чего тут крутитесь? Представьтесь по всем правилам! Я — сержант Федерации, а вы кто такие?..

В ответ доносилось хамоватое:

— Бу-бу-бу.

Отвечающий коп имел чрезвычайно хриплый голос и в силу этой особенности звуки сливались, точно он в трубу говорил.

— Да пошёл ты на хер! Останавливать он меня будет, чмо мордатое! Кто начальник?..

Командир, похоже, вышел на улицу — чёткость слышимости резко упала.

Сжавшись, точно его собирались бить толпой, лопухий потянул за задвижку двери, стараясь не лязгнуть. Никаких электрозамков, никаких защёлочек. Только простота и надёжность.

У нас в расположении царили аналогичные порядки. Внутри жилых помещений всегда ручные запоры устанавливались. От дураков. Потеряет какой-нибудь недоумок ключ, питание засбоит, начинку заглохнет — а вдруг тревога?

Сопrotивляясь доводчиком, дверь поддалась. Упастый вышел на улицу первым, мельком повернул башку влево, туда, где остался сержант, и развязной походкой пошёл в противоположную сторону.

Следом вывалился Сквоч, потом я, замыкающим оказался Чжоу. Не удержавшись, я тоже посмотрел влево.

Захотелось заплодировать.

Выезд из больничного гаража перегораживал полицейский автомобиль, ухитряясь багажником блокировать и часть проезда под шлагбаумом. Бо Мид, заранее предполагая подобную диспозицию, нахально открыл ворота, вышел на тротуар, осмотрелся и двинул влево, но не быстро.

Обалдевшие от такого выверта копы попытались помешать ему уйти, но нарвались на армейское хамство, наглость и профессионально отточенное умение разговаривать матом.

Как следствие, возникла перепалка, нацеленная на то, чтобы выиграть для нас несколько секунд.

Восторг... полнейший восторг... На ходу, без сколь-нибудь внятных вводных, придумать

план, как вывести четверых подчинённых из просматриваемого со всех сторон здания больницы — я бы не смог. Соображалки бы не хватило. Это же надо так филигранно вычислить возможности ограниченного контингента городских копов, умело сыграть на этом, блефуя каждую секунду и с математической точностью используя интеллектуальное преимущество!

А ещё что-то кольнуло в груди. Что-то уже знакомое, из прошлого... похожее на мгновения расставания с семьёй.

Следуя наставлению разбежаться, я не повернул вправо, а скорым шагом перебрался через почти пустую дорогу, наметив укрытием высокую, в мой рост машину с изображением пиццы на борту, припаркованную почти напротив выезда из пожарной части.

Затылок жгло желание обернуться, увидеть, что никто не несётся следом, не целится, не раскрывает рот, готовясь завопить во всю глотку.

Губы пересохли; ощущение такое, будто все смотрят только на меня и вот-вот начнут указывать пальцами: «Беглец! Лови! Преступник!». Но обошлось, благо, проезжая часть оказалась относительно неширокой.

— Хлебало завали! — сержант продолжал буйствовать на всю улицу. — Мне необходимо осмотреть периметр клиники на предмет безопасности! Хочешь — следом прыгай, но мешать не смей!..

Поворот, снова поворот.

Я с трудом давил желание побежать, подстраиваясь под размеренные шаги выпавшихся, постепенно заполнявших тротуары прохожих. Многие здоровались между собой, справлялись о здоровье, желали приятного дня.

Это плохо. Так принято в маленьких городках, где все знают всех или знакомы хотя бы шапочно. И где любой чужак на виду.

Тихие, мирные люди...

Мне тоже приветственно кивали, из вежливости. Принято у них так. Увидел человека — улыбнись, прояви доброжелательность. Я кивал в ответ, растягивая губы и переживая, чтобы вместо улыбки не получился оскал.

Эх... Не догадался попросить карту города посмотреть. Завалился бы в парк, сел на скамеечку...

Одни витрины сменяли другие, вывески и баннеры кричаще привлекали внимание. Бегло, краем глаза, просматривал названия, чтобы понимать, в какую часть города меня занесло.

Адвокатские конторы, офисы, нотариусы, ухоженные машины у обочин — типичный деловой райончик. Трудолюбивый и озабоченный вечной битвой за прибыль.

Не бежать. Не бежать!..

... В небе зарокотало. Сначала тихо, потом всё громче и громче. Никогда ничего подобного не слышал. Прохожие задрали головы, но разбежаться и не подумали. Задрал и я.

Надо мной, чудесным образом не задевая крыши зданий, пролетел вертолёт. Такой же, как в репортаже из визора, только более тёмный и с короткими крылышками по бокам, под которыми предельно чётко проглядывались тонкие силуэты ракет.

Следом пронёсся другой.

— Куда это их понесло? — спросила в никуда пожилая женщина в строгом платье, остановившаяся неподалёку.

Ей не ответили. У большинства горожан событие не вызвало особой

заинтересованности. Летают — значит надо. Им и на обращение президента, по-видимому, глубоко начхать. Иначе бы на всех углах обсуждали.

Везде народ одинаковый. Что тут, что там, далеко, в других созвездиях. У них своя плоскость, у правителей своя. Пока не пересекаются — друг о друге и не вспоминают.

Ходу!

Чем дальше отойду, тем меньше шансов под проверку попасть. А она будет. Да и рокот вертолётов не утихает. Зависли поблизости. Догадываюсь, где...

Впереди показалась узкая площадь, а за ней вытянутое возвышение с крупным табло. Присмотревшись, прочёл о скором прибытии поезда № 612, и его стоянке в семь минут. Откуда и куда следовал состав — не указывалось. Наверное, местная особенность: сами узнавайте, кому приспичило.

Перрон жиденько заполнен людьми. В основном молодёжь и чуть старше — лет до сорока. Поблизости ни одного правоохранителя.

Туда пойду, осмотрюсь.

Цифровая панель на том же табло уведомляла, что до прибытия ещё девять минут.

Выстрела из гранатомёта я не услышал. Звук попросту не донёсся, встречая на своём пути искусственные преграды в виде расстояния, зданий и городского шума. Зато услышал уйму сработавших от взрыва автомобильных сигнализаций, магазинных ревунов и усиленный мощными динамиками голос:

— Не приближаться! Проводится контртеррористическая операция!

Орало настолько сильно, что некоторые, особо впечатлительные личности, невольно приседали. По площади, вдоль перрона, промчался гражданский автобус, полный вооружённых людей в чёрной форме. Перед ним, монотонно повторяя «принять вправо», освобождал проезд полицейский автомобиль.

Бо — провидец...

Ждущие прибытия поезда № 612 с упоением снимали происходящее на камеры коммуникаторов, многие вели трансляцию онлайн, живейшим образом комментируя действия полиции и строя фантастические теории о причинах возникшей суеты.

Из-за этого на подъехавший состав мало кто обратил внимание. Всех увлекло разворачивающееся, пусть и невидимое отсюда действо.

Двери вагона открылись, прибывшие пассажиры выбирались под городское солнышко и с удивлением прислушивались к болтунам-недоблогерам.

Я же скользнул внутрь, довольно отмечая, что принцип оплаты проезда в этих краях мне знаком.

Электронный. Данные считывались с ID входящего в вагон, фиксировались в памяти железнодорожного компьютера и отмечалась точка посадки. При выходе снова считывались данные, программа вычисляла стоимость проезда в зависимости от расстояния и автоматически списывала нужную сумму со счёта.

Нет денег — не беда! Машинист тебя не выгонит, транспортная охрана промолчит. Сумма всё равно начислится. Потом пойдут капать проценты, а банки их покроют без твоего участия, как только хоть какие-то гроши у тебя в кошельке заведутся.

Прокатишься разок бесплатно, забудешь о мелком приключении, а после станешь недоумевать, почему у тебя на счету значительно меньше, чем рассчитывал.

Мне проще. У меня документов нет, а чип за ухом предоставит данные какого-нибудь

попутчика. Так сержант Бо сказал.

... Устроившись у окошка со стороны площади, опустил спинку сиденья поудобней, поправил подголовную подушечку и прикрыл глаза, мысленно желая удачи сержанту и парням. Никогда с ними особо не дружил, но... их не хватает.

— Двери акрываются! Просьба всех отойти от дверей. Следующая остановка — станция... — мелодично уведомил женский голос из расположенных под потолком динамиков.

Состав плавно тронулся, пассажиры разбрелись по понравившимся креслам. Вагон оказался полупустой, потому чужое общество мне не грозило, и никто словоохотливый рядом не плюхнулся.

Пора и о себе подумать. О перспективах своих, отвратных...

... Систем видеонаблюдения я опасался, но в меру. Безусловно, моя физиономия запечатлена на множестве камер, попавшихся мне по дороге, однако чтобы получить с них данные, требуется потратить значительное количество времени и сил.

Для удобства, коротая дорогу, поделил их на несколько групп.

Частные сети видеонаблюдения — те, что принадлежат магазинам, парикмахерским и прочим заведениям, куда принято ходить нормальным людям. К общегосударственной системе они не подключены по целому ряду причин, и основная из них — обоснованная принципиальность владельцев. Устанавливал за свои деньги, обслуживал за свои деньги — и отдай результаты дяде? За здорово живёшь?

Сетевые провайдеры тоже бесплатно обслуживать коммуникации не горят рвением. Дополнительным специалистам ведь нужно жалование назначать, достойный соцпакет, а правительственная машина — механизм прижимистый. От него денег не дождёшься.

С частниками власти регулярно пытались бороться, периодически издавая различные манифесты с требованиями централизовать, стандартизировать и объединить, но на практике дальше бумаги процесс не двигался, разбиваясь о вопросы технарей, нежелание малого бизнеса и, соответственно, финансирование. На чью шею вешать? Бюджеты городов, особенно маленьких, такие расходы потянуть не способны, на государственном уровне старались отделаться циркулярами и наставлениями.

В общем, платить никто не желал.

Следующими по порядку шли муниципальные системы безопасности. Но и тут не всё выглядело безоблачным. Основные улицы, конечно, густо перекрывали сканеры ID граждан, а все ключевые городские объекты и перекрёстки усиливались детальными системами видеофиксации, но... полностью город под стопроцентный контроль не взять, да никто и не пытался — слишком накладно выходило.

Поэтому, случись что, и полиция ножками оббегала прилегающие дома, требовала копии записей у частных, шерстила биллинг беспроводной связи.

Стране, опять же, экономия. Съёмка присутствует почти везде, а поинтересоваться при поиске свидетелей и очевидцев о её наличии — вообще бесплатно.

Третьими предполагались корпоративные системы безопасности, но там организация более серьёзная. В зависимости от богатства владельцев.

К ним я лезть вообще не планировал, потому отбросил за ненужностью.

Но не надо думать, что все вокруг тупые и пребывают в сказочном бардаке.

Специалисты отлично знают, что любую видеокамеру можно обмануть. Грим,

пластическая операция, широкополая шапка, очки с инфракрасными светодиодами, бесформенные одежды, и ещё обширнейший спектр ухищрений серьёзно снижали эффективность системы и заставляли искать новые решения.

Одним из выходов стал перенос всей документации из бумажной формы в электронную. Маленький имплант, вживляемый каждому жителю в три года от роду и несущий в себе всю информацию о человеке, прекрасно считывался любым идентифицирующим сканером. Банковские счета, больничные карты, страховые свидетельства и пропуска, да те же ключи от электронных замков на жилищах легко умещались в подкожном ID, как в обиходе называли электронный персонализатор личности.

На практике — удобно. И гражданам, и их контролёрам. Силовики имели прямой доступ ко всем операциям нужного объекта, вплоть до оплаты проезда на автобусе. Наличка ведь не в почёте. Я её до сегодняшнего дня вообще не видел.

Уличному же сканеру гораздо проще считать понятный ему код, чем задействовать ресурсоёмкую программу по распознаванию лиц. Последнюю, кстати, тоже никто не отменял. Но сфера применения оказалась довольно узкой и подключалась она по требованию или частично. При необходимости выбирался конкретный участок, и там — да, там компьютерные мощности резвились во всю, отрабатывая баснословные вложения в технику и демонстрируя гений программистов.

Как обстояли дела в метрополиях — без понятия. У них и технологический уровень не чета здешнему, и возможностей побольше.

Тут — Гео-22. Я на аналогичной планете вырос, потому могу себе позволить иметь некоторое суждение.

... За окном поезда мелькали поля, перелески неизвестных деревьев, безоблачное голубое небо. Красота...

Похвала напрашивалась сама собой. Молодец я, что больше мультиков криминальные передачи любил. Особенно ту, в которой видный, усатый дядька рассказывал о преступлениях прошлого, а актёры на заднем плане изображали действующих лиц. Все выпуски пересмотрел.

В них усталые, с грустинкой, детективы неизменно распутывали самые хитроумные преступления, задерживали преступников, допрашивали их, давили доказательствами. И всегда выигрывали в правоохранительной битве со злом. Об этом неизменно сообщал ведущий в самом конце, отстранённо перечисляя назначенные злодеям наказания.

Едва начинались титры, я, пребывая в полном восторге, начинал разбирать ошибки преступников и прикидывал, что бы я делал на месте сыщиков, повернись обстановка так или этак.

Поначалу, чисто по-детски, побеждал всех в два счёта, и ни один злодей не мог укрыться от грозного детектива Виталиса Самадаки; повзрослев, начал отмечать некоторые закономерности и делать выводы.

Полагал, пригодятся в будущей шерифской службе.

Пригодились... хотя и не совсем так, как планировалось.

По итогу, что мы имеем? Нормальный беглец всегда при неотслеживаемых деньгах. Бегать от закона — удовольствие дорогое. В передачах данную тему умышленно обходили стороной, но кое-что просачивалось.

Преступники широко пользовались чужими ID, приобретёнными или похищенными у бездомных да различных маргиналов, отрицающих действующие порядки по идейным

соображениям; реже помощниками в нелегальных манипуляциях выступали продажные копы. На устройства сторонними лицами переводились некрупные суммы, имплант приклеивался пластырем телесного цвета к руке и применялся для мелких расчётов. Продолжительность эксплуатации — до трёх дней, потом идентификатор отправлялся на помойку. Иначе могли вычислить.

Деньги у меня есть, как раз неотслеживаемые. Уже плюс. С конвертацией в местную валюту пока погожу...

Дальше — движение. Преступнику нельзя подолгу оставаться на одном месте, велика вероятность вмешательства полицейской агентуры или простейшей случайности. Внезапный рейд силовиков, бдительные соседи, да что угодно может сыграть роковую роль. Точку ночёвки желательно постоянно менять, если нет стопроцентной уверенности в её надёжности.

Третье правило — окраины тихих городов всегда опаснее центральных улиц. Там патрульных больше, как и шансов нарваться на полукриминальную гопоту. В центре же упор делается на техническое обеспечение, а не на живых людей. Под каждый столб копа не поставишь, каждого празднующегося не проверишь.

С моей пуговицей за ухом — толпа — самое оно. Пуговица... да нет, со стороны незаметна. Материал под цвет кожи, расположение продуманное...

И главное — непредсказуемость. До такой степени, что и сам не знаешь, где будешь через три минуты. Петляющие маршруты, переезды, смена транспорта — это моё оружие. Начнёшь жить по плану — попадётся. В полиции, как бы на неё не плевались, плотность дураков значительно меньше, чем везде. Умников хватает, и у половины — звериное чутьё.

А ещё я предельно чётко осознавал: захотят поймать — поймают. Это всего лишь вопрос упорства и времени. Бесследных перемещений не бывает, если только ты не человек-невидимка из комикса.

... Так я размышлял, откинувшись на спинку кресла и полуприкрыв глаза, и мне не верилось во всё происходящее. Вообще не верилось. Ещё ночью я благополучно торчал в столовой, слушал умничание Ежи и имитировал рассудочную деятельность, выполняя распоряжение Бо Мида. Словно вечность назад.

Дико... за сутки и под обстрелом побывал, и раненых наносился до ломоты в пояснице, и в разведку ходил, и клинику проведаль, и... страшно предполагать, что будет дальше.

Теперь же — вот он я! Пру в мировое пространство без документов, без вещей, без понимания, каков будет следующий шаг.

Ещё и спать охота до умопомрачения.

... К следующей станции поезд подкатил через двадцать три минуты после отправления — об этом свидетельствовало табло над выходом в тамбур. Всё. Дальше ехать нельзя. Меняю транспорт.

Мысленно извинившись перед неизвестным, которому придётся оплачивать вместо одного билета два, я спокойно пошёл на выход, поглядывая в окна.

Ага, вон наряд копов, у перехода через пути толкается. В руках — служебные планшеты. Остановив бойкого, почти бежавшего подростка с расшитым цветастыми эмблемами рюкзаком, они навели прибор на его физиономию, что-то сверили. Отпустили.

Придирчиво уставились на редких путников, пожелавших сойти именно здесь.

Плохо, и даже хуже. Нас уже ищут. В эти мгновения в состав наверняка несколько

бригад людей в форме загружается.

Пойдут с разных концов, проверяя пассажиров. При закрытых дверях, в ограниченном пространстве никуда не деться. Даже драку нет смысла устраивать. Любой нажмёт кнопку вызова помощи — подмога засуетится, бросится на перехват.

По спине забегали мурашки.

Ещё раз. Что я видел?

Наряд из троих копов. У перехода. На перроне — кроме редких пассажиров, закончивших свой путь или загружающихся в вагонное чрево — никого. Если в состав и садились полицейские, то только в голову, иначе я бы их заметил.

Почему их тут так мало? Не успели собраться? Вполне допустимо. Пока то, пока сё... Если населённый пункт относительно мелкий — личного состава, считай, и нет. Начальник да с десяток рядовых, ну и секретарша с экспертом. Все дыры ими не заткнёшь. И дороги перекрой, и в свободном патруле кто-то должен находиться — вызовы обывателей отрабатывать. Им что, разорваться? А вот поди ж ты... Догадливые. Понимают, куда в первую очередь заслон ставить.

Поезд теперь ловушка.

Дать дёру по рельсам?

Взгляд невольно скользнул в противоположную от перрона сторону. Неподалёку ждёт отмашки диспетчера товарняк, вдоль него прогулочным шагом идёт рабочий в оранжевом комбинезоне путейца.

Повернулся обратно, зелёные буквы табло сообщали, что следующая остановка через семь минут. Вот и тамбур...

Выходить? Не выходить?

В спину толкнул какой-то мужик, требуя свободного прохода. Посторонился, пропуская, и невольно затормозил. На перроне, со стороны хвоста поезда, растерянно топтался Дон. Он тут откуда? Мы же должны были в разные стороны разбежаться, согласно приказу!

Перепугано отшатнулся назад. С сослуживца станется заметить меня и сдуру всем продемонстрировать, что он не сам, с компанией.

— Эй! Парень! — возрастной служака из вокзального наряда обращался к Чжоу. — Сюда иди!

Тот сделал вид, будто это его не касается и пошёл обратно, в вагон.

Кретин... Зачем выскочил? Заранее в окно посмотреть не судьба? Теперь начнётся веселуха. Воображение оперативно предложило план дальнейшего развития событий: Дон прыгает в тамбур; копы бегут по перрону, вовсю матерясь, и оповещая все-всех о подозреваемом неизвестно в чём; двери поезда блокируются; начинается тотальный шмон с тщательной проверкой любой щёлочки состава; «Гражданин! Предъявите...»

Я ошибся. Коп поступил куда проще. Он всего лишь достал табельное оружие и гаркнул, прицеливаясь:

— Стоять! Выстрелю!

Увесисто прозвучало. Так, что сразу веришь — пальнёт.

Его коллеги тоже достали стволы.

Обернувшись, Чжоу оценил свои перспективы. Медленно поднял руки, повернулся к полицейским. Подавленный, растерянный... Судорожно огляделся, наверное, в поисках чуда.

— На колени! — протокольно продолжил сыпать указаниями коп.

Сослуживец слушался, обречённо поникнув головой.

Пипец Дону...

— Двери акрываются...

Створки съехались, явив на стеклах надпись: «Не прислоняться». Тело слегка дёрнуло — это состав начал плавно набирать обороты.

К безропотно сторбившемуся, окаменевшему от осознания происходящего, Чжоу спешили полицейские.

Президент пребывал в великолепнейшем расположении духа. Переговоры с атташе Федерации прошли более чем результативно. При всех отрицательных качествах и плохо скрываемой взаимной неприязни представитель «белых господ», как в кулуарах именовали содружество галактических толстосумов, имел крайне гибкий ум, а его изворотливости в пору поучиться многим.

Достойный противник, вызывающий невольное восхищение у оппонента. Уступал там, где мог и стоял насмерть в принципиальных вопросах. Впрочем, мгновенно предлагая компромиссные решения или схему по обходу некоторых ограничений в товарообмене высокотехнологичной продукцией.

Они просидели около двух часов, дольше не позволило строгое рабочее расписание. Пожав напоследок друг другу руки, каждый отправился согласно намеченному плану. Атташе — в космопорт, где его ждал челнок для эвакуации на орбиту, глава государства — в рабочий кабинет.

Незаметно для себя президент начал насвистывать простенькую мелодию, крайне популярную в дни его молодости. Хорошее настроение сказывалось, ну и избавление от федеративного засранца. В теле прямо лёгкость образовалась, ноги танца просят.

Полезные штуки эти протоколы безопасности. Глупые, но полезные. Вступают в силу — и их остановить невозможно.

Редчайший шанс выпал, надо использовать его на всю катушку.

Под кабинетом уже ждал секретарь. С папкой для бумаг, с едва заметной улыбкой на гладко выбритой физиономии.

Добрые вести?

— Проходи, Ивар, — президент толкнул входную дверь.

Он всегда делал это лично, считая рабочую комнату чем-то вроде храма, а себя — его хранителем. Никому не доверял. Об этой чудинке первого человека знали все допущенные в здание правительства и никогда не пытались угодить. Миновав двух гвардейцев, охранявших вход в кабинет (ещё одна древняя и атавистическая традиция), помощник вошёл следом за хозяином.

Поинтересовался:

— Как прошла встреча?

— Конструктивно. Гнул,я, будто трава на ветру. Ключевые моменты обсудили в нужном ракурсе. Ему скандал тоже не нужен. Потому продолжим следовать основной версии. Во всём виновата Розения. Шум они, конечно, подымут, но в состоянии войны кто обратит на это внимание? Запись моего обращения видел?

— Отменно. Я распорядился провести соцопросы и активизировать сетевую фабрику троллей для подчёркивания вашего уважения к покойному.

— Одобряю.

Довольный похвалой, Ивар заметил:

— В лагере оппозиции паника. Побежали первые крысы. Пока неявно, через посредников пытаются торговаться и набивают себе цену, но лиха беда начало.

— В торги не вступать. Выждем. Посмотрим, как они между собой сцепятся. Места в кабинетах делить начнут, проведут заседание фракции, определятся с новым лидером.

Секретарь немного изумился.

— Он же известен. Правая рука предыдущего...

— Неофициально — да. Однако его обязаны выбрать именно официально, со съездом партии и голосованием. Вот тут недовольные и всплывут. Подбросим дровишек в огонь, обласкаем напоказ кого-нибудь из тех, кого не жалко. Бросим особо жадным косточку и этим дадим своре перегрызться. Только тогда начнём делать предложения. Не раньше.

Дополнительное разжёвывание не потребовалось. Направление озвучено, дальше — работа почти механическая. Ненавязчиво встретиться с отодвинутыми от кормушки людьми, ненавязчиво перессорить всех со всеми, ненавязчиво их купить.

— Займусь, — лаконично уведомил Ивар.

Излагая своё видение ситуации, президент успел расстегнуть пиджак, ослабить галстук, разобраться с верхней пуговицей рубашки и расслабленно развалиться в кресле для переговоров с особо важными посетителями.

— У тебя что?

— По поводу охраны маяка. Удивительно, но выжили многие. Почти половина. Самостоятельно прибыли в клинику за медпомощью, где их и задержали наши подросшие посланники. За исключением четверых человек, — секретарь намеренно не перегружал доклад подробностями, здраво полагая, что если понадобится, то о них спросят. К чему без нужды упоминать дегенеративных копов, не сумевших организовать оцепление до прибытия основных сил и то, что основная их часть отбыла на место трагедии, как и предписывается нормативными документами? Двойко получится. Вроде как виноваты, а вроде как и нет. — Сбежавших ищут.

— Почти половина? — заинтересовался глава государства. — Многовато. Ты описывал ситуацию более трагично.

— Не полностью владел информацией, — признал Ивар. — И начальник СБН(*) кое-какие свежие агентурные данные подкинул. Налёт состоялся оттуда, откуда мы и предполагали — с железнодорожного узла. Основной целью являлось повреждение шпиля маяка, второстепенной — казармы охраны. Общий смысл...

— Большой скандал потом, — понимающе продолжил лидер нации. — С опросом выживших, с демонстрацией трупов крупным планом, с угнетающей картиной попорченных строений, с истеричными воплями о моей халатности и прочим рукотворным дерьмом, — закончил президент за помощника.

— Вы проницательны. Глава СБН думает так же. Перехожу ко второй новости. Орбитальный спутник зафиксировал короткий сигнал в окрестностях маяка. Прибывшая на место группа обнаружила планшет с выгоревшими внутренностями. Восстановлению не подлежит. Аналитики считают, что уцелевший начальник гарнизона маяка, сержант, — тут говорящий запнулся, с трудом произнёс, распахнув для этого папку и старательно читая по складам, — Боловенкаммаран Ре Мон Мидхопахаяхху посредством этого устройства отправил сообщение руководству об обстоятельствах случившегося, маршруте группы и прочие сведения касательно обстоятельств происшествия.

Кабинет огласил гомерический хохот владельца.

— Давно?

— Около трёх часов назад.

— То есть, когда я шёл на встречу с атташе?

— Да. Зафиксирована также попытка дозвониться, позже, примерно через час сорок

после сигнала. Сработал автоответчик.

Веселье президента переросло в уважительное удивление.

— Эге... с ним я в карты играть не сяду. Он и виду не показал, что знает о выживших. Доложили ведь наверняка... При мне ему что-то на ухо помощник шепнул... Ты посмотри, каков шельмец! Выгоду похлеще наркодиллера чует. Ни о спасательной операции, ни о ситуации даже не поинтересовался. Только про техническую часть уточнил да с пяток секунд погоревал о предстоящих расходах по восстановлению. На роже читалось: умерла, так умерла. Подлежит списанию.

Древний анекдот пришёлся весьма кстати. Глава государства издал новый смешок, Ивар поддерживающе хмыкнул.

Желая польстить начальству, смакующему победу в изначально проигрышной схватке с оппозиционными интриганами и хитромудрым атташе, секретарь невзначай поинтересовался. Наивно, будто не понимал всей подоплёки:

— Удивительно... Почему он отказался от своих?

— Потому что это уже ничего не решает. Есть факт — гибель нашего дорогого борца за народные права при взрыве маяка. Есть я, предложивший оптимальный выход из сложившейся проблемы с сохранением лица. Есть погашенный на корню конфликт. Причём, для Федерации стоивший сущие пустяки. К чему нагнетать, докапываться до правды, обнародовать то, что при умелом подходе полыхнёт почище печи крематория? И это только с нашей стороны. Не забывай, у атташе, как у любого видного чиновника, имеются собственные недоброжелатели, которые не упустят шанса подгадить... Вертикаль власти везде одинакова. Кто-то всегда считает, что ты занимаешь его место.

— Красиво сказано.

Лесть хозяину кабинета пришлась по вкусу. Иногда полезно потешить своё тщеславие, помогает расслабиться.

— Что с выжившими и сержантом Боловенкаммараном? — президент произнёс заковыристое имя без усилий. Сказывались обязательные для любого публичного политика занятия по ораторскому мастерству и дикции.

— Все пострадали в той или иной степени при налёте, один умер в пути. Оказана необходимая врачебная помощь. С ними работают безопасники. Состояние сбежавших устанавливается, но предварительно — целы, раз бегают. По мере возможности задержанные будут переведены в тюрьму до вашего особого распоряжения.

— Правильно. Пригодятся. Возможно, по окончании войны обменяем на что-нибудь. Или в оборот пустим, если понадобится. Мы это уже обсуждали. Не вижу смысла возвращаться. Сбежавших — найти.

— Бросить все силы?

— Ты дурак? — глава государства разозлился, покинул кресло и перебрался за стол. Он не любил, когда мыслят узко или требуют конкретизации распоряжений, надоедая нюансами. — У тебя в оппозиции не пойми что намечается. И не только в парламенте, а и на местах. Там тоже пирог делить станут... Экстренно нужны компромат, связи, тайные счета. Любая грязь сгодится для приручения. Вот туда все силы брось. А эти... да плевать на них. Не того пошиба фигуры. Рано или поздно найдутся, никуда не денутся. Передай, чтобы держали на контроле, и хватит. После займёмся.

Получивший взбучку Ивар подобрался, склонил голову в знак того, что осознал и принял к сведению услышанное.

— Давай, — президент нетерпеливо вытянул руку. — Что там у тебя?
— Документы на подпись. Требуется ваша виза...

СБН — служба безопасности Нанды.

Что там писали на табло? До следующей станции семь минут? Относительно недолгий срок. С учётом проверки всех пассажиров молодого возраста до меня вполне могут и не добраться.

А сколько впереди вагонов? Как ни старался — не вспомнил, однако твёрдо был убеждён — я сяду ближе к хвосту состава.

Перейти в последний? Или не метаться?

Межвагонные двери глухие, что за ними — не видать. Легко могу нарваться на бдительных граждан или иных деятельных личностей.

Лучше вернуться на место. Семь минут потерпеть. Семь минут... потом на выход, что бы ни ждало впереди. Если на перроне полицейские стоят — побегу в противоположную сторону, чтобы потом, по ходу забега, пассажирами прикрываться. В толпе стрелять не посмеют.

Ну а поймают — буду говорить честно. Я же ничего плохого не сделал. Власти разберутся...

Накатывающее малодушие угнетало. Самообман — он такой, заставляет верить в лучшее и отгораживаться от реальности. Кому я байки рассказываю? Своими глазами же видел автобусы с вооружёнными людьми, вертолёты прямо над городом, мегафон, разгоняющий обывателей — что ещё надо для полноценной силовой операции? Мало тебе? Судьбы Чжоу недостаточно? Сержант что-то подобное и подозревал, а я — лапки кверху...

Пока колебался, дверь, разделяющая вагоны, приглушённо зашипела приводом и открылась, впуская в тамбур взбудораженных Ежи и Сквоча, что после Дона вообще не удивило.

Ничего вокруг не замечая, они поспешили в вагон, едва не срываясь на бег.

Звать их не стал. Двинул следом, интуитивно догадываясь о причинах их торопливости.

В следующем тамбуре меня заметил Брок.

— Вит? Откуда?!

— Оттуда. Чего бегаєте?

— Проверка. Копы с охраной состава всех идентифицируют. Мы их в окошко углядели.

Они сели в первый вагон.

— Чжоу видели?

— Да...

— Что делать думаете?

— Открыть дверь через аварийный рычаг и спрыгнуть, когда состав притормозит. Копы прыгать побоятся. Они же не сумасшедшие.

... За вагонным окном мелькали дома, длинные промышленные постройки и разветвляющиеся рельсы вспомогательных путей. Населённый пункт и не думал заканчиваться...

— Поезд движется с приличной скоростью. Километров восемьдесят в час, не меньше. Шеи поворачиваем. Или ноги переломаем.

К такому повороту Брок оказался готов.

— Перед остановкой выскочим, когда совсем замедлится.

Я не нашёл аргументов против.

— Вариант. Только у машиниста на пульте сигнал появится.

— Забей.

— Потом наболтаетесь, — зло пресёк Сквоч наши пересуды. — Трепачи...

Прозвучало это настолько необычно и авторитетно, что я предпочёл замолчать. Бесфамильный удивил. Обычно добродушный, пофигистичный, в данный момент он являл собой взведённую пружину, сжатую до предела.

Следующий вагон миновали без происшествий. На нашу троицу никто не обращал внимания, мы тоже не особо интересовались окружающими. Народ негромко болтал, развлекался играми в коммуникаторах, отдельные личности вообще дремали, свесив головы.

А вот после очередного тамбура нас поджидал сюрприз. Едва отъехала дверь, как Ежи, шедший первым, отпрянул назад, ненароком толкнув меня спиной.

— Там мужик в форме!

Я тоже успел мельком заметить человека в унифицированной коричневой одежде, с переговорным устройством, закреплённым у воротника и дубинкой на поясе, метрах в четырёх от входа.

Охранник.

Широко распространённая профессия, особенно на железной дороге. Несмотря на все системы наблюдения и защиты, транспортники по-прежнему продолжали пользоваться услугами обычных живых людей. Пьяных утихомирить, выписать штраф за мусор между сиденьями, приструнить излишне шумных пассажиров, присмотреть за уборщиками вагонов, да мало ли что ещё?.. Работы им всегда хватает.

У меня дома так же было заведено. Под копирку путейское начальство, что ли, порядки устанавливает? Или выбрана оптимальная модель организации контроля за путешествующими, да и нормально? А что? Схема рабочая, неоднократно обкатанная, расходы на содержание однозначно оптимизированы и сведены к минимуму.

... Сотрудник железки дёрганья лопухого не заметил. Он, похоже, считал молодняк в вагоне, бесцеремонно присматриваясь к сидящим и тыкая пальцем в коммуникатор.

Ну да, считал. По прибытии копы заблокируют двери состава, пройдутся частым гребнем с проверкой, а во избежание накладок сверят число отработанных с количеством посчитанных. Или...

— Уходим прямо сейчас, — догадка заставила сердце биться чаще. — Если полиция подключится к системе наблюдения поезда, то мы — как на ладони!

Дверь, отделяющая тамбур от удобных кресел и мужика в униформе, посчитала, что все, кому надо, прошли и наконец-то закрылась.

Быстро соображающий лопухий метнулся к окну.

— Нельзя! Ход ещё не замедлился!

За стеклом проносились грузовые вагоны, платформы, рельсы и столбы.

— Тогда идём в конец состава! — решение родилось само собой. — Делаем морды кирпичом и проходим мимо охранника. Автоматика дверей работает медленно, рывком не откроешь. Надо ждать и выиграть эти грёбаные минуты!..

Я ещё не закончил речь, а бесфамильный, что-то задумав, снова нажал на кнопку открытия.

— Охранник! — позвал он человека в форме, нарочно раскорячившись в проходе так, чтобы мы не прошли и упёрся ребром ладони в резиновый торец двери, блокируя

самопроизвольной срабатывание датчиков движения. — Иди сюда. У меня сумку украли!

Профессиональный долг взял верх над арифметикой. Мужчина в униформе оторвался от коммуникатора, недоумевающе посмотрел на Сквоча. Тот добавил, подогревая обстановку:

— Воры скрылись в дальнем вагоне. Помогите догнать!

И ведь ни одного слова с нелюбимыми «ж», «з», «ш» и «щ»! Как по писанному шпарит — от местного не отличишь!

Рука сотрудника безопасности заученно потянулась к переговорному устройству — доложить о происшествии. Пассажиры, привлечённые возгласами незнакомого парня, заинтересованно уставились на застывшего в дверях сослуживца.

Тудыть... Сейчас дядька сообщит, кому следует, и приплыли...

Жутко захотелось лягнуть бесфамильного в ухо. За тупость и несогласованность. Имбецил! Мы тут прячемся, а он...

Доклад всё же прозвучал. Я не видел, однако слышал приглушённое: «Украли сумку. Третий вагон». Брок зажмурился в предчувствии неизбежного.

— Скорее! — продолжал юродствовать Сквоч, вслепую пиная меня ногой, чтобы отодвинуться подальше от прохода. Да метко так! Пришлось отскочить.

Давать сдачи я не решился, положившись на волю провидения. Ну и не успел бы. Охранник, почти сразу после доклада, вбежал в тамбур, сжимая рукоять служебной дубинки.

— Кто украл?

— Туда утёк!

— Чего-о?.. — опешил мужчина. — Что сделал?! У-тёк? Вы кто такие?!

Последнее относилось ко мне и Ежи.

Скривившись из-за лингвистического прокола в сленговой части, Сквоч, толкнул охранника вбок, на ушастого, и приложил его кулаком в затылок, как раз когда умная автоматика двери, почуяв отсутствие сопротивления, начала срабатывать. Её так целенаправленно настраивают, дабы зазевавшимся пассажирам ноги с руками не поотдавливало.

Стукнутый, охнув, упал на Брока, а бесфамильный уже вытаскивал дубинку.

— Да брось ты его! — рыкнул он лопухому, бешено вращая глазами. — Готовьтесь!

Не целясь, он наотмашь ударил по кнопке открытия дверей в голову состава. Раз, другой... В ней что-то заискрило, посыпался разбитый пластик панели.

— Все ищем аварийный тормоз!

Красные рукоятки, прикрытые опломбированными прозрачными щитками, оказались на стене тамбура, друг напротив друга. Одна отвечала за экстренную остановку состава, другая за принудительное открытие вагонных дверей.

— Сначала двери! — Ежи взял себя в руки. — Иначе могут заблокировать!

Сообразить, какую из них дергать первой, оказалось не сложно. Обе рукоятки сопровождали вполне доходчивые картинки с изображениями последствий и красные наклейки с перечнем допустимых причин использования. Ниже шёл список возможно нарушаемых статей и внушительных штрафов согласно действующего положения о наказаниях.

Дубинка разбила щитки. В стороны брызнули осколки хрупкого пластика.

— Рви!

Я послушно рванул...

... Железяка поддалась с неохотой, однако возложенную на неё функцию исполнила штатно, немедленно заставив распахнуться створки с надписью «Не прислоняться».

— Рви вторую!

До второй ручки мне снова оказалось ближе всех. Схватив прохладный металл, я дёрнул его с таким остервенением, словно от этого зависела моя жизнь. Не абстрактно-вообще, а здесь и сейчас.

Поезд вздрогнул, будто получивший электрический разряд организм. Нас швырнуло вперёд, на стену, впечатывая носами в твёрдую поверхность. Локоть бесфамильного ткнулся под мои рёбра; лопухий пискнул, хорошенько приложившись всем телом об облицовочную панель.

Колёса истошно завизжали, из вагона, сквозь закрытую дверь, донеслись проклятия и женские вопли.

Снаружи шумело, шипело, вдобавок пол норовил уйти из-под ног — пневматика тормозов отработывала своё предназначение на славу. Снова дёрнуло и состав, напоследок громыхнув буферами, остановился.

Подавая пример, я прыгнул первым, приземлившись перед нагруженной трубами железнодорожной платформой. Не рассуждая, нырнул под неё, оцарапав ладони о гравий отсыпки и шаркнув головой по днищу. Выскочил с другой стороны, бросился через рельсы, под новый вагон. Какой — не разглядел, следил за колёсами. Не дай бог тронется — меня там и размажет.

Оббежал гору шпал, сложенных между путями, какую-то вспомогательную технику с краном, выскочил на бетонированную дорожку, едва не врезавшись в глухую, длиннющую стену. Забрал вправо, в противоположную движению поезда сторону, подальше от вокзала с людьми.

О сослуживцах не думал. Каждый сам за себя. Я не с ними, они не со мной. Случайная встреча не в счёт. Выполняю приказ — по одиночке. Придраться не к чему.

Более того, по полосе препятствий на нашем полигончике помню — Сквоч бегаёт что твой автомобиль, не угонишься; Брок — почти всегда последним приходил, еле-еле в норматив укладываясь.

Разный у нас темп, да и не «по последнему» сейчас зачёт, чтобы взаимовыручкой развлекаться.

Стену сменил забор из бетонных плит. Выше меня, головы на три... Дальше — новое строение с пыльными окнами под крышей. У забора приткнулся складской погрузчик с поднятой крышкой аккумуляторного отсека, в котором возился мужчина в комбинезоне.

Привлечённый топотом неприспособленных для бега туфель, он оторвался от своего занятия, посмотрел на меня.

Нехорошо так посмотрел, с прищуром. Наверняка за воришку принял.

— Вит! — одышливо прозвучало почти в ухо. — Тормози! Через забор махнём! Ты первым! Мне руку подашь!

Голос я узнал. Бесфамильный...

— Лады!

Остановившись, упёрся ногой в сложенные в замок ладони сослуживца и, используя их как опору, взлетел на верхнюю секцию. Перегнулся, лёг на неё животом.

— Руку! — потребовал бесфамильный, подпрыгивая на месте и тянясь ко мне, словно ребёнок за высоко подвешенной рождественской игрушкой.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов и, балансируя чуть ли не пупком, ухватил товарища за кисть. Он помог мне, я ему. Всё честно.

Сквоч взлетел птицей. Перевалился через узкий верх плиты, только обувь мелькнула, и исчез из поля зрения.

Ну и хорошо... Можно спрыгивать.

— Меня подождите!!! — по бетонной дорожке мчался лопухий, ошалело выпучив глаза. — Меня!!!

Я едва не взвыл, краем глаза следя за человеком у погрузчика. По коммуникатору с кем-то общается, но близко не подходит. И наблюдает за моими акробатическими потугами. Бля... Но бросать своего, когда можешь выручить — последнее дело.

— В темпе!!!

Раскрасневшегося от спринта Ежи пришлось подтаскивать, до боли сгибая руки в локтях — он в запале повис колбаской и проскальзывал подошвами по вертикально стоящей плите, пытаюсь найти опору.

Однако справился. Пыхтя, забрался наверх и повторил финт бесфамильного, перебросив тело на другую сторону.

Снизу приглушённо донеслось:

— Спасибо.

— Квиты, — пробубнил я, отталкиваясь от угловатого заборного верха и припоминая каску из столовой. — Квиты...

Приземлившись, обнаружил нервных, натужно дышащих сослуживцев. Сквоч упёрся ладонями в колени и бескультурно отхаркивал под ноги скопившуюся от бега мокроту, знайка возбуждённо хлопал себя по одежде, избавляясь от белёсых, пыльных пятен и придавая ей видимость ухоженности.

Промолчал. Осмотрелся.

Оказалось, судьба вынесла меня на тротуар весьма оживлённой улицы с довольно плотным трафиком и малым количеством прохожих.

Легковые машины двигались в одном потоке с лобастыми грузовиками, микроавтобусы соседствовали с маленькими курьерскими фургончиками. Четыре полосы. Две в одну сторону, две — в другую, посередине — железная разделительная лента. Скорость для города — средняя.

На объездную чем-то похоже, или трассу, связывающую город с промзоной.

Напротив оставшегося позади забора, через дорогу, за высокими, полупрозрачными шумозащитными экранами виднелись многоквартирные дома в четыре этажа, ухоженные и с цветами на многочисленных балконах. Пешеходных переходов — ни одного.

Придётся напрямую пробиваться... Но оно и к лучшему... Во дворах от полицейских квадрокоптеров легче прятаться.

Очертя голову, я выждал более-менее широкий зазор между машинами и побежал через проезжую часть. Завизжали тормоза, разноголосо завопили сигналы, кто-то через приоткрытое окошко пожелал мне сдохнуть более мирным способом.

Отвечать не стал. Человек в своём праве.

Добежав до разделительного отбойника, перепрыгнул через бело-красную стальную полосу с выпуклыми светоотражателями, набрал в грудь воздуха, призывно помахал над головой руками (может, кто остановится при виде психа) и бросился вперёд. Всего две

полосы осталось...

Сработало! Автопилот или водитель ближайшего ко мне грузовичка сбросил скорость, предоставляя окошко для манёвра.

Рывок... Остановиться, пропуская фургон... Стоп!.. Нельзя!.. За фургоном, почти вплитирку к заднему бамперу, сунется легковушка... Заднеприводный в ней, что ли? Прижался к чужому тылу как родной... Можно!

Сплошная разметка, обозначающая край проезжей части, воспринялась финишной лентой...

Промчавшись метров сорок вдоль обочины, я с облегчением нырнул в зазор между звукозащитными конструкциями, предназначенный для мойщиков и обслуживающего дороги персонала, чтобы тем не приходилось слишком далеко обходить сооружение и тратить оплаченное время попусту.

Привет, тротуар!

До домов — рукой подать.

Не выбирая пути, цинично топча каблуками миленькую, подстриженную лужайку между пешеходной зоной и пятиэтажками, ворвался во двор. Подъезды, машины в отдельном парковочном кармане, молодые мамы с колясками, в беседке о чём-то судачат женщины в возрасте, шума трассы практически не слышно.

Миленько здесь... Полно зелени. Ухоженные кусты, клумбы, тенистые деревья... а ничего так люди живут, мне понравилось.

Сам не заметил, как сбросил темп, перейдя на уверенный шаг. Никто в мою сторону не смотрит, каждый увлечён своим занятием, так к чему приличных людей смущать видом галопирующей личности?

По пути отряхивал футболку. Верхолазные упражнения на бетонных заборах не прошли для неё бесследно, оставив пыльную, поперечную полосу на брюхе. Джинсы вроде в норме. Ладони грязные, саднят, кожа на них ободрана, но не до крови — привет от железнодорожной отсыпки. Оттирал слюной.

— Нас подожди!

Меня вновь нагоняли сослуживцы. Вот чего привязались? Сладким я намазан, что ли?

Однако остановился, не видя смысла убегать.

— Куда идти, знаешь?! — сбивчиво выдохнул Сквоч, вертя башкой по сторонам.

— Подальше отсюда.

— У Брока идея есть.

Ушастый с готовностью продолжил:

— Для начала надо в ломбард попасть. Планшет купить. В нём — карта.

Обрадовал... Где я ему ломбард найду? Но карта... это ценное приобретение.

Дальше общались на ходу.

— Может, торговый центр проще проведать?

— Нет! Наши деньги там не примут.

— Их нигде не примут!

— Но нам нужен планшет...

— Ежи! Иди в жопу!

Перепалка могла продолжаться долго, не выберись мы на остановку общественного транспорта.

Парни сунулись было к подъезжавшему автобусу, однако я свернул обратно, во дворы.

Они — следом.

— Ты чё, Самад? — бесфамильный пристроился рядом и попытался завести разговор. — Проехали бы пару остановок. Подальше от железки.

— Я — ничё. Про пассивный отлов беглецов слышал? Это когда включается режим «безопасный город» или как он здесь называется... Наши морды у каждого копа в приоритете, а любая камера тотчас сообщит о том, кого засекала. Хочешь на себе проверить?!

Посмурневший Сквоч отвернулся, однако продолжал вышагивать сбоку. А меня понесло:

— То, что над нами квадрокоптеров с беспилотниками не видно — счастье. Озеленение им мешает. Но это не повод расслабляться. Копы, представь себе, везде. На каждом углу. Они район знают как свои пять пальцев и на любой сигнал отреагируют быстрее, чем ты «мама» скажешь. И вообще...

— Веди, Вит, — поёжился Ежи, истово озираясь в поисках полиции. — Сделаем, как скажешь.

Паразиты! И ведь ни слова о том, чтобы пойти своими тропами! Похоже, не отвязаться... Ну не драку же с ними устраивать!

— Раз так, держитесь подальше от подъездов — за каждым входом наблюдение ведётся, кто вошёл, кто вышел и прилегающего пятакка, — припомнил я выводы из передач усатого дядьки. — Заметим копов — вести себя спокойно, без суеты... Идём врозь, но держимся на виду. Если кто-то вляпается — бросаем.

Жёсткость в суждениях отозвалась тишиной. Бесфамильный с Броком лишь пожали плечами. Одобрительно или осуждающе — мне, признаться, глубоко индифферентно. Стратегия выживания — она такая, неприятная дама.

Направление меняли постоянно. Раз шесть замечали патрульные автомобили, но далеко, успевали свернуть. Выбранная тактика оправдывала ожидания. Дворы, дворы, дворы, неширокие улицы, задворки, проулки, повороты, скоротечный отдых в укромных подворотнях, школы, спортплощадки, и снова блуждание среди многоэтажек... И жажда. Пить хотелось до рези в горле.

В обед выбрались к небольшим производственным зданиям, присмотрели поросший травой закуток с приличным обзором прилегающей территории, и там позволили себе кратковременный привал.

Вокруг шаталось множество разновозрастных, неряшливых обалдуев, лениво обсуждавших возможности подработки на разгрузке товара и, при этом, явно не желавших потеть даже за деньги, так что влились мы в их среду идеально.

Скорее всего, тут располагался какой-то склад, и владельцы предпочитали нанимать всяких бездельников, нежели содержать постоянный штат нормальных грузчиков.

Жаль, пришлось уходить. Где многолюдье — там многоглазье. И многолюбопытствие.

... Ближе к окончанию рабочего дня, пересекая крохотный сквер с фонтаном и велодорожками, я заметил бодрую группу парней и девушек с большой надувной рыбой, пляжными сумками и сухими головами. У отдельных девушек на шеях виднелись завязки от купальных лифчиков. Молодёжь веселилась, шутила на грани приличия, смеялась, оглашая окрестности юношеским, заразительным хохотом.

— К воде чешут, — указал на очевидное Ежи, оказавшийся поблизости. — Исккупаться бы...

Сверкнула мысль.

— И попить. На пляжах фонтанчики с питьевой водой бывают.

— И полицейские тачки не проедут.

Особо не раздумывая, пошли следом, держась поодаль от компании.

Интуиция не подвела. Через некоторое время мы вышли на берег относительно широкой реки, вдоль которой расположилась уйма отдыхающего народа.

Пристроились у самой речной кромки, под кустами, благо, пляж оказался дикий. Посбрасывали одежду, по очереди окунулись в прохладную, приятную воду. Мечтая не словить дизентерию и прочие кишечные прелести, позволили себе по глотку сладковатой, после засушливого путешествия, жидкости. Самодельный фильтр на глазах у отдыхающих мастерить не рискнули, понадеялись на лужёное солдатское брюхо.

Питьевых фонтанчиков в округе не нашлось.

Ну что же, настало время поговорить...

— Вы чего за мной увязались? — я не стал скрывать недовольства. Пусть знают. — Приказ же чётко звучал — по одиночке.

Реакция на обвинение у сослуживцев оказалась разная. Сквоч с наслаждением почесался в области груди, а Ежи вздрогнул, втянул голову в плечи и виновато опустил глаза, будто я его в сортире за рукоблудием застал.

— Да больше, особо, и некуда драпать оказалось, — после непродолжительного молчания снизошёл до ответа бесфамильный. — Вдоль поезда нельзя, издалека видно. Только через пути. Вот и вышло, что следом за тобой. Хорошо хоть в загривок не пальнули...

— Гнались?

— Не видел. Кричал кто-то. Что — не разобрал. Но громко.

— Кричал-кричал, — вмешался Брок, усаживаясь на песочек и подставляя физиономию свежему ветерку. — Я слышал. Остановиться требовали. Вы уже далеко убежали, когда началось... Я обернулся — никого не видно. Потом сообразил — вагон с трубами мешает, под которым вы пролезли...

— Короче, я побежал, и все побежали, — вывод развеселил. — Стадный инстинкт в действии.

От шутки Сквоч заржал, Брок натянул лёгкую улыбку и попытался изменить тему:

— Про деньги Федерации все в курсе?

— Нет...

— Универсальное платёжное средство. Придумано для всяких задворков галактики, включая этот. По экономическому называется чёрный нал. Через него решаются многие вопросы из числа тех, где необходима секретность или контроль над валютным курсом. Второе даже главнее.

— Подробнее можно? — заумь в пояснениях знайки несколько нервировала, но хотелось понимать, чем одарил меня сержант.

— Кредит Федерации всегда чего-то стоит. Ему не страшны инфляция и кризисы. Система расчётов заточена так, что при любых неприятностях валюта ведущих планет всегда как бы в стороне. Дешевеет редко и незначительно, зато по отношению к деньгам аборигенов дорожает часто. За этим следят. Потому все, у кого есть, что отложить на чёрный день, предпочитают кредиты. Так надёжней. Можно в безнале это делать и светить достаток банкам, и, как следствие, всем, кто при власти; можно наличкой. Её довольно много. В самих же метрополиях, не поверите, физических дензнаков нет. Изымаются из оборота. То

есть, купить что-то или рассчитаться ими вполне можно, а вот сдачу получить или снять со счёта — нельзя.

— Погоди, — бесфамильный потерялся в формулировках. — Я правильно понял: бабло берут, но сдачу на кошелек переводят? Какого хрена? В чём прикол?

Удивительно, но лопухий ответил без насмешки и набившего оскомину менторства:

— Берегут контроль за финансами. Наличные кредиты этому вредят. Потому их оставили для внешних расчётов. Вот представь, у тебя — огромная сумка налички. Ты можешь купить всё, чего душе угодно, и ни один банк не узнает о сделке. А придут сборщики налогов и спросят — откуда столько счастья, скажешь — накопил, у обожаемой бабушки под полом хранились, Бог послал... Смысл в том, что проверить твой бред крайне сложно. Все всё понимают, но предъявить, как отследить, откуда денежки, не могут... Представил?

— Ага... — Сквоч слушал заучку с восхищением. — Пока понятно.

— Теперь представь, что ты не частное лицо, а, скажем... представитель крупной компании и пробиваешь разрешение на открытие завода на такой вот планетке. Чиновники, конечно, тебе палки в колёса ставят, взятку хотят. Платить в безнале — это открывать счёт в другом секторе, при другом законодательстве, светить конечного выгодополучателя или возиться с вкладом «на предъявителя». Многие так и поступают, если речь идёт о крупных дядях. А шваль помельче — она мыслит проще и цифры там гуляют скромнее. Ну и счетов в крупных банках у них нет. Так что остаётся или на подставное лицо мзду переводить, или наличкой.

— Мелкие грызуны предпочитают запасы делать в норке?

— В точку. Компании, связанные с Федерацией, вообще открытое разрешение на работу с неэлектронными платежами оформляют. Кому платят, за что — поди, разбери. Могу про мафию рассказать, про контрабанду... Да те же посольства целенаправленно свои обменные пункты открывают, чтобы понемногу вбрасывать денежные массы в оборот и, при необходимости, давить на финансовую систему аборигенов. В Нанде, для примера, курс один к десяти в пользу Федерации. За один кредит дают десять местных марок, так их деньги называются. При желании метрополии курс может измениться на один к двадцати, и один к ста. Очень легко! Введут торговые ограничения, заблокируют работу тех предприятий, где они в акционерах, напомнят о процентах по кредитам, населению намекнув через визорных экспертов о стабильности вкладов именно в кредитах... Тогда — дефолт и прочие неприятности, ведущие к насильственной смене власти.

— В общем, ствол у чужого виска, — сделал неожиданный вывод бесфамильный, и мне оставалось только согласиться.

Сбивчивый рассказ Ежи о финансовой системе объяснял главное: кредиты — это хорошо, а всё остальное под ними ходит.

— Ты и в курсах обмена разобратся успел? — не сдержал я удивления.

— Слабо, — Брок отрицательно помотал головой. — В ломбарде неплохой планшет стоит сто девять кредитов. Дальше считайте сами, применительно к известным вам деньгам. Пропорция торговых наценок редко меняется.

— Чего тебя в ломбард понесло? И где ты его нарыл?

— Планшет хотел купить, — беспечно отозвался тот. Когда сержант из гранатомёта пальнул, я понял — пора валить. Увидел ломбард. Зашёл, выбрал средний по цене, но продавец заартачился — мол, сдачи у него нет. А так кредиты готов был принять без вопросов. Вышел — наткнулся на Сквоча. Он, оказывается, следом за мной шёл, но

немножко потерялся и отстал. Случайно встретились... Потом вместе на вокзал двинули. По указателям.

— Бо Мид подавал знак?

— Не слышал? Ну да, ну да... ты же по прямой рванул, через улицу... Это я круги нарезал, местечко выглядывал, где наблюдательный пункт устроить...

От уточнения мне стало неприятно. Лопухий вывернул так, будто я виноват в чём-то. Политик недоделанный.

Да ну его! Но наличие связи с миром игнорировать нельзя, придётся считаться с чужими закидонами.

Спросил, стараясь, чтобы голос не звучал обиженным:

— У планшетов имеется подключение к сети?

— Конечно. Причём почти обезличенный. Это коммуникатор привязывается по номеру к ID, а с остальными девайсами проще. Пробовали производители и их персонализировать, но ничего не вышло. Школяры тут же обходной софт мастерили, чтобы в чатах матом анонимно ругаться. В конце концов, махнули рукой. Устройство не модное, громоздкое. Им, разве что, всякие технари пользуются, военные иногда и те, кто с текстом работает. Ну и детвора мультики смотрит... А ты как на поезд попал? Вместе с Чжоу?

— Нет. Я его не видел.

Объяснение чудесным образом устроило Ежи, и он переключился на бесфамильного.

— Охранника зачем отметелил?

— Было бы лучше, примчись он в тамбур с дубинатором наотмашь? — ответил он вопросом на вопрос. — И со спины плюху подарил?

— Но он же сообщил о нас! — при всём интеллекте отдельные вещи доходили до Брока с огромным запозданием.

— И что? — драчливый сослуживец тупил на пару со znajкой, не понимая, чего тот привязался.

— Как что?!

Я, еле сдерживая хохот, вмешался, решив выступить посредником между непонимающими друг друга сторонами:

— Сквоч правильно поступил. Охранник мог и вмешаться. Устроил бы драку в тамбуре, пока подмога не прибежала...

— Вит! У тебя ананас между ушами?! Ты так спокойно говоришь о том, что чел объявил на весь поезд...

Положительно, в голову лопухого ударила моча. Ответил резче:

— Ну доложил, ну и что? О чём? О пропавшей сумке? Успокойся... Ты действительно считаешь, что про нас ничего не знали? Или вот-вот бы не узнали? Я, лично, сомневаюсь.

— Да понял я... — потешно нахохлился Ежи, с неохотой признавая очевидные вещи. — Просто...

Он не смог придумать сколь-нибудь дельного аргумента в оправдание излишней дотошности и застучал пальцами голой коленке, сумрачно бросив: — Дальше что делать станем?

Совсем больной?

— В посольство Федерации пробираться или в торговое представительство, — раздражённо процедил я и сплюнул.

— У тебя есть адрес?

— Откуда?

Слушая нас, бесфамильный грыз губу и морщился.

— И у меня нет, — горячился лопохий. — Потому повторно спрашиваю — дальше что? Разбегаемся или пока вместе? По одиночке нам не пропетлять. Ни жратвы, ни одежды, да ничего! А вместе — мы...

— Взвод Федерации. То, что от него осталось, — уверенно бухнул Сквоч. — Давайте решать. Зубы от ваших разглагольствований уже сводит.

У меня не было ответа... У Ежи, похоже, внятные планы на ближайшее будущее тоже отсутствовали.

Но определяться надо.

И я определился.

— Вместе. По одиночке шансов скрыться больше, однако любая организация сильнее. Мы тут, судя по всему, надолго. Не факт, что в городе представительство есть. Вполне возможно, до самой столицы придётся топтать...

— Я тоже так думаю, — согласился Брок. — Придётся партизанить, ложиться на дно. Сквоч, ты?

— За, — высказался он, устало проводя ладонями по лицу. Предлагаю подбить бабки и прикинуть, куда двигаться. Скоро вечер, у воды прохладно станет.

... Мы насчитали семьсот шестьдесят кредитов на троих. Собрать их в общую кассу не стали, каждый оставил купюры при себе, но траты постановили согласовывать.

Перешли к обсуждению первоначальных действий, и основательно застряли, не представляя, что делать и куда двигаться дальше...

— Нам нужен приют, — совершенно серьёзно сказал Сквоч. — Попробуем там жильё найти.

— В приюте?

— В нём. Или через него. Это единственное место, где сотрудничать с копами — запахло.

Плохо соображая, как связаны поиск убежища и сироты, Ежи почесал в затылке. Я тоже не понимал.

Бесфамильный усмехнулся, давая понять, что готов восполнить пробел в нашем мировосприятии.

— Приютские тоже люди. Государство им наверняка выделяет и игрушки, и кормит неплохо. Во всяком случае, у меня такие воспоминания остались. Но ведь хочется и выпить, и таблеточкой весёлой закинуться. Им же не продадут, взрослый нужен... Да просто свалить, свободой подышать, переночевать на мягкой койке без воспитателей и распорядка... Потому детишки прекрасно знают, кто скупает ворованное, кто дурью банчит на районе, где можно пересидеть трудные времена. Главное, мелкотне на глаза не попасться. Со старшими дела вести.

— Почему?

— Чистые души. Пытаются взрослым понравиться, замену маме с папой найти. Обс всём наперегонки докладывают, за похвалу. С теми, кто подрос — легче. Они уже дерьма хлебнули. Понимают, что никому не нужны и могут рассчитывать лишь сами на себя.

Отрепённая убеждённость, с которой Сквоч делился опытом из прошлой, доармейской

жизни, угнетала. Однако сказанное походило на правду. Что я знаю о тех, кто рос без родителей, под государственной опекой?

У них отдельные школы, их не встретишь в общественных парках развлечений, да и народ их недолюбливает. За что — не знаю, однако жить в приюте считалось чем-то сродни изгнанию из общества, второсортным.

Сироты, похоже, это прекрасно понимали и предпочитали существовать в индивидуальном мирке, не пересекаясь с нами.

Яркий пример — я никого из этой братии до бесфамильного не встречал, а если и слышал упоминания от взрослых, то только в негативном ключе: обокрали магазин или кого-то побили с целью ограбления.

Впрочем, доходили до меня эти слухи редко, больше в качестве сплетен.

— Какие минусы? — Брок спрашивал без скептицизма, собирал информацию.

— Нас попытаются кинуть. Обуть лоха — это святое, особенно залётного или денежного. Это правильно, по понятиям. А бабло светить придётся. За бесплатно они и не почешутся.

— Какая несусветная глупость! — ушастый пренебрежительно скрестил руки на груди. — Лезть туда, где можно вляпаться в неприятности! Умнее ничего нафантазировать не мог?

Ежи такой Ежи... Всегда всё знает лучше всех. Комплекс отличника у него, что ли? Но тут он не прав.

— Брок! — я намеренно старался не повышать голос и не ввязываться в словесную схватку. — Арендовать квартиру через сеть при наших раскладах невозможно. Хозяева документы попросят, сделка отобразится в налоговой базе, страховой компании и кто знает, где ещё. В чёрную договориться — а как ты узнаешь, с кем? В объявлениях об этом не пишут. Потому заткнись и дай Сквочу договорить. После решим, как поступать.

Поза лопухого изменилась на задиристую. Подбородок вздёрнулся, локти прижались к туловищу.

— Н-ну?!

— У приютских можно одежду купить, — как ни в чём не бывало, продолжил Сквоч, полностью проигнорировав гонористость Брока. — Продадут. И трусы, и прочее бельишко. Их всякие благотворительные фонды любят подарками заваливать. Такими... с распродаж для бедных.

Невольно окинул взглядом себя и товарищей. Помятые, одетые кто во что горазд, у меня ещё и туфли не по размеру. Поддержал:

— Вещи нам нужны.

— Еда у них есть, — ударил по больному бесфамильный. — Много. На кухне сопрут сколько попросим.

В брюхе у гордо-недовольного Ежи, при упоминании пищевого довольствия, булькнуло настолько явственно, что мы не смогли сдержать смеха. Расслабился и он.

— Я скоро, — сказал ушастый, поднимаясь. — Вон компашка сидит, пьяненькая, — кивок головой в направлении пятёрки мужчин в плавках и с осоловелыми лицами, попивающих что-то из спрятанных в пакеты бутылок. — Попрошу у них коммуникатор и узнаю адреса.

— А акцент?

— Попробую без него... Да ладно, они бухие, вникать не станут.

Всё так и оказалось. Через пять минут взводный умник уже стоял рядом с нами и победно поглядывал сверху вниз.

— В городе два приюта. Выбирай, какой больше нравится.

— Да любой... Тот, что поближе.

— В любом случае пора выходить. Оба не близко...

... Жили сиротки весьма неплохо. Территория приюта, обнесённая декоративной оградой, более всего напоминала маленький парк. Раскидистые деревья, мощёные дорожки, скамеечки для отдыха. В глубине — детская площадка и маленькое поле для игры в мяч. Всё ухоженное, будто напоказ.

В центре всего этого великолепия расположились два трёхэтажных здания с примыкающими к ним пристройками. На дорожках — фонари, в окнах — свет. На втором этаже через приоткрытую раму доносится музыка и нестройные детские голоса, а вот снаружи пусто.

— Все по комнатам сидят, — пояснил Сквоч, внимательно всматривающийся в куда-то в сторону. — Режим соблюдают.

Вдоль ограды оказалосьлюдно. Прохожие, не обращая внимание на приют, спокойно дефилировали по тротуару, болтая о своём.

Это не укрылось от бесфамильного, выразившись в его горячем одобрении:

— Толковые тут старшаки. Где живут — не гадают. У кого какой размер лапы? По тряпкам мы, вроде, одинаковые... — я назвал, Брок тоже. Сквоч повторил вслух, для памяти, а потом подошёл к ограде и стал примериваться, где половчее перемахнуть. — Ждите.

— Где?

Торчать на виду у всех не хотелось. Парочка молодых лбов, ничего не делающих посреди тротуара, слишком заметна.

Проблему бесфамильный решил оперативно.

— За мной перебирайтесь. Выберите поукромнее уголок и сидите... Да хоть там, за песочницей! — за детской площадкой с качелями и всякими каруселями действительно виднелась зона, оборудованная для самых маленьких. За ней — чернота. — И от меня подальше держитесь.

Подавая пример, он, улучив момент, перемахнул на приютскую сторону. Я перебрался следом. Брок — последним.

... Вернулся бесфамильный где-то через полчаса.

— Вроде порешал. Встречаемся за спальным корпусом. Там у них что-то типа укромного уголка. И там нас пощупать попробуют.

— Уверен?

— На все сто. Видел бы ты рожу того мальчонки... И про кредиты Федерации он знает! Представляешь? Я в его возрасте и не слышал о таком! А он — знает!.. Торговался, конечно, паскудник, но больше для приличия. Надеется всё отжать... Подавится. Снимайте носки!

О-о-о... А вот этот фокус мне знаком.

Быстренько скинул туфли, следом стянул довольно ароматные от продолжительной эксплуатации носки. Ощупал. Дырок нет. Сунул босые ноги в неприятно влажную от пота обувь.

Сам инициатор от замысла воздержался, мотивируя тем, что торговать с носками в лапах — смешно.

— Песком набейте... И не бздите! — решил подбодрить бесфамильный. — Никто нас убивать не собирается. Трупы прятать некуда. Разве что рёбра пересчитают.

Получилось коряво. Прямолинейненько. А затея с привлечением приютских плавно перекочевала из разряда креативных в разряд идиотских. Но отступать поздно.

Бесфамильный прав. Нужны одежда, жратва. У меня, к примеру, джинсы на тряпку помойную похожи. Футболка тоже. Сослуживцы от меня недалеко отстали — грязные, пыльные, у Брока дырка пониже колена.

Скоренько набив песком носки, завязали их наподобие колбасок, затем, отойдя в темноту, опробовали на вес и ухватистость. Убедительные подобию кистеней получились, мне понравилось. Убить — не убьёшь, но отмахаться можно.

— Бабло спрячьте!

Мудро... Деньги отправились под бордюр, ограждавший площадку с песочницей.

— Идут!

Приютские вывалились из-за жилого корпуса не таясь, гурьбой в шесть человек. Все как на подбор — здоровые, крепкие, сытые, демонстративно поигрывающие битами для бейсбола в солидных кулаках.

Кто их придумал детьми называть? Почти все выше меня, ростом со Сквоча. Да и в плечах не меньше. Ежи на их фоне — хлюпик лопаухий. Сиротки... Таких сироток надо к делу приспособливать. Тяжеловозами или переносчиками мебели. Разожрались на казённых харчах, дурь так и прёт.

Однако на бесфамильного приютские никакого впечатления не произвели. Он смерил их взглядом, остановился на идущем впереди прыщавом, круглолицем подростке с маленькими глазками и ниткой редких чёрных усиков над верхней губой.

У него единственного не имелось при себе биты. Руки в карманах кофты, походка стелющаяся, в глазах — насмешка.

— Ты с ним договаривался? — зачем-то поинтересовался Брок.

— Не-а... С тем, с краю.

Тот, кого бесфамильный легкомысленно именовал мальчонкой, имел рост под два метра и нескладную, угловатую фигуру.

— Вещей при них тоже нет, — обратил я внимание на очевидный факт. — Только спортивный инвентарь.

— Я заметил, — Сквоч пристально изучал того, кого посчитал главным. — Погоди. Принесут. Или не принесут. Как договоримся.

Группа «деточек» остановилась прямо перед нами. Довольная, уверенная в собственном превосходстве, скалящаяся. Но никто не отпустил сальной шуточки, никто не попытался спровоцировать. Дисциплина у ребятишек на высоте.

Так же, без единой команды, они образовали полукруг с нами в центре, рассредоточившись таким образом, чтобы не мешать соседу размахивать оружием, если понадобится.

Лишь главный остался на месте, поигрывая желваками и слегка склонив голову на бок.

— Деньги гоните, — лениво растягивая слова, потребовал он вполне взрослым, без юношеской ломки, голосом.

— А то что? — в той же манере ответил бесфамильный, будто ни о чём не догадывался и пятёрку с битами в упор не видел.

Предводитель правила игры принял, радостно пояснив:

— А то мы огорчимся и вы упадёте. С переломами и сотрясениями.

— Да ну?

— Ага.

— Гы... — вырвалось у Сквоча. — Может, пока не поздно, копов вызовешь? Тут ребяташек обидеть могут, молочко отобрать. Я про вас, если что... Подстрахуешься заранее.

Подросток с усиками наморщил лоб, пожевал губами.

— Не по местному болтаешь. Откуда ты?

— Оттуда. Для чего спрашиваешь?

— Интересно... Ты про деньги помнишь?

Из кармана кофты появился складной нож. Щёлкнула кнопка, лезвие выскочило из рукояти, остриём к бесфамильному.

— Х-хе, — показушная угроза его не смутила. — Ты же соображаешь, что если бабло у нас и имеется, то мы его припрятали?

— Вполне. Того, что при вас, нам достаточно.

— И не хочешь забрать всё? — наш переговорщик сунул руки в карманы брюк и подошёл к главарю практически вплотную, так, что кончик ножа упёрся ему в живот.

Прыщавую рожу сиротки исказила неприятная, пренебрежительная гримаса.

— Смелый?

Его товарищи захихикали, в предчувствии надвигающегося мордобоя перехватывая биты поудобнее.

Мы с Ежи тоже насторожились. Вечное добродушие нашего сослуживца внезапно показалось криво надетой маской, за которой скрывается какой-то другой бесфальшивый, незнакомый нам. Совсем другой.

— Смелый, — подтвердил Сквоч и молниеносно ударил предводителя в челюсть. Коротко, снизу, аж зубы лязгнули.

Рука, против ожидания, не вернулась в положение, уместное при бойцовской стойке, а пошла в сторону, раскрывая кулак. Другая рука проделала тот же самый манёвр.

Казалось, он хочет бросить заклинание, сбивающие противников с ног. И я оказался недалеко от истины. Стоявшая по обе стороны от почти рухнувшего на дорожку предводителя парочка неуклюже взмахнула спортивный инвентарём, но не для удара, а приближая кулаки тыльной частью к глазам.

— Ёпа...

Перетекая мимо приземляющегося на спину главаря, Сквоч уже подхватывал чужой нож, отлетевший в травку.

— Аккуратнее! — прошипел он, разворачиваясь к намечающемуся побоищу.

... Оставшаяся троица приютских опомнилась, каждый попытался попасть толстым концом своего дробящего оружия по головам несговорчивых противников. По моей метили двое, по Броку — один.

Прыгнул назад, давая обоим подросткам «провалиться». Неумение работать с дробящим оружием сразу бросалось в глаза. Слишком сильно замахнулись, вкладывая в удар всю силу. Сержант бы за такое разгильдяйство сгноил.

«Удар должен быть выверенным и точным, — внушал он на занятиях по рукопашке. — В противном случае — проиграл. Враг обязательно использует любой шанс, любую промашку».

Эти же мудозвоны малолетние на количество понадеялись, на удаль подростковую.

Носки с песком приятно пришли в движение. Разум отключился, тело двигалось на вколоченных рефлексах.

Чем там занимались товарищи — не смотрел. В них то же самое вбито, так что пусть соответствуют высокому званию рядовых Федерации.

Завернул вправо, градусов на шестьдесят, заставляя любителей бейсбольных бит выстроиться в косую линию по отношению ко мне. Дальше смещаться не стал. Нужно видеть обоих дуралеев, иначе могу какую-нибудь подлянку и проморгать.

Носок по дуге направился в рыло ближнему, тufель под его коленную чашечку. Ага! Не ожидал обманку? Моя же ты деточка, ишь как скрючился, на ножку припал... Больно, наверное?

Второй недоумок с перекошенной от ярости физиономией попытался обогнуть собрата по приюту и, одновременно, треснуть меня по черепу.

Повторяешься, убогий. Беда у тебя с фантазией. С первого раза не вышло, так ты повторить решил? Позорник...

Я ошибся. У него получилось меня удивить. Летящая сверху бита смогла изменить траекторию и бросилась вперёд, целясь закруглённым концом в грудь.

Пришёл черёд второго носка, нацеленного отбить оружие вообразившего себя пикинёром ушлёпка.

Набитая песком ткань ещё только начинала свой путь, а мой противник уже падал. Вмешался Брок, с размаху толкнувший горе-бойца в бок и применивший жёсткую подсечку.

Молодого будто торнадо подбросило, заставив в падении зацепить ранее подбитого мной товарища. Упали оба.

— Морды слишком не уродуйте! Им потом воспитатели весь мозг выжрут... — хрипло, с отдышкой прорычал бесфамильный, возникая рядом с Ежи и награждая пинком в брюхо ближайшего к нему приютского.

Того самого, что мне в груди метил.

От удара сиротка блеванул. К счастью, не сильно. Пахучая жижа почти вся осталась на подбородке, свешиваясь к земле липкими соплями с вкраплениями полупереваренной пищи.

Бе-е-э... Однако пора менять оружие.

Бросив носки, я подхватил обе биты и крутанул, оценивая обстановку.

Бой окончен, победа за нами. Безжалостные тренировки на маяке победили юношескую наглость и кажущееся важным численное преимущество.

Крови вроде бы не видать.

Побеждённые постанывали, пытались подняться, однако никто из них не голосил, не звал на помощь, стойчески перенося боль.

— Свой, что ли? — подал голос главарь, успевший усесться и осторожно ощупывавший челюсть. — Приютский? Про морды — в точку. Проверяют... Городские, обычно, специально стараются в репу бить. Чтобы нас потом дополнительно покарала... И ачем песком в лицо свыряться? В моргала ведь попал!

Действительно, его подручные, те, что справа и слева стояли, тёрли рожи кулаками, не забывая поглаживать опухающие скулы.

— В какой-то степени свой, — подтвердил бесфамильный, поигрывая отобранным ножичком. — Тоже без предков рос.

Предоставив Сквочу право довести беседу до логического конца, я и Брок контролировали остальных обитателей приюта, однако вели они себя смирно, благоразумно

не поднимаясь на ноги, целиком полагаясь на предводителя и заинтересованно прислушивались к разговору.

— Что с товаром? — инициатор торговой операции, словно и не случилось ничего, продолжил болтать с прыщавым. — Сделку до конца доводить планируешь?

— Почему нет? — философски ответил тот, оставив челюсть в покое и переходя к пальпации затылка. — Его отпусти, — кивок на детинушку, осмелившегося прыгнуть на лопухого, — Принесёт.

— Пусть валит.

— Он быстро, — заверил главный, — Мы собрали то, что ты просил.

Ухмылка Сквоча оказалась красноречивее самых подробных разъяснений. Он именно так и предполагал — сначала на зуб попробуют, а потом, если не срастётся, перейдут к обычной торговле.

— Эти тоже не нужны.

Дождавшись согласия жожака, оставшиеся сиротки, кряхтя и ковыляя, заспешили к жилому корпусу.

— Я встану?

— Валяй... Пока шмотьё тащат, подскажи — где нормальным людям можно затеряться?

— В четвёртом округе, — вопрос прыщавого не удивил. — Там гетто и высотки. Копы, правда, по улицам частенько катаются, но в дома не суются. И местные... с ними сами утрясайте. Если аплатите — легко договоритесь.

— Откуда знаешь?

— При совершеннолетию государство выделяет квартиру какому воспитаннику. Где подесевле... Десевле всего в четвёртом округе. Там много насих... Адресок дать?

— Не надо. Разберёмся.

... На аллее возникло две фигуры — побольше и поменьше. Каждый нёс объёмную сумку.

— Деньги гони, — завидев носильщиков, потребовал главный. — Сам видись — я свою часть сделки выполнил.

— Перетопчешься. Для начала посмотрим, что внутри.

К моему большому удивлению, в сумках, помимо трёх комплектов новой одежды, белья, кроссовок и кепок с длинными козырьками, оказались вождеденный лопухим планшет в заводской упаковке, молодёжные рюкзаки, печенье в пакетах, бутилированная вода и две подушки с четырьмя одеялами.

— В плансете абонемент на три месяца. Спонсоры расстарались, — прокомментировал главарь, точно заправский продажник.

— Подходит...

Основательно осмотрев товар, бесфамильный достал пару банкнот и протянул их прыщавому.

— Как добазаривались.

— Верно.

— Палки завтра заберёте. Пришлётся кого-нибудь пораньше, пока дежурные дрыхнут.

— Не учи, — пряча деньги, по-взрослому сказал приютский, без спросу поднимаясь на ноги и поворачиваясь к жилым корпусам. — Счастливо оставаться...

— Бывай...

«Деточки» последовали за лидером, ни разу не обернувшись.

Дождавшись, когда они скроются из виду, Брок поинтересовался, любовно распечатывая гаджет:

— Почему только две подушки? А одеял четыре?

Вот ведь заучка... И суток не прошло, а уже напрочь позабыл основы службы.

— Потому что кто-то должен стоять на часах, — ответил я за бесфамильного. — Часовому спать воспрещается. Сиротки и вернуться могут... А одеял четыре, потому что на одно ложишься, вместо матраца, другим укрываешься... Где укладываться станем?

Подавив зевету, Сквоч сложил нож, убрал в карман и ткнул в самую тёмную часть мини-парка.

— Там... Подбираем деньги, жрём, пьём и на боковую. С рассветом уходим. Кто на тумбочке первый?

Стоять на часах мне выпало вторым. Сквочу — последним. Ни я, ни Ежи не возражали против того, чтобы «предутренняя вахта» досталась бесфамильному, тем более он сам на том настоял, причём в ультимативной форме.

Время бодрствования отсчитывали по планшету. Базовой зарядки в нём оказалось более 70 %, однако играть, коротая часы, я не осмелился. Розеток поблизости нет, а инфа из сети в любой миг может понадобиться.

Так и сидел, привалившись спиной к дереву, считая от скуки звёзды и изредка наблюдая за проезжающими мимо приюта автомобилями.

Разбудив товарища, шёпотом доложил об обстановке и с удовольствием завалился досыпать на нагретое чужим телом одеяло. Хорошо, что никто из нас не храпит, а то пришлось бы регулярно пинать беспокойного сослуживца для соблюдения режима тишины.

Хорошо...

— Вит! Просыпайся! — голос сопровождало лёгкое потряхивание моего плеча. — Утро. Открыл глаза. Какое, к чёрту, утро? Темно же совсем.

— Вставай, вставай! — надоедливый Сквоч продолжал настырно выдёргивать меня из сладких объятий сна. — Разговор есть... Брок!

— Встал, — хмуро донеслось поблизости. Послышался зевок. — Спину ломит. Одеяло — плохая замена матрацу...

— Отдал бы мне, — бесфамильный отказывался сочувствовать. — Дрых бы без излишеств.

— Чего ты взбеленился? — Ежи решил больше не жаловаться на выпавшие невзгоды и выказать уважение организатору ночёвки. — Подушка есть, укрыться можно, это я так... спал мало. Вот и бурчу.

Похвала прошла мимо. Помятый Сквоч продолжал нас торопить.

— Собирайте постельное в сумку. Надо отнести подальше. Приютские потом заберут.

— В смысле, нам нужно вернуть одеяла и подушки? — удивился ушастый.

— Конечно. Я, лично, с ними по городу шляться не стану.

— Имеет место быть...

... Собрав объёмные вещи в оставленную нам вчера сумку, разобрали обновки. Второпях оделись. Посмотрев на парней, я тихо выматерился и добавил:

— Как инкубаторские.

Действительно, футболки, джинсы, бейсболки, кроссовки и рюкзаки выглядели абсолютно одинаково, полностью совпадая по цвету и стилю пошива. Казённое единообразие во всей красе, как в армии.

Следовало импровизировать.

Посоветовавшись, Брок заправил футболку, а я оставил её на выпуск. Бесфамильный поступил по моему примеру, однако поверх накинул рубаху, в которой щеголял с самой клиники и подкатал коротковатые джинсы, став похожим на подростка-модника. Не сильно эффектно, но натягивать старое, грязноватое шмотьё означало привлечь ещё больше внимания. Замарашек никто не любит.

Ещё бы рожи побрить и зубы почистить...

— Куда пойдём? — покончив с переодеванием, поинтересовался знайка, трамбуй в

рюкзак рваные штаны и пропылённую обувь. — Вит?

Я вздохнул. Знать бы, что отвечать... Всю «вахту» об этом думал. Безрезультатно... Идей — ноль.

— Вываливай любые варианты, — подсказал лопоухий, помогая определиться. — Коллегиально определимся. В смысле, все вместе, — дополнил он, похоже, для Сквоча, не великого знатока книжных терминов.

Ну, вместе так вместе.

— У меня вариантов немного, — честно признался я. — Да и те... такие... за одно место притянутые. Найти поселение каких-нибудь неформалов в трейлерном городке; вернуться на берег реки и затихариться в кустах до ночи, поискать заброшенную стройку; забраться в прицеп грузовика и уехать куда подальше... Основной смысл — нам на улице показываться нельзя. Вчера нас толком не искали. Так, ориентировки разослали и на технику наблюдательную понадеялись. По-настоящему сегодня начнут, раз малыми трудозатратами не отделались. Людей подключат, дороги под полный контроль возьмут, стукачей задействуют, возможно, по визору сообщение опубликуют. А это — кисло...

— Думаешь? — обеспокоился бесфамильный.

— Уверен. Полиция город переворачивать начнёт. И так будет продолжаться, пока что-нибудь новое не случится, типа убийства или крупного ограбления. Да и потом не отвяжутся. Главное, пересидеть недельку-другую... После — ноги из города делать.

— Идейки для одиночки, — проницательно заключил Брок, покончив с упаковкой барахла и пробуя рюкзак на вес. — У меня похожие выводы, хотя и несколько шире: перекантоваться на общественной спортплощадке — на любителей физкультуры редко кто смотрит, особенно когда их много; уйти на пляж, тут я согласен с Самадом, и попробовать по сети подобрать жильё через сервисы для любителей путешествовать автостопом или дешёвый хостел с неразборчивой администрацией. Или зарегистрироваться на сайте знакомств и найти любительницу групповухи... но там отрабатывать придётся, а я, вообще-то, противник свального греха.

— Боишься, что перепутать могут? — развеселился бесфамильный. — Не ты, а тебя?

Лопоухого передёрнуло от сальности, однако он сдержался, вопросительно посмотрев на меня.

А я сказал:

— Хрень. Нельзя нам к людям. Диалект подведёт. Не о том болтаем. Про задачу забыли. Напомню: нам нужно в представительство Федерации.

Напоминание о приказе сержанта ввергло Ежи в излишнюю суетливость. Он распустил горловину рюкзака, добыл из него планшет, который присвоил себе без нашего разрешения и очень переживал за сохранность устройства.

Нажал кнопку активации. Нетерпеливо дождавшись загрузки операционной системы, щёлкнул по экрану. Развернул устройство ко мне.

— Читай.

На открытой вкладке светилась заметка. Ознакомился вслух, вычленив наиболее важную часть:

«С сегодняшнего дня все представительства Галактической Федерации временно прекращают свою деятельность на территории государства Нанда в связи введением военного положения. По всем вопросам обращаться...»

Далее следовал адрес сетевого почтового ящика.

Едва я дочитал, лопухий сердито выпалил:

— Дату ниже видишь? Вчерашняя!.. Понял? Некуда пробиваться! Застряли мы, как глист в заднице! Есть желание — сходи, проверь! В городе представительство имеется, только там ждать станут в первую очередь!..

Прочёл сообщение и бесфамильный. Заметил:

— Адрес сетевой указан. Можно сообщение накатать.

— Нельзя, — возразил Брок. — Домен местный. Его владельцы все пароли имеют. Это так... для приличия написали.

— И для дураков вроде нас, — поворачиваясь к дороге и что-то на ней выглядывая, сказал умное Сквоч.

Новость об отсутствии конечной цели почему-то не огорошила. Ну нет — и нет. Плохо, конечно, однако что-то подобное я интуитивно подозревал. Не посмели бы власти Нанды задерживать чужое армейское подразделение без святой уверенности в том, что с них за такую дерзость не спросится. Замахнуться на солдат Федерации, даже если по их вине какой-то важный перец погиб — надо железный хребет иметь. А уж послать на три буквы все дипсоглашения и протоколы... фантазия отказалась подобрать достойный эпитет, упорно заменяя общепринятые выражения крайне неприличными.

Выходит, сообщение — чистая правда. Только при таких раскладах можно безбоязненно творить, что душе угодно...

Вдобавок, в голове закольцованной записью крутилось другое, мелочное: а Ежи, скотина, планшетом всю пользу пользовался, пока мы дрыхли! И чего я заряд экономил? Для кого?

— Дрянь новость, — пробормотал бесфамильный, возвращаясь к обсуждению. — Короче, выслушал я вас. Толково говорите. И Самад прав — прятаться по-взрослому будем. Я тут с приютским главным поболтал, пока вы мордами подушки плющили... Короче, есть у нас лёжка. На первое время — сгодится.

— Ты же отказался от помощи! Он, точно помню, предлагал с жильём поспособствовать! — бухнул Брок, распахивая от удивления рот.

Щека Сквоча дёрнулась, имитируя торжество над заучкой.

— При всех — да, отказался. Не спорю. Только у меня резон имелся так поступить... Шкурные разговоры, да будет тебе известно, при всех не ведут. Потому я и шепнул Гуруту, имя у прыщавого такое, идиотское... что если он хочет продолжить базар, то сам на сам. Под утро... Он захотел. Притащился, мы обсудили тему... Короче, ключ от тихой хаты в гетто у него имеется, где хозяин — неизвестно. Вроде как недавно его грохнули за грехи тяжкие, а недвижимость осталась. Гурут её к рукам и прибрал. За воду с электричеством платит, прикидывает, как её на себя переоформить. Вряд ли получится, но... пусть пробует, глядишь, и ухитрится левое завещание склепать или справку о родстве выправить. Квартирка-то денег стоит, и нешуточных... Он о порядках немного рассказал. Ему шестнадцать, до выпуска на вольную житуху меньше года осталось. А там — свидетельство о неполном образовании и пинок под зад в муниципальную конуру с крохотными подъёмными. Дальше — дерьмовая работа за прожиточный минимум... Вот и старается мальчонка бабла нарубить, как умеет.

Основную нить рассуждений главара «сироток» я словил на лету:

— Делиться не хочет?

— А ты бы захотел?

Наскоро проанализировав возможные варианты ответов, красноречиво промолчал.

Слишком ровно Сквоч информировал о планах прыщавого. Без осуждения или порицания с презрением. Похоже, эта кухня знакома ему в подробностях и привычная мне мораль в ней играет далеко не ведущую роль.

— Сколько? — лопухого интересовали цифры.

— Семьдесят кредитов. В неделю. Оплата по факту. Харчи входят в стоимость.

— Сколько?! — пальцы взводного знайки бегали по планшету. — Да квартира в центре стоит... стоит... две тысячи пятьсот марок в месяц! С удобствами и балконом! Двести пятьдесят кредитов по курсу!

— Едь туда, — покладисто предложил бесфамильный. — Какие проблемы?

Физиономия Ежи налилась краской, а из груди вырывалось возмущённое пыхтение. Очень его скарედность грызла. Никогда раньше за ним такого не замечал.

— Ещё с него транспорт до самого дома, — равнодушно закончил Сквоч, понимая, что деваться нам некуда. — Скоро прибудет.

Меня же занимали более практические аспекты сделки.

— Копам этот твой Гурут не наступит?

— Вряд ли. Зачем? Квартира официально не его, нас он, случись что, в глаза не видел. Деньги мы платить станем, никуда не денемся, тем более я уже задаток дал. А от полиции он что получит, кроме неприятностей?.. Но, ты прав. Надолго задерживаться там нельзя. Может осмелеть и решить, что у нас кредитов — девать некуда. Попробует шантажировать. Я бы попробовал, — потерев кончик носа, честно признался Сквоч. — Мы же ему никто. Вообще.

Рациональность бесфамильного заразила и меня. Оптимальный выход из нашего патового положения. Пусть и дорогой, зато относительно надёжный и позволяющий залечь на дно до поры, дающий шанс взвешенно обмозговать случившиеся события и выработать хоть какую-то стратегию.

Только Брок, не отрываясь от новой игрушки, продолжал неразборчиво бубнить о дороговизне, о недополученных удобствах, о виде из окна и благопристойности районов за более скромные суммы. Мы его не беспокоили, давая настрадаться. К чему пустые разговоры? Выбора у нас всё равно нет, а крыша над головой, пусть и в гетто, важнее денег. Во всяком случае, сейчас.

— Подъехал, — Сквоч указал на сиреневый автомобиль, припаркованный у обочины дороги, напротив ограды приютских владений. — Человек Гурута. У них свои взаиморасчёты, если что. Попросит оплату — на это и ссылаемся.

Молчаливый дядька, предоставленный главарём приютских обалдуев, довёз нас до высокого, этажей, так, в шестнадцать, дома, затерявшегося в плотной застройке среди типовых собратьев.

Остановившись у подъезда, он дождался, пока мы выйдем из автомобиля и тут же уехал, точно за ним привидения гнались.

— Ишь ты... неопределённо сообщил бесфамильный, разглядывая разношёрстую публику на тротуарах. — Нормальные люди...

В чём-то я с ним солидарен.

Гетто более всего походило на картинку из фильмов про начинающих мафиози. Неухоженное, загаженное, с огромным мусорником прямо у проезжей части, размалёванное из баллончиков, и, при этом, вполне мирное. Вопиющее отступление от канонов

кинематографического жанра: ни наркобарыг с золотыми цепями на шеях, ни напоказ вооружённых молодых бычков, ни рэпа из концертных стереосистем, встроенных в широченные машины с милитаристической аэрографией.

Или это мы рано приехали? Недосуг ребятам рано вставать, с гостями встречаться?

Да пофиг! Даже если они и есть, мне с ними делить нечего.

Мельком оценил ранних прохожих. Рожи у вышедших на улицу обитателей многоэтажек, конечно, через раз кулака просили, но это, скорее, от предубеждений, чем от необходимости. На нас не косились, агрессию не проявляли, оплату за нахождение на чужой территории не требовали.

— Квартира 340-в, — бросил бесфамильный, входя в грязный, разрисованный неумелым граффити и похабщиной, подъезд с выломанной дверью и обрывками проводов там, где полагалась висеть камере видеонаблюдения. — Третий этаж.

В нос ударило закрученными в причудливый сгусток ароматами жареного, мочи, сырости и курительных смесей. Приглушённо орали дети, реклама предлагала что-то срочно купить по акции, кто-то ругался.

Мимо нас тенью проскользнул исхудалый, смуглый тип самого вороватого вида. Скользнув по нам взглядом, он сделался ещё незаметнее и, на всякий случай, улыбнулся, демонстрируя редкие, жёлтые зубы.

Контингент обитателей понятен... Ну так на то оно и гетто.

Сверху дробно застучали каблучки.

Девушка, между пятнадцатью и сорока. Переизбыток косметики, розовые, обтягивающие тонкие х-образные ноги, штанишки, почти плоский полосатый топик, босоножки на шпильке из разряда тех, в которых удобно только сидеть, самопальные татуировки в виде заплетающихся роз на предплечьях, развратная мордашка, неестественно блестящие глаза, излишняя порывистость в движениях.

Под кайфом, в справочную не ходи.

Н-да... тут, похоже, копам можно в любую дверь с проверкой благонадёжности ломиться, не ошибутся.

Пропустив спешащую особу, я предложил:

— Предлагаю поторопиться, пока со всеми обитателями не раззнакомились.

Идущий впереди бесфамильный заметно ускорился.

На нужном этаже, не останавливаясь, свернули в левое крыло. Нарисованная на стене стрелка с нумерацией сверху, под которой некий озорник нацарапал гигантские тестикулы, помогла с выбором направления.

Длинный коридор, залитый чем-то липким пол, вонь, железные двери, в торце — мутный пластик, заменяющий выбитое невесть когда стекло. Освещения почти нет.

— Сплошная антисанитария, — пожаловался лопухий, брезгливо оглядываясь.

— Нам сойдёт, — я имел на этот счёт собственное мнение, полагая, что президентский люкс мы пока не заслужили.

... Искомое жильё тускнело номером ближе к концу коридора. Приложив магнитный ключ к замку, Сквоч дождался щелчка и потянул дверь на себя. Добротная конструкция, кстати, оказалась. Стальная. За ней — новая дверь. Попроще, из вторсырья, не запертая.

Вошли. Спёртый воздух, крохотный коридор, с проходами в маленькую кухню и единственную комнату. Сбоку — вход в санузел. Проверили выключатель — свет есть. Заперев вход, принялись обживать.

Побросав рюкзаки, прошли в жилую часть. Изумились.

Пара двухъярусных кроватей с полуотслоившимися наклейками из динозавриков, котят и щеночков, занимала практически всё свободное пространство. Между ними — ящики, много. Плотное зашторенное окно, напротив — шкаф со сколотыми от сложной судьбы углами, на стенке — визор.

Троим — тесно.

— Малогабаритка, — знающе ввернул Брок. — Социальное жильё для малоимущих.

Хмыкнув, бесфамильный полез в ближайшую коробку, я сунулся в шкаф, где обнаружил много интересного. Футболки, свитера, штаны, нательное бельё заполняли полки доверху. Всё новое, в прозрачных упаковках. Отдельно висели куртки с заводскими бирками, кеды и кроссовки лежали почему-то внавалку, без упаковки, и тоже неношеные.

— Еды — полно, — счастливый Сквоч продемонстрировал упаковку сушёных фруктов, добытую из ящика. — Кто хочет?

Хотели все. Мне досталось ассорти из ананасов, кураги и изюма. Чертовски вкусно.

Насытившись, перешли в кухню и обалдели от количества пустых бутылок из-под спиртного, сваленных под раковину. Холодильник не работал, на столе — мумифицированные объедки да грязные стаканы со следами пальцев. Тарелок, толком, и нет. Прямо со столешницы жрали, скоты...

— Сортир тоже отмывать придётся! — уведомил Ежи, решивший проведать санузел. — Обитатели, сдаётся мне, кнопкой слива брезговали.

— Она работает?

Из санузла донёсся характерный звук спускаемой воды.

— Да.

— Отмоем.

Парко-хозяйственный день, как красиво именовал сержант Бо мероприятия по наведению стерильной чистоты в казармах и на прилегающей территории, продлился до вечера. Мы мыли, драили, соскребали, снова мыли, перекладывали, переносили, двигали, протирали, намаившись до ломящих поясниц.

Из хорошего — нашлись запасы чая, зубные щётки с пастой, бритвы, мыло; электроплита функционировала исправно, среди всевозможных сладостей обнаружили пакеты с лапшой быстрого приготовления, концентрат овощного пюре и консервированное мясо, так что голодная смерть нам не грозила. Из плохого — стиральная машинка, как и утилизатор, отсутствовали. Бойлер не работал. Прикинув, постановили собранный мусор вынести на помойку ночью, когда народ спит.

Вон она, в окно просматривается и благоухает... Целая гора отходов — контейнеров не видать. Ленятся коммунальные службы сюда заглядывать, ленятся.

Неожиданно порадовало случайное открытие. Намаившись и от скуки включив визор Брок, ковырявшийся в его настройках, наткнулся на подключённую камеру скрытого наблюдения, транслировавшую кусочек пространства перед дверями и вход в жилое крыло.

Это кто же тут жил?

Переведя изображение в левый нижний угол экрана, ушастый счёл необходимым высказаться:

— Я поражён. Еда, вещи, наблюдение, и никого. Откуда столько всего? Может, нас этот прыщавый напарил?

Растянувшийся на кровати бесфамильный потянулся, хрустнув суставами, поправил подушку и издал горловой звук, более всего созвучный его коронному «Гы». Усмехнулся.

— Мы в «секретке». Нары в два яруса, запас из того, что спереть удалось, срач... На все случаи предусмотрено. Отсидеться, и вообще... Кровати — с помойки, для подростков или детей... Видишь, наклейки? И боковин нет? Выломаны. Чтобы копыта в них не упирались. Хозяев можно не опасаться. Сам же оттирал всякую гадость — древняя она.

— А пустые бутылки?

— Ну забухали пацаны, что такого? В приюте же нельзя, а расслабиться всем охота.

— Разве что...

Я слушал товарищей краем уха, более интересуясь новостями и беззвучно повторял услышанное, привыкая к диалекту. В принципе, ничего сложного. Воспринималось уже гораздо лучше, чем тогда, в столовой маяка. Правда, пугали отдельные слова из моего прошлого. К примеру, часто встречающиеся в школьных диктантах «жужелица», «заезд» или «жужжание», но лиха беда начало. Разберусь с простыми звуками, а там уж выкручусь.

Спасибо дикторам с их поставленной речью — догадываться о смысле того или иного слова почти не приходилось, да и речевой аппарат неплохо подстраивался под выбранный стандарт.

... Передвиение наших войск вдоль линии соприкосновения обусловлено... Волонтёры доставили на передовую очередной гру(тут заканчивалось проглатываемым «с») так необходимых нашим войскам предметов бытового обихода...

Репортажи шли сплошь про войну. Победные, вселяющие в обывателя веру в скорый исход всей этой вооружённой катавасии (разумеется, в пользу Нанды). Пушки стреляли, солдаты позировали, командиры авторитетно докладывали, враг позорно бежал... на месте. Потому что о наступлениях в бравурных реляциях — ни гу-гу.

Мои потуги заметил Ежи.

— Язык учишь?

— Учу.

— Держи, — он извлёк из кармана парочку беспроводных наушников и протянул их мне. — В комплекте с планшетом шли. Музыка слушай. Я онлайн-радиостанцию популярной музыки нашёл. В попсе рифмы несложные, припевы, опять же... Должно полегче пойти.

— А ты? А Сквоч?

— Мне не надо. У меня способность к языкам хорошая, — без тени иронии заявил он и продолжил, выговаривая хоть и с трудом, но, в целом, верно. — Две аботливых старуски напекли внучатам плюски. Все вокруг стола уселись, чаю напились, наелись. Ахотели поиграть. Ты лови! Мне убежать!.. или вот... Высел месяц и (буква получилась твёрдой, как у говорящей головы в визоре) тумана. Вынул ноик и кармана. Буду реать, буду бить... Ну, дальше всё как по-нашему... Слушайте со Сквочем по очереди. Надеюсь, быстро восполним пробел.

— Круто! — восхитился я, забирая гарнитуру и пристраивая её в уши. — Ну, послушаю, о чём в этом секторе поют...

Следующие сутки мы спали. До затёкших боков, до тяжести в головах и однообразия мыслей. Чувствовали — надо отдохнуть и набраться сил. В редкие минуты бодрствования безвкусно ели, запивали пищу чаем и спешили обратно, на койки. Нас не беспокоили ни

шумные обитатели дома, с раннего утра шляющиеся в общем коридоре и скандально обсуждающие всё на свете; ни пьяные вопли с криками под вечер.

Мы — спали.

И на следующей день — спали. И на третий — тоже, но уже меньше, перемежая сон просмотром визора.

Смотреть оказалось познавательно.

Прежде всего, военное положение, которое в моём понимании означало ограничение гражданских прав, комендантские часы, патрули на улицах и иные способы перевода страны на суровые армейские рельсы оказалось более политическим шагом, чем административным.

В городах царила нормальная, неограниченная условностями жизнь; военкомы не хватили людей на улицах, а налоговая система удовлетворилась лишь двухпроцентным особым сбором в дополнение к имеющейся нагрузке на население и производства. По-настоящему жёсткие порядки установили лишь в нескольких прифронтовых территориальных образованиях, введя военно-гражданские администрации вместо муниципалитетов да блокпосты на въездах и стратегических направлениях.

Почему так происходит, растолковал готовящийся в дипломаты Брок:

— Дорого. Содержать армию вообще удовольствие не дешёвое, а брать под тотальный контроль государство в целом — экономика от ограничений треснет. Пока необходимости в этом нет. И без того правительство добилось многого. Выборы отложены, несогласных заткнули. Кто сильно попытается о свободах пошуметь — возьмут за загривок и в кутузку, как шпиона или агента влияния. Сиди потом, доказывай...

Передачи по визору и сетевые новости это подтверждали. Ни протестных маршей, ни митингов возмущённой общественности не упоминалось. Люди жили себе, как и прежде, без великих потрясений, относясь к войне с Розенией как к чему-то далёкому, происходящему на другой планете. Тем более, войска тут контрактные. Вот пусть и отрабатывают бешенные расходы на оборону.

После милитаристики тянуло расслабиться.

Мы сравнивали стандарты красоты (тут отличий не нашли — стройные, грудастые, ухоженные ценились, как и везде); моду, жизненный уклад в этой стране с привычными нам критериями, запоминая отличия и дискутируя об особенностях поведения аборигенов.

К примеру, в молодёжных сериалах при встрече все между собой целовались. Кто в губы, кто в щёку — зависело от степени дружбы и не носило под собой никакого сексуального подтекста. Почти... Иногда, по сюжету, поцелуйчики перерастали в большее, но нас это заботило мало.

— Не буду я Брока в харю лизать! — возмущение бесфамильного граничило с истерикой. — Хоть что вы мне делайте! Он же мужик!

— Ты тоже не предел мечтаний, — редкий случай, когда Ежи проявлял единодушие с товарищем. — Чмокать твою рожу... Тьфу!

В моём воспитании межполовая грань взаимоотношений выглядела более демократично, чем у парней, однако привитые границы допустимого категорически восставали против здешних нежностей.

Успокоил сослуживцев тем, что лично мне вместо поцелуя вполне хватит: «Здравия желаю, господин Самад!». Ну и, разумеется, произносить по стойке «смирно», с расправленными плечами и молодецким видом. При особо торжественных случаях

допускается поясной поклон и падение ниц.

В меня полетели подушки...

После неравного сражения, в котором я героически отбил от превосходящих сил противника, для разнообразия занялись географией. Мы угодили в четвёртый по численности город Нанды — Уккрау-сити. Поисковик подсказал, что название он получил по фамилии члена совета первых колонизаторов планеты, в дань уважения к его былым заслугам. Населённый пункт крупный, присутствуют заводы и фабрики... Ну и так далее, с упоминанием занимаемой площади в квадратных километрах, перечнем вероисповеданий да краткой историей.

Определившись с пониманием своего места во времени и пространстве, вернулись к просмотру всевозможных репортажей с улиц.

Они доставляли особое удовольствие — нас до колик веселило местное разнообразие в одежде и полное, на наш взгляд, отсутствие вкуса у отдельных обывателей. Народ шлялся кто в чём, позволяя себе совсем уж невообразимые наряды, более подходящие к маскарадам или конкурсам экстравагантности.

Банные халаты на городских проспектах оттеняли яркие пятна кислотных рубах и конусообразных шляп с блёстками, а обычные костюмы с платьями бледно терялись на фоне широченных задниц в колготках «леопардовой» расцветки. Но, признаю, нормально одетых людей оказалось подавляющее большинство, просто эксцентричные модники выглядели заметнее, сумасброднее, вызывающе-оригинально.

... Множество иных, мелких отличий принималось на веру без вникания в подробности. Заведено у людей так — не нам их переучивать или осуждать...

О судьбе сержанта Бо и товарищах не узнали ничего. Вообще. Словно их не существовало в природе, и мы никогда не приезжали в клинику.

Умозаключения от этой информационной пустоты напрашивались самые гнусные. Сайт Федерации тоже молчал.

Влипли парни. Но за что?

За подрыв маяка и гибель людей...

... Постепенно, шаг за шагом мы вливались в этот мир. Сон по утрам стал дольше, просмотры всевозможных каналов стали заканчиваться глубоко за полночь, и, как следствие несоблюдения распорядка дня, привычный график «день/ночь», сбился.

... «Бодрячок», заставивший широко распахнуть глаза и осознать, что больше валяться я не могу, настиг под утро. Поворочавшись, с неудовольствием поднялся и, посетив санузел, начал придумывать, чем бы себя занять.

Долго стараться не пришлось.

Прихватив магнитный ключ от входной двери, я взял пакеты с мусором, ждавшие своего часа с самого нашего заселения, и, стараясь не шуметь, вышел в коридор.

Спустился по лестнице, свернул к помойке. Её так и не убрали. Мусорная гора за время нашего пребывания успела подрасти, бесформенной кучей высясь почти на дороге. Ни отдельной санитарной площадки тебе, ни ограждения. Скотство, как оно есть...

Пристроив пакеты на кучу, собрался идти обратно, как вдруг нетвёрдые шаги, доносящиеся из плохо подсвеченного уличными фонарями сумрака, заставили напрячься.

Кого это ещё носит?

— Неверна-а-ая любо-о-овь... — томно, фальшиво пропел женский голос с перерывами на икание. — Неве-е-ерная...

Пьяная, что ли?

Вслед за неприятзательным мотивчиком показалась приземистая фигура из тех, про какие говорят «поперёк себя шире». Вихляющая, пытающаяся пританцовывать в такт и совершающая неумелые движения мощным тазом в стиле «тверк», вообще никак не вяжущимся к лирической стилистике песни.

Прятаться или убежать я и не подумал. Зачем? Паранойя, конечно, наше всё, но и с ума сходить не следует. Человек у помойки — дело бытовое, обычное, а вот бегающий по ночам типчик привлечёт всех, кого не надо.

Усмехнувшись, я без спешки пошёл обратно, к подъезду.

— Молодой человек! — игриво, с хрипотцой обратилась ко мне подгулявшая особа, каким-то чудом различив мой силуэт. — Помогите даме.

Вот привязалась!

Сделав «морду кирпичом», попробовал отмолчаться. Пройдёт и забудет, а мне досужие разговоры с пьяными женщинами ни к чему.

— Молодой человек, ну помогите, пожалуйста... — бочкообразная фигура прекратила танец и, переваливаясь на коротких ногах, пошла мне наперерез. — Я вас хочу спросить о важном...

Чудно... Я её вполне нормально понимал, почти не замечая пропущенных или изменённых звуков. Помогли наушнички, толково Брок придумал.

— Ну? — деваться от назойливой особы оказалось некуда. Толстая фигура, верно определив направление моего движения, почти перекрыла линию «помойка — подъезд».

— Давайте прогуляемся. Какая ночь!.. Вы один, я одинока, познакомимся.

Женщина подошла поближе, давая себя рассмотреть. Обычная тётка категории «тридцать с плюсом», в обычной блузе и юбке, минимум раскраски на физиономии, волосы собраны в пучок на затылке. Вроде крашенные... На плече — сумка, в руке — плоская бутылка с ополовиненным содержимым. На шлюху или искательницу приключений не похожа.

Вот только лицо подкачало. Одутловатое, с мешками под глазами, выдававшими любительницу заложить за воротник. И пахло от неё соответственно — смесью алкоголя и желудочной отрыжки.

Приняв моё молчание за заинтересованность, она попыталась кокетничать, напропалую мешая заигрывание с жалобами:

— Вы такой смелый... Не боитесь по темноте гулять... А я боюсь, — ненатуральный всхлип. — И встретить меня некому. Того и гляди, изнасилуют или побьют...

— Сидите дома.

— И рада бы, — ободрилась она тем, что я решил ей ответить. — Но работаю почти до утра. Приходится каждый день рисковать... А знаете, какие вокруг преступники?! Ни стыла, ни совести у них.

Устав говорить, женщина, не поморщившись, отхлебнула из бутылки. Протянула её мне.

Отказался. Тогда она, отсалютовав стекляшкой, сделала очередной глоток, отточенным движением закрутила крышку и растянула губы в улыбке:

— Я — Мелисса.

— Гурут, — припомнил я имя предводителя сироток.

— Очень приятно, — подпитая особа попыталась изобразить книксен, однако покачнулась и едва удержала равновесие.

Внезапный приступ концентрации, нацеленный на сохранение тела в вертикальном положении, явно всколыхнул в тётке все употреблённые объёмы алкоголя, заставив их массиванно ударить прямёхонько в мозг.

Выразилось это в сбивчивой, с придыханием, скороговорке:

— Пойдёмте ко мне. Я рядом живу, и любовница хорошая... Этаж у меня первый, жена найдёт — в окно выпрыгнуть проще простого. Детей нет, никто нас не побеспокоит...

Пухлая рука цапнула меня за футболку, притягивая к разгорячённому организму неконтролирующей себя женщины. Допилась тётка, первому встречному себя предлагает. Хотя, кто их знает, местных этих, может, у них это в порядке вещей. Или вообще, так и должно быть. Согласиться, что ли? А вдруг совсем не так?

Фу, как же от неё разит...

— Нет, спасибо. Я не по тем делам, — фраза получилась двусмысленной, но подействовала на Мелиссу отрезвляюще.

— А, — устало протянула она, разом теряя ко мне всякий интерес, — убеждённый заднепроходец... Развелось же вас...

Отпустив одежду и совершив внушительный глоток из бутылки, подгулявшая особа, тяжело ступая, побрела дальше, демонстрируя испорченное настроение и крах всех надежд.

Дав толстухе отойти до предела видимости, я проследовал за ней. Не давала мне покоя пустующее по ночам жильё, о котором мало кто знает. Прямо зацепило за живое. Заодно и пьяную болтовню проверю.

Женщина не обманула. Снова запев, она дошла до соседней многоэтажки, свернула в подъезд, а через минуту в угловой квартире, окнами во двор, вспыхнул свет. Сразу в трёх окнах. В среднем отчётливо ярко, в соседних — приглушённое. Минимум две комнаты... У нас апартаменты поскромнее будут. Кухня да гостиная-спальная. А у неё все удобства...

Вернувшись к сослуживцам и отметив их здоровый, крепкий сон, я включил оставленный на зарядке планшет, завалился на койку и нащупал припрятанные под подушкой наушники.

Радио запело:

— Неверна-а-ая любо-о-овь...

История о знакомстве с Мелиссой вызвала бурное обсуждение. Сквоч веселился, пошловато комментируя возможные развития событий; Ежи, наоборот, надолго затих, заинтригованный графиком работы женщины и шаговой доступностью перспективной квартирki.

Вволю наслушавшись однообразных фантазий бесфамильного, он неуверенно излил свои умозаключения:

— Я бы познакомился. Во сколько, говоришь, она с работы чешет?

— На время не смотрел. Под утро. Мимо нашего дома.

Это его вполне удовлетворило.

— Да! Прогуляюсь, посмотрю... Новые связи нам не повредят. Вечно в этой конуре отсиживаться не получится. Денег не хватит, — Брок с вызовом задрал подбородок, подпустив командных интонаций. — С этого дня общаемся только по-местному. Я буду поправлять, если что. И визор, пока бодрствуем, не отключаем, ждём новостей о Федерации.

— И готовим по очереди, — внёс свою лепту бесфамильный, подмигивая. — Чур, я последний в списке...

... Намерения обзавестись новыми связями оказались не пустым трёпом. Отношения с Мелиссой лопухий выстраивал неспешно. Встав пораньше, он дождался её у помойки, опять поющую и опять пьяную.

Познакомился, посочувствовал, изобразил из себя рыцаря, заинтересованного исключительно богатым внутренним миром избранной дамы, галантно проводил, напустив под конец загадочности и элегантно исчез во мгле.

— Нормальная она, — вздыхал Ежи. — Работает на стадионе, уборщицей, потому и домой поздно приходит. Служебный автобус довозит её до остановки, дальше — пешком. Несчастливая... Мужа нет, сплошные комплексы по поводу роста и веса. Оттого и пьянствует, неустроенность заглушает.

— И по ночам шляется, маньяка посексуальнее на живца ловит, — Сквоч видел в пьющей женщине неисчерпаемый источник для зубоскальства.

— Хи. Хи, — делано-смешно отчеканил покоритель женских сердец. — Мелисса тут выросла. Для неё четвёртый округ — природная среда обитания. Кто её тронет, если она всех здешних заправил с пелёнок знает? Социум частично изолированный — посторонних не любит, своих — бережёт. Это нам опасно, а ей — приятная прогулка.

— Ну ты её... того? Шпили-вили успел? — бесфамильного интересовали пикантные подробности.

— До квартиры проводил. До порога, — нехотя признался Брок. — И всё.

— Ну, — разочаровано протянул бесфамильный, жаждущий более развёрнутой истории. — Я-то думал...

— Думай дальше. Я не мешаю. Она — человек хороший... Да и не это от неё нужно, — смущённый бубнёж сослуживца звучал как оправдание. — Вит точно подметил — у неё две комнаты, где она почти не появляется. Так что с интимом погодим. Рано. Боюсь, как бы не испортить. Я же для неё — рыцарь, а не мужлан с хером. Ей приятно.

Вся эта напыщенная чушь меня не обманывала. Неуверенность в речи криком кричала: лопухий, при всех его ораторских талантах, мастер по попаданию во френдзону, но никогда в этом не признается. Слишком нежно он упоминает о толстой тётке, слишком бережно. Такое случается только от отсутствия опыта в общении с прекрасным полом или из-за с детства промытых мозгов о величии женщины. Или от того и другого.

Однако я признавал — тактику Ежи выбрал беспроегрешную. С его талантом складно по ушам ездить и восторженные благоглупости нести — лучше и не придумаешь. Планомерная осада и взятие в нежный плен лучше скоротечного захвата «на одну ночь» и быстрого расставания. Главное, с ухаживаниями не перестараться, иначе дама «перегорит». Ну а даст она ему, или не даст — не моего ума дело. Тут znajке виднее, я ему не помощник... Может, у него фетиш — шарообразные тётки? Или склонность к поиску доминантной особи противоположного пола, чтобы такая... ух! Сильная, страстная, с налитой грудью шестого размера и, одновременно, как заботливая мамочка. Или, наоборот, платонических вздыханий ему вполне достаточно?

Чужая душа — потёмки, а подходящие по вкусу постельные страсти пусть он сам выбирает, лишь бы они на пользу шли.

— Чего ты от Мелиссы добиться хочешь? — вычленил я главное из круговорота мыслей.

— Доверяй. Полного и безоговорочного. С возможностью отсидеться при необходимости.

— С половой отработкой? — вскинулся Сквоч, предчувствуя возможность поподтрунивать над сослуживцем.

— Разберёмся, — отбрил его Брок, напоминая. — Переходим на язык аборигенов. Повторяйте за диктором.

... Заканчивалась вторая неделя нашего вынужденного затворничества. Визор опротивел, болтать стало не о чем. Чтобы не переругаться, постановили свести пустое общение к минимуму и не менее двух часов в день уделять спортивным упражнениям, дабы не заплывать жиром.

Так и развлекались. Или отжимались-приседали до потемнения в рассудке, или валялись на кроватях, практикуясь в местном диалекте.

... В оговоренный день нас проведаль сиротка Гурут. Забрал причитающуюся плату, пересчитал вещи в шкафу. Намекнул, что за них уговора не было, а мы кое-чем воспользовались без спроса. Куда он клонит — не понял бы только тупой, однако бесфамильный, проводивший переговоры, настолько талантливо изобразил недоумение, что жадный мальчонка заткнулся. До поры.

Когда он ушёл, Брок с умным видом осчастливил нас очередной мудростью:

— С этим надо что-то делать. В следующий визит он плату подымет.

— Предлагаешь съехать? Куда?

— Нет. Предлагаю денег срубить.

— Есть варианты?

— Буду искать...

... Едва я проснулся, то заметил — Ежи выглядел, мягко говоря, не очень. Мешки под глазами от бессонницы, подслеповатый взгляд человека, всю ночь просидевшего в сети; очертившиеся скулы.

Он лежал на своей койке, вперясь в лишь ему понятную пустоту и беззвучно шевелил губами. Одетый, одеяло заправлено по впившейся намертво армейской привычке. Подушка превращена в бесформенный ком, для большей жёсткости.

Поздоровался первым.

— Привет.

— Здорово, — с некоторым запозданием ответил Брок, соизволив отвлечься от раздумий. — Выдыхся?

— Ага.

— Буди Сквоча. Разговор есть.

— Лады, только сортир проведаяю.

Через пять минут я тряс выпускника приюта за плечо.

— Подъём, воин! Утро на улице.

Будиться бесфальмильный отказывался. Отмахивался, ворчал, требовал отвязаться от него и пойти куда подальше. При этом после каждого ответа норовил отключиться и захрапеть. Здоровый у сослуживца сон. Крепкий.

— Водой плесни, — не вставая, посоветовал лопоухий. — Иначе эта спящая принцесса до обеда проваляется.

— Принц, — огрызнулся в ответ предмет обсуждения, открывая глаза и поворачиваясь к стене. — Принцесса — баба. За такие сравнения в приюте на перо ставили.

— Да насрать. Сквоч! Хватит тянуть судьбу за яйца. Открывай глазки, принц херов.

По серьёзности Ежи я понял — не отступится. Столько уличных слов в разговоре могло

обозначать лишь то, что обычно несклонный к нецензурщине и брани лопоухий взвинчен до предела.

Дошло это и до лентяя в кровати.

— Что случилось? — он наконец соизволил проснуться окончательно. Протяжно зевнул, потянулся. Помечтал. — Девку бы... И чтобы задастенькая, такая... у-ух! Как Мелисса!

Упоминание о слабом, но очень нужном каждому здоровому мужчине, поле всколыхнуло неявные позывы внизу живота. Мне бы тоже не повредила. Армейская водичка с набором успокаивающих добавок постепенно прекратила своё действие, и хорошо это или плохо — трудно сказать. В данный момент, скорее, плохо. Женщин ведь рядом нет, а то бы я... уж конечно, не растерялся. Зато выпить можно, но... не хочется.

— Счастливый ты, — Брока мечты сослуживца оставили равнодушным. — Жрать и спариваться — и больше ни шиша не надо. Примитивизм.

Приютский пропустил снобистское выражение мимо ушей и зевнул ещё шире.

— Небось, от дамы своей с пустыми колокольчиками припёрся? Выдоенный досуха?

— Пошёл ты!.. — взъерепенился лопоухий, с недавних пор ревностно оберегавший закручивающийся роман с уборщицей и всячески утаивающий от нас подробности развития взаимоотношений. — Помоги себе сам! Правая рука отсохла?!

Пришла пора вмешаться, иначе эти двое начнут срывать накопившееся раздражение друг на друге.

— Ежи, давай по теме, — потребовал я, натягивая футболку.

— Легко, — быстро переключился тот. — Как вам известно, проблем у нас чуть больше, чем дохрена. Документов нет, плана действий нет, денег нет. В холку власти дышат. И с этим надо что-то делать.

— Тоже мне, открытие, — бесфамильный поскрёб заросший щетиной подбородок. — Я думал, ты предложишь что дельное...

— Предложу. Путём крайне простого анализа нашего пикового положения, вижу ситуацию так: сделать документы — нужно бабло, спрятаться получше — опять без кредитов никак, жрать, срать, нормально одеваться — требуется денежка. Свалить с этой грёбаной планеты так же без большого количества банковских билетов не получится. Во всех этих пунктах ключевое слово — бабки.

Говорил лопоухий, в общем-то, мудрые вещи, но слишком размытые. Раздобыть новые удостоверения личности — для меня, например, недостижимая задача. Даже при наличии крупной суммы. Кому платить? Кто даст гарантии, что не кинут, не всучат дешёвую подделку, не сдадут копам? Таких знакомых ни у кого из нас нет.

Про свинтить на орбиту и не мечтаю, во всяком случае, пока. Вообще не представляю, как это сделать.

Однако у ушастого, похоже, мыслишки имеются.

— Есть соображения? — я уселся на край матраца, демонстрируя полнейшее внимание.

— Начну с второстепенного, — Брок из лежачего положения переместился в полусидячее, используя для этого спинку кровати. — С документов. Их можно купить. Пока вы слюни в подушки пускали, я прошерстил отчёт полицейского департамента за последние три года. Уголовных дел с фабулой: «Использование заведомо подложных документов с незаконным изменением ID и прочих социальных номеров» — семьдесят девять. «Изготовление и реализация заведомо подложных документов с незаконно изменённым ID и

прочими социальными номерами» — шестнадцать. Речь идёт о случаях, доведённых до суда и по которым вынесены реальные приговоры. А теперь прикиньте, скольких не нашли? Сколько откупились? Скольких вытащили грамотные адвокаты? Сколько пошли на сделку со следствием?

— Понятия не имею, — удивлённо донеслось со стороны Сквоча.

Я удивлённо почесал в затылке.

— Согласен. Такой статистики не существует... Вывод — специалисты имеются, осталось их найти и убедить нам помочь. Но без солидной пачки кредитов Федерации говорить с ними не о чем.

Лопоухий впадал в менторский тон, однако я не стал его одёргивать. Редкий случай, когда он в своём праве.

— Убраться с планеты тоже можно. Независимые капитаны изредка навещают космопорт и берут пассажиров. Несмотря на местечковую войну, санкции в отношении Нанды Федерация не вводила, окошко в большой космос оставила. Разумеется, с конкретным перечнем товаров, разрешённых к торговле. Сайт космопорта вполне легально продаёт билеты всем желающим, имелись бы средства их купить. Ближайший рейс через полтора месяца. Самый дешёвый билет стоит четырнадцать тысяч двести кредитов. Со скидкой. Ещё месяц назад билетик стоил восемь триста, но в связи с военным положением, цены взлетели. Так что...

— Сорок две шестьсот? — присвистнул бесфамильный, дуря от столь внушительной цифры.

— Больше. Налог на покупку — десять процентов. Такие правила.

Огромные деньги. Больше трети от суммы, положенной мне по завершении пятилетнего армейского контракта. В пересчёте на материальные блага — скромненький домик в пригороде на приличной планете; простенькая, но новая машина, да и родне останется, что послать.

— В местных это сколько? — поинтересовался я. — На сегодняшний день? Может, кредит по отношению к марке упал?

— Мечтай, мечтай... Без изменений... Грубо, на десять умножай. По банковскому курсу. Чёрный рынок даст немного больше. Сколько стоят добротные документы — не спрашивай. Не знаю. Предполагаю, не дешевле билета.

Давая нам передышку, Ежи помассировал виски.

— Башка тяжёлая. Всю ночь по сети серфил, — пожаловался он. — Короче, нам требуется не менее сотни тысяч кредитов. Навскидку. Возможно, больше. Проблему пограничного контроля предлагаю пока не рассматривать. При нормальных доках — пропустят, куда денутся. Или в космопорт устроимся, чернорабочими, а в последний момент проберёмся к челноку и изобразим опаздывающих пассажиров. С настоящими билетами скандалить никто не станет. Выкрутимся. Тем более, объявление на сайте по трудоустройству видел — срочно требуются разнорабочие для взлётно-посадочных полос.

Звучало фантастически. Но начинать с чего-то нужно.

— Где мы столько денег возьмём? — Сквоч спрашивал, начисто стерев с рожи свою обычную, придурковатую весёлость. — Банк ограбим?

Лопоухий, довольный собой и произведённым эффектом, осклабился.

— Почти. Пощиплем одного гражданина. Может, часть и наскребём. Тогда и о новых ID подумаем. Помните ночь в приютском сквере?

Мы с бесфамильным синхронно кивнули.

— Я, как и вы, наверное, помимо планшета на проезжающие машины смотрел. По большей части или такси, или молодёжь развлекалась. А тачки у них через одну богатенькие... Мыслишка и пришла. Я тут по сайтам турагентств прошёлся. Выбрал VIP-курорты. Их названия использовал как тэги для поиска в соцсетях. Хотел посмотреть на здешних богатеёв. Кто, что... ну, вы поняли.

Брок, подавив усталый зевок, провёл пальцем по экрану планшета, всматриваясь в открывшуюся перед ним страничку.

Торжественно прочитал:

— Фарэй Дереба. Двадцать четыре года. Местный, — девайс повернулся к нам, являя изображение светлокожего, белокурого парня в деловом костюме. — Работает в муниципалитете, клерком при отделе связей с общественностью. Живёт с родителями, во всех анкетах указывает именно так... Папа и мама — нашёл по фамилии и внешнему сходству — бюджетники среднего звена. Папа — строительный инспектор, мамаша — помощник директора государственного бюро сертификации.

— И чё? — вырвалось у непонимающего, куда клонит сослуживец, Сквоча.

— Курорт. Я уже сказал. VIP. Их обожаемый сынуля провёл там незабываемые деньки после окончания колледжа. Тоже, кстати, не здесь учился, в столице. А обучение там — не каждый бизнесмен потянет. Семестр — тридцать с половиной тысяч кредитов Федерации, без проживания и дополнительных лекций. Расценки на виду, никто их не прячет, рекламный баннер по первому запросу бьёт... Так вот, деточка вместе с друзьями оттянулся в райских краях по полной. У него на странице фоток нет — семейство скромность блюдёт, однако кореша из тех, кто достаток не прячет, его отметили.

Изображения замелькали каскадом, демонстрируя яркие рубахи с шортами, пляжи, красоток, барные стойки, небрежно-расслабленные фигуры позирующих. Фарэй Дереба присутствовал почти на всех снимках.

— Насмотрелись? — Ежи погасил планшет, возвращая к себе наше внимание. — Через эти фотки я на него и вышел... А потом заинтересовался родителями. Пробил должностные оклады, домашний адрес. Что сказать... На их доходы особо не пошпикуешь, разве что на старость удастся немного отложить. Жалования более чем скромные. Я именно таких и хотел найти. Воришек от государства. Они везде имеются.

— Взятчники?

— Уверен. Домишко относительно скромненький — по статусу, в тусовке богемы и светских новостей не замечены. Если где и мелькали, то об этом упоминаний нет. Вот их и предлагаю вывернуть. Напоказ прилично живут, с перебором.

Лежавший до сих пор бесфамильный приподнялся на локте, глубокомысленно спросил:

— Предлагаешь поискать заначку?

— Её самую, — с уважением к прорезавшимся логическим способностям Сквоча согласился Ежи. — Коррупцированные чиновники, как правило, держат немного налички на всякий случай. Про запас. Вдруг экстренно драпать придётся или подмазывать нужного человека. Банковские ячейки не всегда под рукой.

А вот я усомнился.

— С чего вы оба взяли, что они деньги дома хранят? И вообще, есть ли они? Кроме домыслов у тебя, Ежи, больше ничего нет. Фотка, соцсети, обучение где-то там... Может, у паренька богатый дядя имеется? Подкинул родственничку на колледж...

— Может и такое быть. Слушаю твои предложения, — лопухий не обиделся. — Сколько нам нужно, я обозначил. Где взять — расскажи.

Уел... Рассказывать нечего. Это понимали все.

Пока я думал, что ответить, Сквоч соизволил встать, проведать санузел, повозиться с водой и зубной щёткой. Заглянул в кухню.

— Ежи дело говорит, — вернувшись с чайником и кружкой, он озвучил свою точку зрения. — Я ему верю. Мозги у него что надо. Не попробуем — не узнаем. Кем трудятся мамочка с папочкой?

Ушастый без запинки ответил:

— Строительный инспектор и бюро сертификации.

— Хлебные кормушки... От себя скажу — у таких от безобидных жучков всегда в норке много чего припасено. Я это хорошо знаю.

— Откуда? Ты же приютский, — изумился болтливый выскочка.

— И что? Я в приют попал, когда мне десять стукнуло. А до этого жил с родителями, как любой нормальный ребёнок.

Продолжения не последовало. Бесфамильный налил в чашку воды, шумно выпил. Налил ещё. Повторил.

— Сквоч, мы что-то должны узнать? — почёсывая переносицу, осторожно спросил Брок. — Как твоя семья связана с продажными чиновниками?

— Напрямую. У меня папаша в бандитских десятниках ходил. Потомственный бизнес, клановый. И меня приучал к работе. Брал с собой на кражи и беседы душевные со всякими приbedняющимися. Не на все, конечно, но кое-что посмотреть я успел, и понял главное — именно у таких вот, середняков незаметных, деньжищ — во! — он резко провёл пустой кружкой над головой. — По маковку. Копят, пенсию ждут, чтобы потом до конца жизни балдеть, ни в чём себе не отказывая. Надо пробовать!

История бесфамильного поразила. Почему-то всегда казалось, что в детские дома попадают с рождения или в силу обыденных житейских обстоятельств — автокатастрофа, стихийное бедствие, маргинальные низы общества... а тут — банда, клан, отец-десятник... Готовый сюжет для книжки.

— С семьёй что? — любопытство ушастого перевесило тактичность.

— Мертвы. Я с классом на экскурсию поехал... когда вернулся — все покойники. Полиция установила — разборки. Мой родитель кого-то порешил, ему ответка прилетела. Чтобы и меня не кокнули — кровники вендетту объявили — отправили по программе защиты свидетелей в приют. Имя сменили, а фамилию я сам менять отказался. Наследство, как-никак... Лучше никакой, чем чужая. Там таких много имелось, бесфамильных. Специализированный интернат закрытого типа при Министерстве Внутренних Дел. Тюрьма, по сути. Дальше корпуса ходить нельзя, спортивная площадка в строго отведённые часы. Повсюду воспитатели-надзиратели, за провинности — карцер. По окончании — армия. Чтобы, значит, сразу долги кровные возвращать не побежали... Отслужу — фамилию верну. Обязательно.

— Мстить станешь?

В горло Сквоча полилась третья кружка воды, а я с облегчением отметил, что все те непонятности, преследующие мои познания о добродушном, неконфликтном сослуживце наконец-то находят обоснование. Он — как генномодифицированная луковица. За каждым слоем — новый слой, отличный от предыдущего. Покладистый характер прикрывал звериное

чутьё и немалый опыт, а вот что под ними? Ведь есть же что-то ещё?

Бесфамильный продолжил, утирая тыльной стороной ладони след от ручейка, сбегавшего по подбородку.

— Нет. Те, кто моих порешил — давно сдохли. Узнавал... С их семьями я воевать не хочу. И в банду не хочу. И возвращаться тоже. Я рыбаком стать мечтаю. Очень море люблю, тёплое. Рядом с ним рос... Вы и не представляете, что такое закат на берегу... Всё бы отдал, чтобы снова увидеть... — опорожнённая кружка излишне громко стукнула по его колену. — Хорош прошлое беречь!.. Ежи, вываливай план.

Вздвогнув, наш знайка торопливо кивнул.

— Главное не сказал! Фарэй — большой любитель клубной жизни по выходным. Регулярно постит заметочки с пометкой #хорошо_отдохнули и #клубимся. Всё в рамках приличия, но вот сам клуб — занимательный. Место с открытыми нравами. Гей-шоу, травести-шоу...

— Пидор, что ли? — гыгыкнул Сквоч, возвращаясь в своё привычное состояние довольного всем и вся.

— Без понятия, — пожал плечами ушастый повторно активируя планшет. — Совместных фоток с девушками или мужиками я не нашёл. Впрочем, что такого? Постельная тема — личное дело каждого.

На экране замелькали мужчины с подведёнными глазами, в блестящих трусиках, перьях чуть ли не из жопы и шапках с розовыми ирокезами. Все счастливые, двигающиеся в ритм навязчивой, громкой мелодии, сопровождающей представление. Следующая вкладка продемонстрировала двух девушек, целующихся врасплох на сцене и полностью голых. Затем настал черёд взрыва конфетти, из которого грациозно выпрыгнула грудастая танцовщица с изукрашенным татуировками, аппетитным телом.

Досмотреть танец не получилось. Экран перечеркнула надпись:

Клуб «Фортуна». Тебя ждёт кусочек счастья.

— Стрёмная реклама, — поделился я мнением. — И слоган отстойный.

— И цены — закачаешься, — подхватил Брок. — Самое модное место среди молодёжи. Форумы в сети как один утверждают — рюмка дешёвого виски стоит четыре кредита, или по курсу. Входной билет — десять. Нищие там не ходят, разве что забегают в сторонке постоять, очароваться... Ну, что?

Вопрос адресовался мне. Ушастый, похоже, для себя всё давно решил, раз провёл такую подготовку, бесфамильный уже выразил своё согласие.

В голову пришёл примерный перечень предполагаемых правонарушений: грабёж, проникновение в жилище, возможная угроза жизни, группа лиц.

А что я теряю? Если не пойду, то уберегусь?

Нас ловят. Деньги сержанта не вечны. Отсюда скоро съезжать ради запутывания следов и из-за жадности сиротки, а это опять расходы. Грехом больше, грехом меньше...

Да и не ради наживы, ради выживания.

— Я согласен. Но спать я с этим Фарэем не буду. Убивать — тоже...

Клуб «Фортуна» мерцал разноцветной вывеской на половину улицы. У входа толпился народ, подъезжали машины, высаживая пассажиров, слышался громкий смех, отчётливо тянуло травкой.

Поблизости — ни одного копа. Понимают законнички, куда не стоит лезть из-за

высоких покровителей. Или прикормлены. По-другому и быть не может — исторический центр города. Вокруг — офисы, мегакрутые магазины, кованые скамейки на тротуарах. Чинно, благородно...

Публика у дверей в заведение оказалась пёстрой. Женоподобные мальчики ростом повыше меня, короткостриженные крепыши в схожих куртках и с одинаковой вышивкой на левом плече — не иначе, молодёжная группировка; девушки в ультракоротких платьях и на высоченных каблуках; девушки, одетые по-пацански, в бесформенные футболки, рваные джинсы и кеды; неопределённый хмырь с ухоженной бородой в кожаной безрукавке, клетчатой юбчонке, доходившей едва до середины бедра и военных ботинках.

Все мило болтали между собой, то и дело вспыхивали огоньки папирос. Хмырь в юбке, перекрывая общий гомон, раскатисто пел настолько густым басом, что слов не разобрать. Но парочке обнимающихся рядом с ним девиц представление нравилось. Каждая поглаживала певца по волосатому предплечью и нетрезво пыталась подпевать.

Периодически открывалась входная дверь, впуская и выпуская посетителей. В эти моменты на улицу вырывалась оглушающая какофония, заставляющая вздрагивать брусчатку тротуара в такт сумасшедшему ритму.

Ударные, клавишные, визгливо-электронные звуки перемешались между собой в дикую, набирающую обороты молотилку для мозгов.

Я остановился, привыкая. Никогда не был в клубах.

Голосистый в юбке сделал перерыв. Извлёк из сумочки на плече курительную трубку, набил её, поднёс зажигалку. Пахло не табаком.

Смачно затянувшись и выпустив в небо изрядное облако дыма, он заметил меня.

Протянул трубку мундштуком вперёд.

— Угощайся, бро. Улётная шмаль.

Я взял. Для куража. В здравом уме и трезвой памяти соваться в царство акустического дурдома казалось опасным. Осторожно затянулся, ощущая, как по гортани загуляла наждачная бумага. Давно не баловался.

... Трава, дурь, шмаль, конопля, план — имелись везде. На всех известных мне планетах. Подростком я изредка покупал маленькие пакетики у известного всей округе любителя экспериментов с разумом, чтобы употребить с друзьями; в учебке как-то унюхал знакомый запах, исходящий из-за вещевого склада, где имела обыкновение тусоваться солдатня; теперь эта забава в Нанде обнаружилась.

Всепроникающая шлука...

Горло запершило, в груди свернулся тугой комком, вырвавшийся пробирающим до кишок кашлем.

— Забористо! Да? — расхохотался хмырь. Гулко, точно в цистерне сидел. — Мой рецептик. Эксклюзив!

Девушки подхватили веселье, часто моргая подведёнными глазками.

— Ага, — трубка переключалась к владельцу. — До печёнки...

В голове зашумело, ноги проняла слабость.

— В первый раз заглянул? — причудливо одетый человек снисходительно похлопал меня по спине.

— Да. Посмотреть захотелось.

— Хороший клубешник. С изюминкой. Пойди, оттянись. Захочешь добавки — обращайся. Не жалко для хорошего парня.

Толчок шерстистой руки в спину придал уверенности.

— ... У входа долго не крутись, — напутствовал меня Ежи. — В клубе наверняка полно всевозможных сканеров. Если задержишься — чип может считать данные какого-нибудь завсегдатая, известного охране лично. Обратят внимание на несовпадение — и начнутся ненужные проблемы. На улицу не мотайся, по тем же причинам. Выход контролируют вряд ли. Потому один раз зашёл, один раз вышел. Спросят — отвечай. Не бойся. Ты уже нормально на местном болтаешь. Если привяжутся — скажи, что с Западного побережья приехал. В гости к тёте. Те края далеко, и разговорная речь несколько отличается от здешней...

Мозги заволок приятный туман. Ну и травка!..

Я развернулся к хмырю и развязно спросил, так, на удачу:

— Продашь косячок? Чтобы два раза не бегать?

Тот не удивился.

— Вштырило? Догнаться решил?

— Типа того.

— Полтос...

— Кредитами возьмёшь?

— Легко!

Из сумочки на плече юбочника появился прозрачный пластиковый цилиндрок с самокруткой внутри. Продуманный сервис. Удобно. Хочешь — в карман брюк ложи, хочешь — в нагрудный. Не сломается и не раскрошится. Я достал двадцатку, протянул, инстинктивно глядя по сторонам.

— Не бзди, копов тут нет. Не по зубам им заведеньице... Только не вздумай в зале догоняться. Администрация подобных выходов не жалует. В толчок иди. Там и вытяжка мощная, и компания понимающая.

Денежка сменила владельца, цилиндрок исчез в боковом кармане моих штанов. Хмырь сунул сдачу, тоже в кредитах — пятёрку и десятку.

Теперь всё. Надеюсь, наркота понадобится, иначе Брок за растрату всю плешь проест.

Поправив бейсболку, я протиснулся между новой порцией вывалившихся из клубных недр юношей и девушек, распахнул дверь. Децибелы ударили по перепонкам, на мгновение показалось, что оглох.

Короткий и широкий холл, слабая подсветка, у стены — скучающий жлоб с перекаченными мускулами, бритым черепом и в чёрной одежде с белой надписью «охрана» на груди. Далее — окошко кассы. Запах в помещении специфический: тяжёлый, сладкий, с нотками пота.

Прошёл к кассе, бегло ознакомился с прейскурантом, подсвеченным отдельной лампочкой:

Входной билет — 100 марок

Входной билет «фулл» — 250 марок

Отдельный кабинет — 500 марок

Валюта к оплате принимается по текущему курсу.

Что такое «фулл», читать не стал, хотя расшифровка мелкими буквами и имелась. Не по моим возможностям, а дразниться дополнительными благами — лишь расстраиваться.

Передав в окошко только что полученную от торговца десятку, с грустью проследил, как она исчезает в загребущих недрах заведения.

— Приложите руку к прямоугольной панели, — донёлся металлический голос из скрытого динамика.

Где панель? Какая панель?

— Под прејскурантом, — услужливо подсказал голос, и я увидел упомянутую пластину серого цвета.

Положил на неё ладонь, оттопырил пальцы так, чтобы они не касались прохладной поверхности. Отпечатки мне ещё не хватало разбрасывать.

Что-то вжикнуло.

— Проходите.

Отойдя от кассы, посмотрел на руку. Поверх линии жизни красовался оттиск штрих-кода, салатного цвета.

Дальше я не увидел ни одного препятствия, как и турникета, и дверей. Удобная лестница в конце холла заворачивала вниз под углом девяносто градусов, на ступеньках прыгали разноцветные огоньки с танцпола, или как он там называется.

А потом случилось светопреставление. Я вошёл в большой зал...

Разнообразные, мерцающие, постоянно движущиеся лучи света выхватывали конвульсирующие фигуры, с каждым разом замиравшие в изломанных позах. Вертящиеся под потолком отражающие шары слепили глаза калейдоскопом бесноватых зайчиков, хаотично мечущихся по людям и пространству. Музыка не разобрать — по мне, так пилорама звучит приятнее. И пол с каждым «умца-умца» там не дрожит, и свежими опилками приятно пахнет.

Напротив входа — сцена с прыгающими девицами в школьной форме и расстёгнутыми до пупа блузками. Лифчиков я не заметил. Выступающие периодически задирали ноги до ушей, хлопая при этом себя по ляжкам и выкрикивая "Йа-а-ху-у!!!".

Зал им отвечал тем же, вот только ног не задирали, а подпрыгивали и вскидывали руки вверх.

Именины в психушке...

— Вит! Попадёшь внутрь — ищи Фарэя. Покрутись немного рядом, присмотришь, что он за чел...

Как его тут искать? Народу — что ананасов в банке. Лиц при таком освещении не разглядеть. Проходы отсутствуют — везде бьются в припадках, именуемых танцами, некоторые визжат в экстазе.

Муть в рассудке усилилась. И это после слабенькой затяжки!

... В плечо мягко ткнули, отодвигая. С лестницы входили ранее виденные короткостриженные парни. Не пытаюсь пробраться сквозь беснующуюся толпу, они уверенно пошли вдоль стены, изредка огибая отдыхающих одиночек и воркующие парочки.

Я направился следом и вышел к бару.

Длинная, высотой по грудь, стойка; бармены в белоснежных рубашках, виртуозно подбрасывающие бутылки, за их спинами — стеллажи с напитками всех цветов и оттенков; относительно нормальный свет.

Узкие стулья, обнажённые женские бёдра на них, щелчки пальцев, горящие синим

огнём бокалы, лихо опрокидываемые под ободряющее завывание друзей, флирт всех со всеми.

Подожду здесь.

Приткнувшись с краю, обвёл взглядом отдыхающих. Все довольные, сытые, счастливые, разгорячённые... И я, инородный предмет на этом островке удовольствий.

Для приличия заказал порцию виски. Обманули форумы ушастого. Не четыре, пять кредитов содрали, или забыли разницу вернуть. От нечего делать прикинул, скольких бармены так напарили, пока считал до ста. Вышло двенадцать порций бухла, выданного страждущим.

Двенадцать кредитов Федерации меньше, чем за две минуты! Эх, не тем я занимаюсь... Это же сколько за вечер набегает, даже если с начальством делиться? А за месяц?

Арифметика помогла взбодриться. Конопляный туман в черепашке начал рассеиваться.

Пить купленный виски не стал. Торчать с пустым бокалом — по-нищенски, а на второй раскошелиться пока рано. Мой финансовый лимит до неприличия скуден.

... Фарэй подвалил к стойке в сопровождении трёх существ загадочного пола в рубашках разной степени радужности и обтягивающих колготках, молодого мужчины в деловом костюме и молодящейся дамы глубоко за сорок, задрапированной в сколотый на плече булавкой кусок матери. Кроме молодого — все сплошные фрики.

Мой объект, кстати, предпочёл классический деловой стиль из пуловера, белой сорочки и отутюженных брюк со стрелками.

Разница в шмотках, похоже, никого не напрягала. Они общались между собой как старые знакомые, давно простившие друг другу мелкие чудачества.

Заказали что-то оранжевое в высоченных рюмках, дружно выпили, убрались обратно, в толпу танцующих.

Подняв бокал повыше, я двинул за блондинистым Деребой, моля всё сущее, чтобы не потерять его из виду. В окружающей обстановке — легче лёгкого.

Попривыкнув к грохоту, именуемому музыкой, попытался начать танцевать. Раньше мне такими причудами страдать не доводилось, потому решил копировать остальных.

Оказалось — зря. Каждый плясал какой-то свой танец, отличный от остальных. У девушек получалось грациозней, у парней — по-разному. Иногда казалось, что отдельных индивидуумов умышленно держат под разрядами дефибриллятора.

Основной вывод — попадай в такт. Чем я и занялся, пританцовывая, как бог на душу положит. Вроде ничего, никто не смотрит и пальцем не тычет...

Обнаруженный Фарэй двигаться умел. То ли практика, то ли учился, но делал он это красиво. Ни с кем конкретно, без пары. Взмахи, вензеля ногами, изгибы торса — не захочешь, засмотришься. Его фриковатые приятели дрыгались поблизости, но каждый — в своей манере.

Ни трио, ни дуэтов...

Пристроился рядом, изобразил радость от бумканья из динамиков. В перерыве, пока девки с голыми сиськами, вывалившимися из блуз, уступали сцену накаченным танцовщикам в кожаных повязочках на чреслах, а клоунского вида юноша объявлял новое выступление, протянул стакан с виски белобрысому:

— Угостись!

— Слушай, Самад! — лопухий говорил, выставив для пущей важности перед собой указательный палец. — Тебе необходимо познакомиться с Деребой. Не навязывайся, в очко без смазки не лезь...

— И не подставляй, — ввернул Сквоч, растягивая хлебальник до ушей от выданной остроты. Получил тычок в пузо. От меня. Крякнул, согнулся пополам, однако паясничать не прекратил. — И каку в рот не суй!

— Заткнись, — окрысился на него Брок, — Не до тупых шуточек... Вит! Постарайся разузнать — есть ли прислуга в доме, с кем живёт, с кем встречается, машина у него или он на такси приезжает развезаться, что предпочитает. Главное, понять, как нам подобраться к его семейству поближе. Посёлок, в котором они обитают — охраняемый. И не автоматикой! Людьми! По периметру — ограда со всеми примочками... Я изучил сайты о продаже недвижимости. Нашёл старенькое объявление о похожем домике с подробным описанием охранных наворотов. В лоб или сбоку не пройти. Поэтому заезжать придётся на плечах чиновничьего сыночка. Или тачку заимствовать, или его вместе с тачкой. Попробуй подружиться. Коль выгорит — в следующую встречу предложишь к бабам поехать, а уж там...

— Помню. Мы оговаривали.

— При необходимости пропусти пару рюмашек, его угости, — взводный знайка продолжал долдонить многократно разжёванную концепцию операции. — Но бережно. Пробуешь все деньги — новых нам ждать неоткуда. Что ещё... До центра доберёмся на попутке. За кредиты Федерации отвезут куда угодно. Мелисса так сказала... Дальше пойдёшь пешком. Сам. Мы приотстанем. Долго крутиться у клуба опасно, могут посчитать грабителями и вызвать наряд... Там или входят, или выходят проветриться, долго толкающиеся привлекают внимание. Станем ниже по улице, в поле зрения... Если что — свисти, услышим. Начнут бить или с копами схлестнёшься — прибежим, поможем... — палец сослуживца упёрся в мою грудь. — Топать недалеко. Карту я тебе показывал, названия улиц помнишь... Как Фарэй выглядит, не забыл?

— Нет, — суетливая дотошность вместе с пальцем начинали раздражать. — Завязывай, Ежи. Надоел.

— Хвост пистолетом! — бесфамильный подмигнул, коронно издал «Гы» и ободряюще поднял кулаки. — Всех уделаем. Ты, главное, в себя верь...

— Давай! — Дереба задорно принял бокал, единым махом забросив напиток в рот. Вернул пустую стекляшку. — Как звать?

— Виталис! — представился я полным именем, нимало не опасаясь последствий.

К чему придумывать новое? По армейским документам я — Вит Самад. Небоевой позывной № 1 и небоевой позывной № 2. Везде так записан. Сложить Вита и Виталиса конечно, можно, но сложно — исходники понадобятся. Личное дело, как минимум. А оно далеко.

Да и проколоться шансов гораздо меньше. Он поддатый. Начнёт язык заплетаться — могу новое имечко и не расслышать. Или сам захмелею — точно запутаюсь.

Фамилию же попросту не скажу, да и на кой ему моя фамилия?

— Фарэй! Повторим? Моя очередь угощать!

— А то!

Высокоумный Ежи, расписывая порядок действий, по свойственной всем заучкам

привычке начисто упустил практическую сторону дела. Покрутись... Присмотрись... Кругами походи... Угу, и дождись, пока он какую-нибудь красотку склеит, или красавца. Тогда нужда в моём обществе отпадёт напрочь.

Спешить надо, перехватывать инициативу, тем более вроде как срастается...

Мелочиться Дереба не стал. Заказал два стакана синего коктейля с приятным, мятным привкусом. Расплатился, приложив основание предплечья к сканеру на стойке.

Зал вновь наполнился клубным грохотом.

— Я тебя раньше не видел! — прокричал он в самое ухо, притянув меня за шею, голова к голове. — На разведку пришёл?

— Познакомиться с клубешником! — орал я в ответ, больше угадывая слова, чем их слыша. По перепонкам лупило знатно. — Недавно приехал. С западного побережья!

— Заметно! Акцент у тебя не здешний! Учиться?

— Не... Развеяться! Дома тоска смертная. Отец — фермер, мать — фермер. Семейный бизнес!

Про ферму я брякнул неспроста. Знакомая тема, если что — не собьюсь. И про комбайны могу в подробностях, и про тонкости сельской жизни. Она везде одинаковая: бескрайние поля, работающая техника, ранние подъёмы, вечная занятость, бесконечные ремонты хозпостроек, вечный цейтнот, пинки от папаши, чтобы двигался быстрее и не тупил.

— За знакомство!

Выпили до дна. Фарэй немедленно повторил заказ, только теперь в бокалах плескалась красно-красная жижа с фиолетовой ягодкой сверху.

Подтянулись его знакомые. Они вроде даже представились, но я не запомнил.

Снова выпили.

Настал мой черёд тратить.

— Что будешь?

— Пошли, потанцуем! Потом...

Наркотическое опьянение сменялось алкогольным. Давно не пил, разбирает... Оно и к лучшему — паузу сделать. Без закуски, крепкое — тут привычка нужна, опыт и стаж. У Деребы эти качества, похоже, имелись. Двигается трезво, речь связная.

Прокутил я почти двести кредитов. Меньше не получилось. Цены на коктейли оказались просто заоблачными, а отмазываться не решился. И так потратил раза в два меньше, чем мой новый знакомый. Тот удержу не ведал. Танец — стойка — бокал, танец — стойка — бокал. Я оплачивал пойло через два на третий, доверив выбор знатоку.

Всё старался не выпивать. Часто оставлял угощение, едва пригубив или с дебильной улыбкой пропускал, когда белобрысый пил с друзьями.

... Верно просчитал ушастый. Есть у семейства Фарэя деньги, есть. Последнее так беззаботно не тратят...

Относительно связно пообщаться получалось лишь в перерывах между выступлениями. Оказалось, богатенький сынок — нормальный парень. Достатком не кичился, мастерски рассказывал анекдоты разной степени похабности, о себе говорить не отказывался, спрашивал мало.

По мере углубления знакомства его тон становился всё доверительнее.

... Живёт с предками, работает, отпуск планирует провести в горах и хорошенько покататься на лыжах, обожает тусовки и движняк. Лёгкок на подъём, при малейшей возможности срывается в омут удовольствий, но аккуратно — тормоза в ДЕРЕБЕ имелись.

Прислуги в доме нет, по работе — скоро сменит опостыливший отдел по связям с общественностью на перспективную должность в управлении транспорта.

— Родитель организовал, — пьяно вздохнул он с сочувствием к своей тяжкой доле. — Ради карьерного роста. Порешал, с кем надо, меня не спросил...

Приходилось поддакивать:

— Сам такой. Старики путь до могилы расписали. Ферма, земля, работники-пропойцы... А я, может, на художника мечтал учиться!

Недовольство старшими, решающими, как мы должны прожить свою жизнь, сблизило сильнее.

Наступала пора валить. Больше вызнать вряд ли получится.

Оставался последний, скользкий момент — обмен номерами коммуникаторов. У белобрысого есть, у меня — нет, что в наши дни — нонсенс. Включить загадочность? Придумать сказку о том, что его только-только потерял? Или сострять байку про диктатора-папашу, обожающего контролировать отпрыска во всех мелочах, включая связь?

Ничего этого не потребовалось.

Основательно размякший от выпитого Фарэй будто невзначай дотронулся до моего бедра. Потом до ягодицы.

Кровь вскипела. Он за кого меня принимает?!

Едва сдержался, чтобы в рожу не засветить. Я против свободной любви ничего не имею, однако...

... — Таких, как ты, Вит, в древности называли «бисёнэн». В переводе с какого-то там позабытого языка — эстетически красивый юноша. Потому тебя и отправляем в клуб. Я — лопухий, Сквоч тоже не красавец. Ты среди нас самый симпатичный.

— Здравьете, приехали...

Никогда не задумывался о том, как выгляжу со стороны. Чистый, бритый, не урод — и ладно. Но эстетически красивый...

— В зеркало загляни. Строен, худощав, смазлив по всем критериям. Носат немного, но это на любителя, — Ежи произносил всю эту чушь с таким выражением, будто обсуждал достоинства новой модели спорткара. — Брови густые, волосы тёмные, черты правильные. Ни я, ни он, — кивок в сторону бесфамильного, — и в подмётки тебе не годимся по части внешности.

Предчувствуя недоброе, поинтересовался:

— Зачем ты мне это говоришь?

— Нравы в Нанде более чем свободные. Однополые браки и партнёрские семьи в полтора десятка рыл никого не удивляют. Вон, вчера очередная певичка третьесортного пошиба замуж за троих мужиков и тётку-стилистку выскочила. Вся сеть обсасывает новость, причём в разрезе стоимости свадебной церемонии, а не морали.

— Э-э-э... я по женщинам!

— Да на здоровье! Мы все только за! Срубим денюжат — в бордель завалимся, с самыми умелыми шлюхами! Отдохнём... — Сквоч аж облизнулся при упоминании продажных дам.

Ежи тоже мотнул головой, отгоняя сладостное наваждение. — Короче, начнут приставать — постарайся удержать себя в руках и разрулить миром, а не сходу в дюндель лупить. Так надо. Ты на задании.

Представив себя в мужских объятиях, я ощутил рвотный позыв, однако согласно кивнул...

... Руку с задницы сбрасывать не стал. Изобразил заинтересованное недоумение.

— Пошалим? — белобрысый, приняв отсутствие здоровой реакции за одобрение его действий, чмокнул меня в губы. Рассмеялся. — Ты милый.

Захотелось сплюнуть и немедленно раскошелиться на водку — рот промыть.

Дереба же продолжал, приобнимая за плечо:

— Поехали, продолжим чудесный вечер.

— Куда?

— Ко мне. Родители в отъезде, придут к понедельнику. Оторвёмся...

Крыша у чувака явно протекла. Приглашать домой малознакомого типа, с которым познакомился только что? И где? В клубе? Кто его адекватным назовёт?

Новый чмок, в щёку. Белобрысый качнулся, удерживая равновесия и лапу на моей жопе.

Да он пьян! Добрались коктейли до подкорки, расслабили, отключив здравый смысл.

Ну да, принял Фарэй изрядно, штормить бедолагу начинает...

Но это шанс! Сам домой зовёт! Туда, куда мы дорожку ищем!

— Я без машины, — кстати вспомнился упущенный пункт в сборе информации.

— Забей. Я на тачке.

— Ты пьян!

— Автопилот доведёт.

— Ну... не знаю.

Со стороны это должно было выглядеть как колебания и сомнения. Все девушки, с кем сводила меня судьба, поступали так, когда я намекал на более тесные отношения. Проще говоря, ломались по женскому обычаю. Выкаблучивались, набивали цену, чтобы не выглядеть легкодоступными блядьми.

Меня ведь сейчас нахально «клеят», и соглашаться без двусмысленных раздумий — элементарно неприлично.

Послать всегда успею... Интересно, мои бывшие подружки так же рассуждали, поначалу не говоря ни да, ни нет, и только потом, после разновариантных прелюдий, позволяя уложить себя на спину?

Ягодицу сжало. Фарэй ускорял процесс, подталкивая к нужному решению. По бицепсу скользнула ладонь мужеложца.

— Ты сильный... Горячий...

Во даёт! И не противно ему?

Похоже, нет... В зрачках шальное безумие, скулы напряглись, дыхание глубокое, отрывистое. Гормончики заплясали...

Хрен с тобой, белобрысенький. Мальчика на ночь возжелалось? Получишь.

— Пойдём, воздухом подышим. Жарко. Хочу проветриться.

Взяв его за руку, я направился вдоль стен, к выходу из клуба. Миновал лестницу, лысого охранника, пробрался сквозь толпящихся у входа. Вечерний сумрак разгоняли фонари, давая вполне приличную видимость.

Где мои товарищи?

Чертыхнувшись, я догадался, что им меня в этой толпе не разглядеть. Надо подать знак, пусть поближе подойдут.

Дереба дышал в затылок.

— Воздух какой свежий... — нужно время и способ дать себя заметить. — Сказка!

Высвободив руку, я скользнул на обочину проезжей части, повернулся к мнящему себя мастером пикапа белобрысому, и, видя его осоловелый взгляд, свистнул, натягивая блаженную улыбку.

— Не спать! Ночь только начинается!

На меня оборачивались. Похоже, такое проявление эмоций здесь не в чести. Деревенщина я, с западного побережья. Простите.

Свист пошёл на пользу. Объект вскинулся, задрал подбородок, хохотнул:

— Не сплю, Виталис. Не сплю.

За толпой возникла нескладная фигура Сквоча. Убедившись, что со мной всё в порядке, он сощурился и вальяжно пошёл мимо. За ним, поодаль, недоумевал Ежи.

Дождавшись, пока бесфамильный поравняется со мной, я извлёк приобретённый ранее косяк, снял защитную пробку с колбочки.

— Бро, огонь есть?

— Не, — мой вечно гыгыкающий сослуживец отыгрывал роль на все сто. Ленив, расслаблен, равнодушен.

— Жаль. Мы тут с корешем пыхнуть хотели. Ну ладно! Удачи тебе! — и обратился к Дереве. — Давай разобьём и поедем. К тебе...

Надеюсь, посыл истолкован верно.

Откуда-то сбоку возникла зажигалка, а знакомый бас хмыря в жилетке с юбкой протрубил:

— Взрывай.

Сленг, в принципе, понятен. Только у меня дома предпочитали термин «ломать».

Да какая разница?

Воспользовавшись предложением, прикурил, но затягиваться не стал, протянул самокрутку Фарэю.

— Ты первый.

Он отказался.

— На бухло — шмаль? Виталис, от этого мозги расплавятся! По кускам себя собирать будешь.

Сука... пьяный, пьяный, а соображает.

— Ой, ты ещё мне лекцию прочитай о вреде наркотиков, — нарочито сварливо отмахнулся я. — Тоже мне, выискался любитель здорового образа жизни. Не хочешь — не надо. Сам справлюсь.

Закончив тираду, напустил на лицо вселенскую обиду и скорбь. В сторону будущего любовника демонстративно не смотрел, давая понять, что более чем реальный шанс отыметь «бисёнэна» у него срывается напрочь.

Робкое, извиняющееся поглаживание по плечу.

Дёрнулся, припоминая, как это делали девушки, столкнувшись с излишней прытью с мужской стороны. Сжал губы в гузку, бейсболку надвинул на брови, насупился. Косяк с травкой зажал между пальцев.

— Давай, чего уж... — Фарэй забрал наркотик, со знанием дела затынулся.

Задержал дыхание, прикрыл глаза, протянул самокрутку обратно.

Моя очередь.

Набрав самую малость едкого дыма в рот, зажмурился, мечтая не закашляться. Выждав приличествующую паузу, задрал голову вверх и выпустил сквозь зубы терпкую, туманную струйку.

Передал травку герою-любовнику. Тот взял, затынулся по новой, да так, что самокрутка убавилась на треть.

— Прикольная штука! — откладывая новую порцию смешанного бородачом яда, которую требовалось употребить для поддержания компании, я попробовал заболтать белобрысого. Его вот-вот накроет. Приход будет мощнейший. — У нас ничего похожего не водится. Тонко пробирает. Вкусно. Будто на волнах качаешься, под звёздами. Небо чистое...

— А-а... — осмелился согласиться Фарэй, но больше одной буквы не осилил. Заплетык языкался.

Началось.

Осоловев, он уже плохо понимал, что творится вокруг и безропотно принял вонючую отраву. Так и докурил, окончательно теряя ориентацию в пространстве.

Рубануло любителя мальчиков мощно, точно из пушки. Пришлось в срочном порядке подхватывать стремительно обмякающее, норовящее рухнуть тело.

Я сам держался из последних сил. Вдыхай, не вдыхай, а свою дозу дури схлопотал, никуда не делся.

— Тачка твоя где?

— Ам...

— Точнее.

Вдоль тротуара припарковано множество машин самых разных марок и дороговизны. Какая из них Деребы?

— Вон та, тёмно-синяя. У второго столба отсюда, — на выручку пришёл бородач, продавший наркотик. — Фар снова в говно?

— Сам видишь.

— Помочь дотащить?

— Справлюсь.

От помощи я отказывался с сожалением. Белобрысый оказался увесистым юношей. Но чем скорее закончу трепаться, тем быстрее обо мне забудут. Не навсегда — до первого вопроса копов, однако и то в радость.

Тащить безвольную тушу — та ещё мука. Идти она толком не может, зато постоянно норовит соскользнуть, цепляется носками туфель за любую неровность тротуара, а центр тяжести перемещается со скоростью пули.

Но дотащил, не уронил, хотя футболку — хоть отжимай от пота.

Оказавшись у родного автомобиля, вялое предплечье Деребы пришло в движение, на долю секунды прижавшись к боковому стеклу. Пискнула сигнализация.

У него и транспорт к ID-импланту привязан?

Периферийное зрение выцепило Ежи и Сквоча. Поблизости трутся, по сторонам поглядывают.

Подвёл (или поднёс — сам запутался) богатого сыночку к водительской двери. Открыл, принялся впихивать перепивши-укуренного в салон, следя, чтобы он не треснулся головой о

стойку. Получилось относительно легко — у отключившегося водителя сработала мышечная память, заставляя ноги самопроизвольно втянуться внутрь, а руки шарить в поисках руля.

На мгновение он пришёл в себя и с детской непосредственностью поинтересовался:

— Ты кто?

— Друг.

— А... ну пока... приятно было... — пробубнил Дереба, пытаясь дотянуться до дверной ручки.

Стоп! Ты ещё завести попробуй и без нас уехать!

Не придумав ничего лучше, я навалился на сидящего Фарэя и пролез на соседнее сиденье, прижимая его руки к корпусу. Устроившись, перегнулся, захлопнул дверь.

Парни просчитали правильно. Пока я разбирался, где тут стеклоподъёмник или ручка для открывания, они уже влетели на заднее сиденье.

— Поехали! — лопухий выглядел возбуждённым. — Вит! Приложи его ласту к вон той панельке, справа от руля.

Долго искать не понадобилось. Овальная сенсорная панель оказалась единственным устройством, находящимся в активном режиме и подсвеченной тусклым голубоватым светом.

Произведя нехитрую манипуляцию с конечностью белобрысого, мы все с приятной отметили включившиеся приборы управления. Послышался лёгкий шум готового к работе электропривода.

Осталось сдвинуть эту колымагу с места.

— Включи автопилот! — потребовал я, хлопая проваливающегося в наркотический сон Фарэя по лицу.

— пилот... амой...

Получив нужное распоряжение, умный автомобиль вежливо проигнорировал косноязычие владельца, ограничившись распознаванием речи, самостоятельно выбрался на проезжую часть и покатил по улице, держась строго дорожной разметки.

— Кучеряво вы погуляли... — вынес вердикт бесфамильный. — Он же убитый полностью.

Словосочетание меня почему-то развеселило. До колик в животе. Убитый полностью... А не полностью убитый — это как? Наполовину труп? Или наполовину без тела? Тогда без тела сверху или снизу? Или коматозник?

Добралась травка, исподтишка шарахнула, стоило только подумать о том, что скоро можно будет расслабиться.

— И ты тоже, в хлам...

Отсмеявшись, я скороговоркой выпалил, стремясь сообщить важное до того, как дурман отмочит что-нибудь новое в моём рассудке.

— Его родители в отъезде. Дома никого. До понедельника. Меня рубит. Разбудите, когда приедем.

... Рядом храпел Дереба.

— Вит! Ви-ит! — моё имя сопровождалось основательной встряской. — Самад! Вставай! Приехали.

— Куда? — плохо соображая спросонок, глупо спросил я, расклеивая тяжёлые веки.

— На конечную. Ускоряйся, опаздываем!

— Куда? — доходило до меня долго, даже очень. Но оно и не мудрено. В теле — болезненная, ватная мягкость, во рту — помойка напополам с засухой, в сознании — полная потеря ориентации и вязкая муть.

— Домой! — голос этого... как его... Ежи звучал тревожно. С чего бы?

— Вытаскивай этого алкаша обдолбанного, — вмешался второй голос, похожий на бесфамильного. — Понесли.

— Сам пойду, — буркнул я, окончательно возвращаясь в реальный мир из того чёрного провала, в который угодил, сев в автомобиль ДЕРЕБЫ.

— О, очухался! — радостно огласил Брок, отпуская мой измученный возлияниями организм.

Борьба со слипающимися глазами в конце концов увенчалась успехом, и я с удивлением обнаружил, что по-прежнему сижу машине, на том же самом, переднем пассажирском месте.

— Приехали?

— Ага. Вылезай.

Сбоку доносился ровный храп. С трудом повернув голову на непослушной, затёкшей шее, увидел по-прежнему спящего Фарэя: морда вроде целая, и от неё перегаром воняет. Бээ... Ужасно захотелось попить и сплунуть, причём одновременно.

Сильные руки потащили прочь от дрыхнувшего «любовника», едва не уронив на... не представляю, на что. В ухо зашептал Сквоч:

— Господин самый главный укурыйш! Докладываю, операция прошла успешно. Вас не будили, ибо вы изволили почивать, весь в слюнях и соплях. Обошлись своими силами.

— Хвалю! — вместо нормальной речи из глотки вырвалось хриплое сипение, отдалённо напоминавшее мой собственный голос. — В смысле, своими силами?

Снова трянуло. Это сослуживец помогал мне утвердиться на собственных ногах.

Перед лицом нарисовался лопухий. Встревоженный, нервный, беспрестанно озирающийся.

— Самад! Раскачиваться некогда! Соберись! — излишне резко бросил он, отвешивая мне лёгкую, бодрящую пощёчину. — Мы на окраине гетто, нам через весь четвёртый округ ещё пилить и пилить. Шевелись, убогий! Не будь овощем! — чужие ладони больно растёрли мои уши. — Ножками, ножками...

Ничего не понимая, я послушно сделал несколько шагов, пытаюсь вернуть контроль над телом и борясь с накотившей тошнотой. Мелко задышал ртом, заглушая неприятные позывы из живота.

Упражнение помогло. Мир нехотя принялся влезать в привычные рамки.

Между тем, в открытую дверь автомобиля нырнул Ежи, где принялся лихорадочно возить какой-то тряпкой по ручкам и прочим поверхностям.

— Отпечатки удаляю, — пояснил он.

— Зачем? Наши морды у клуба во всех ракурсах запечатлены. И масса народу видела, как мы в тачку садились, — расслабленно заметил я, наслаждаясь уличной прохладой и наступающим прояснением в мозгах. — Мы, вообще, где?

— В четвёртом округе, с противоположной нашему дому стороны, — ответил лопухий, не отвлекаясь от процесса. — А отпечатки мы всё-таки сотрём. На всякий случай. Есть мнение, что скандалить родители нашего мальчика не станут...

— Я согласен с Броком, — поддержал Сквоч. — Пусть протирает.

Предчувствуя, что многое пропустил, теперь уже сам растёр ладонями уши, активируя кровообращение, и попытался разобраться, где нахожусь. Дорога, многоэтажки, остановка транспорта, скудное освещение. Вроде и знакомая местность, а вроде и нет. Ладно, доверюсь бесфамильному... Он спокоен, несуетлив. Стоит рядом, терпеливо ждёт, пока Ежи закончит возиться.

— И последний штрих, — непонятно процедил лопухий, тыкая обёрнутым в тряпку пальцем в панель управления автомобилем. — Опачки! Всё! Можно прощаться и говорить тёплые слова.

Выбравшись из салона, Ежи захлопнул дверь автомобиля, мазнул тканью по месту соприкосновения, нанося последние штрихи к картине «нас тут нет», и убеждённо констатировал, позволив себе улыбку во весь рот:

— Мы — красавцы! А ты, Вит, красавец в кубе!

Транспортное средство ДЕРЕБЫ, между тем, пришло в движение. Плавно тронулось, выбрало полосу движения и покатило вперёд, увозя в дальние дали спящего владельца.

— На работу поехал, — продолжал лыбиться Брок. — Я в навигаторе нашёл адрес муниципалитета, где Фарэй службу тянет, и отправил его туда. Утро скоро, так что, считай, доброе дело сделал. Надеюсь, не проспит. Или у него выходной?

Ответил он себе сам, точно отмахивался от жертвы беспорядочный связей: «Да похрен, пусть катается»...

Бесфамильный одобрительно хлопнул заботливого знайку по плечу и потребовал:

— Доставай свою игрушку. Я, лично, дороги не знаю.

Чертыхнувшись, тот извлёк из заранее прихваченного вчера рюкзака планшет и запустил карту, по ходу комментируя:

— Я геометок, от греха подальше, не ставил, но номер дома запомнил 1641. Сейчас прямо, через четыре перекрёстка направо и строго по прямой. Планировка округа параллельно-перпендикулярная, так что заблудиться не должны. Можно попробовать через дворы срезать, но по темноте я бы не рискнул.

— Через дворы, — отрезал Сквоч, всем своим видом показывая, что решения не изменит. — Копы ночную смену докатывают. Вспомни, как тряслись, пока сюда добирались. Через две улицы на третью патрули с мигалками. Можем нарваться.

— Во дворах тоже, — возразил я. — На агрессивных аборигенов.

Замечание получило аргументированный отпор.

— С ними можно попробовать договориться. С полицией — нет.

Приняв сторону сослуживца, лопухий пожал плечами, сверился с картой и уверенно направился к ближайшему строению, в котором начинали загораться окна.

Мне оставалось лишь ковылять следом, переживая не на шутку разыгрывающееся похмелье и мечтая о литрах вкусной воды с холодным душем.

Бесфамильный, подстраиваясь под меня, пошёл рядом, сообщая пропущенные

подробности:

— Мы когда к дому белобрысого приехали, то тачка закатилась прямо в гараж... Ну, вышли, попытались до тебя достучаться — куда там! Ты спал как убитый. Тогда сами пошли в дом. Прошерстили, нашли сейф в кладовке. В стенку вмонтированный, со сканером отпечатков. Ежи предложил Фарэя притащить. Ох, и тяжёлый он! Но его лапа подошла. Старики, ему, похоже, полностью доверяют. Внутри деньги оказались. Много. Примерно двадцать девять тысяч кредитов Федерации. И бумаги. Брок посмотрел по диагонали...

— Договор аренды банковской ячейки на какую-то Марви Дереву, доверенность от её же имени на доступ и управление, документы на недвижимость и финансовый отчёт с биржи ценных металлов, — углубился в тонкости ушастый, которому тоже не терпелось поделиться удачно обстряпанным мероприятием по перераспределению материальных благ. — Взяли только деньги.

— Ага, — вернул себе инициативу наш приютский сослуживец. — Только их. Больше ничего. Правда, там и брать оказалось особо нечего. Прибедняются госслужащие. Ни картин, ни статуэток. Визор — и тот средних размеров... Однако, чует моё сердце — не нашли мы какой-то тайник. Не нашли...

Не сбавляя хода, опередивший нас на полкорпуса лопоухий повернулся и саркастически заметил:

— Сквоч! Ты меня удивляешь. Сам же родного папашу непрестанно цитировал: «Взял — вали, удержишься — отдашь с процентами». Меня поторапливал.

— Так то от приступа здравого смысла, — отшутился бесфамильный, делая наивно-простецкую рожу. — А наследственная жадность и генетическая предрасположенность другое шепчут.

Меня их выяснение отношений заботило мало. Пусть пар выпустят. Спросил о другом:

— Вас охрана при въезде в посёлок проверяла? В доме сигнализацию как обошли?

— При въезде в посёлок, конечно, проверили, — ответил лопоухий. — Мы со Сквочем к полу пригнулись, когда сканер шлагбаума включился. Но ничего, прокатило. Белобрысого программа опознала. Охранник лишь из будки высунулся, присутствие, стало быть, обозначить. На выезде — так же.

— Да-да! Мы потом, как в сейфе покопались, Фарэя обратно в тачку отнесли. С ним и свалили, — внёс последние штрихи в канву повествования бесфамильный. — А в доме сигналка только на внешнее проникновение работала. Машина — в числе разрешённых объектов числится. В ней заехали, в ней выехали. Ворот не ломали. Чего датчикам голосить? Ежи говорит, что предки Деревы в жизни не докопаются, куда кредиты исчезли. И в полицию не побегут, чтобы сыночка в краже не обвинили. Надеемся — на него подумают. Что в азартные игры проигрался или без спросу в долг друзьям дал.

— Толково, — признал я. — И я всё проспал.

— Бывает... Прикинь! Двадцать девять...

— Да тише ты, — цыкнул на расходившегося Сквоча взводный умник. — Нашёл, где орать!

Кивнув, бесфамильный заткнулся, соглашаясь с разумными доводами товарища и озираясь по сторонам.

Окружающая атмосфера словно подчеркивала рекомендацию Брока. Темно, мрачно, обшарпано, вокруг полно непроглядных пятен, образованных природной тенью и отсутствием света — того и гляди, выпрыгнет оттуда какое-нибудь уродище с оружием и

крайне недружелюбными намерениями. А тут мы, такие, разговоры денежные ведём.

Вокруг многоэтажки, лишних ушей — девать некуда...

... Как любил повторять мой умудрённый жизнью дед: «Слово материально. Потому думай, внучек, что, где и когда мелешь своим языком».

Словно в насмешку над ляпнувшим лишнее бесфамильным, метрах в пятнадцати перед нами ослепительно вспыхнули фары, украсившись сверху каруселью таких знакомых проблесковых маячков, а усиленный динамиком голос отрывисто пролаял:

— Стоять, не двигаться, руки держать на виду. Полиция!

Откуда на этих задворках взялись копы, я подумать не успел. Хлопнули двери, кто-то невидимый и громкий привычно приказал:

— На колени. Руки за голову, — после чего добавил уже нормально, обращаясь явно не к нам. — Проверь, кто, что... Я их на мушке подержу.

В подтверждение всей серьёзности намерений, на краю видимой зоны шевельнулось нечто чёрное, до боли напоминающее ствол дробовика.

Со стороны водительской двери показался человек. Подходить он не стал, остановился на расстоянии пары прыжков, причём позицию выбрал умело — заранее уйдя с линии дружественного огня.

— Ты! С рюкзаком! На коленях — ко мне. Рук не опускать.

С рюкзаком — это у нас Брок. Так, бедняга, и замер с прислонённым к загривку планшетом. Я хорошо видел его напряжённую спину, побелевшие, сжатые на затылке пальцы — один в один как Дон Чжоу, тогда, на перроне...

Подчиняясь, ушастый мелко, нехотя задвигал ногами, перемещаясь к копу, снимающему что-то плоское с пояса. Мигнул голубоватый огонёк светодиода, продолговатая штука нацелилась на товарища.

— Так, кто это у нас?.. Болох Куну, разыскивается за серию квартирных краж... — у меня отвисла челюсть. Какой, к чёрту, Болох Куну? Что за чушь?! Это же Ежи Брок! Удивлённый, на грани восприятия присвист Сквоча подтвердил, что это не галлюцинация и он слышит тоже самое. Полицейский явно проверял личность ушастого через служебную систему опознания и цитировал необычное имя и совершенно фантастические прегрешения как раз оттуда. — Угу, а идентификатор ID показывает, что ты, малыш — Фарэй Дереба. Поддельные документы используешь? Мой ты хороший... — в голосе представителя власти промелькнули отческие нотки. — Ложись на живот. Без глупостей, я слежу. Следующий! Ты! С опухшей рожей!

Это он про меня. У бесфамильного лицо худое, не измученное бухлом и похмельем.

Стараясь не делать резких движений, повторил путь Ежи, внимательно запоминая, что скажет представитель власти. А тот, похоже, словил кураж, задорно комментируя происходящее:

— Какие же они тупые... Сколько раз их в этой подворотне ловят, а они прут и прут. Дорогу срезают, дегенераты... Нам и делать ничего не надо — сиди и жди, когда заявятся... Бодрее, бодрее, подбородок повыше, чтобы я тебя как следует рассмотрел. Ну-с... Кто ты у нас?

Коп навёл на меня ранее неопознанный предмет, оказавшийся, при ближайшем рассмотрении, рабочим коммуникатором полиции — гибридом обычного устройства связи и подключённого ко всем правоохранительным базам идентификатора.

— Ещё Фарэй Дереба?.. Вы издеваетесь? Совсем мозгов нет? Кто вам документ клепал, придурки? Вы что, про официальные слепки ваших дегенеративных рож позабыли?

— Будет, что ребятам рассказать, — донёсся хохот от автомобиля. — Никогда с подобным не сталкивался. Изменить документы и не попытаться изменить морды... Знатный анекдотец!

... Подвели нас армейские чипы. Каждый, независимо от владельца, считал данные последнего аборигена, с которым мы общались, и каждый предоставил именно их. Наплодилось Фарэев, плюнуть некуда...

— Готто Ульссон, вот кто ты на самом деле, милоч, — закончил с определением моей персоны мужчина в форме. — Сканер внешности утверждает именно это. Подонок и грабитель.

Приблизившись, я смог рассмотреть говорящего: в возрасте, крепкий, с небольшим брюшком, уверенный в себе, неторопливый.

Типичный уличный коп, выдавший всякое и готовый ко всему. Насчёт профи — не знаю, но выглядит он матёрым. Приборчик держит в левой руке и неплохо им управляется. Правая — у пистолетной рукоятки.

Хреново дело. Скосил глаза в сторону — туда, где царила темнота. Далеко. Единым рывком не уйти, плюс колени... в них впивались невидимые камешки, создавая ощутимый дискомфорт и напоминая о неудобстве положения.

— Укладывайся на пузо, Ульссон, — распорядился обличённый властью человек и позвал бесфамильного:

— Последний! Сюда! — для смеху добавив. — Хочешь, угадаю, как тебя зовут? Фарэй Дереба! Правильно?

— Ага, — рискнул ответить Сквоч. — Иду...

Примеряясь, медленно, стараясь не бесить полицейского, я перешёл в позицию «упор лёжа». В голове — ни одной связной мысли. Сейчас лягу, полежу, и...

Дальше грохнул выстрел. Негромкий, скорее, похожий на хлопок, чем на полноценный выброс пороховых газов стандартного боеприпаса. За ним — другой, третий.

Ухнул в ответ дробовик, снова.

Новый выстрел.

Коп с коммуникатором оправдал нехорошие ожидания. Бросив сканирующее устройство, он с удивительным для его комплекции проворством отпрыгнул назад и в сторону, стремясь поскорее переместиться в неосвещённую часть двора и попутно выхватывая из кобуры пистолет.

Моя очередь.

Бесфамильный открыл огонь именно тогда, когда надо, если, конечно, это он. Что-то не припоминалось у него наличие оружия или чего-то похожего на огнестрел.

... А в башке запустился режим «тренировки в условиях, максимально приближённых к боевым», до которых сержант Бо был большой охотник...

Если между мною и стражами порядка провести невидимые прямые, то получится угол примерно в 45 градусов. Вооружённый коп защищён дверью автомобиля, но она же и ограничивает его манёвренность. Повалив ближнего полицейского, я могу прикрыться его телом от дробовика и попытаться скрыться в темноте...

Неудобная поза не пугала. Упор лёжа, при небольшом навыке, легко превращается в положение для старта, особенно если ты на полосе препятствий до одури отрабатывал короткие перебежки с использованием всевозможных укрытий.

Никогда в жизни я не срывался с места так быстро. Полицейский ещё только поднимал пистолет, а моя голова уже впечатывалась в его брюхо, сшибая с ног.

Выстрел. Громкий.

Ответный хлопок.

Падение.

Удар по позвоночнику.

Рухнувший коп и не подумал сдаваться, припечатав меня кулачищем со всей дури. На мгновение показалось — нижнюю часть тела пронзило током или сожгло.

Дал сдачи, метя в чужой нос. Получил изрядный тычок в плечо. Перехватил руку с извлечённым из кобуры пистолетом. Как получилось — сам не пойму. На инстинктах.

Попробовал сдвинуться правее, прикрыться чужим телом от стрелка с дробовиком. Противник разгадал замысел, раскрытой ладонью отвесив такую оплеуху, что в голове немедленно образовался звон.

Сильный, сволочь... долго мне его не удержать. Мускулатура аж бугрится. Ещё чуть-чуть — и схлопочу пулю в бок...

На грани восприятия мелькнула тень с тёмным горбом на спине. Провела отработанную «двойку» в череп настырного копа, отчего сопротивление вооружённой руки внезапно ослабло.

Новые хлопки.

— Брось его! — крикнула тень голосом лопухого, срываясь в темноту. — Быстро не встанет.

Без раздумий стартанув из положения «с полицейского лёжа», я побежал следом, для пущей незаметности лихорадочно стягивая на ходу опасно-светлую футболку и выбирая направление больше по слуху, приняв за ориентир топот Ежи.

Правильно бежал, как учили, рваным зигзагом, призванным в теории осложнить прицел стрелку и усилено вспоминал занятия по огневой подготовке, где нам доводили таблицы разлёта картечи в зависимости от расстояний до мишени.

Память отказалась извлекать из своих глубин нужные цифры, зато потребовала найти ближайший угол и свернуть за него. Заряды по дуге не летают.

Хлопок... Грохот... Ускорение... Поворот... Рёв сирены...

От планшета Ежи избавился через несколько минут изматывающего, на пределах выносливости, бега. Не мудрствуя лукаво, он с размаху шархнул им о бетонный столб уличного освещения, после чего торопливо протёр хрупкое устройство о футболку и выбросил останки в плохо подсвеченный мусорник, как две капли воды похожий на тот, что утвердился возле нашего дома.

Действия сослуживца я горячо поддерживал. Жалко, конечно, остаться без выхода в мировую паутину, однако девайс очень быстро мог стать маячком, выдававшим наше местоположение. Организуют съёмку информации в конкретном квадрате, зафиксируют все активные выходы в сеть, потом — по отработанной схеме. Запустят аналитические

алгоритмы, возьмут под контроль наиболее приглянувшиеся девайсы, применят снятие информации по каналам связи.

Хочется верить, что планшет не найдут, а если и найдут, то Брок в нём не сильно наследил.

Дальше сложилась незамысловатая цепочка: девайс — серийный номер — путь от производителя в приют — Гурут — квартира — возвращаться туда нельзя.

... Бегущий впереди Ежи остановился, прислушался.

Тихо... Обманчиво тихо. Копы, по инструкции, были обязаны запросить помощь и уведомить все патрули о чрезвычайном происшествии, а те, в свою очередь, примчатся на выручку коллегам. Обычно эти мероприятия сопровождаются мигалками, сиренами, скоростью, но местечковые правоохранители, скорее всего, поступили иначе. Обошлись без уставного шума, сигнализирующего всем на свете, что идёт облава. Положились на знание округа и обитателей. И, скорее всего, не зря...

Придётся импровизировать, иначе попадёмся.

— Люди, — сообщил Брок, отходя в темноту погуще. — По улице, впереди.

Точно. Я тоже заметил несколько гомонящих силуэтов, расположившихся прямо на придомовой дорожке. Свернул за лопухим, присевшим между припаркованными в специальном «кармане» машинами.

... Расслабленные, через слово — громкий ржач. Судя по голосам — наши ровесники.

— Переждём? — сказал просто чтобы сказать, знакомиться с неизвестными меня не тянуло.

— Что остаётся?.. Сквоч, будем надеяться, по своей программе слиняет. Номер дома он слышал, с цифрами знаком. А там как карта ляжет...

— До рассвета долго?

— С полчаса, может, минут сорок. Когда в автомобиле ехали — час оставался.

Группу молодёжи высветили фары подкатившей в тишине машины, а включившийся громкоговоритель подчеркнул правоту моих догадок:

— Не двигаться! Проверка документов!

В ответ понеслись возмущённые вопли, однако с места никто не дёрнулся. Или обычная, мирная пацанва собралась пообщаться, или они дрессированные, наученные слушаться и подчиняться дядям в форме. Сурово у них тут.

Проверка прошла быстро. Копы каждого отсканировали, после громогласно поинтересовались о чужих и прочих подозрительных лицах. Компания молодых людей горячо заверила, что ничего подобного она не видела и не замечала.

Не знаю, поверили ли им патрульные, но задерживаться не стали. Забрались в автомобиль и покатали дальше, нас ловить.

Молодёжь же и не подумала расходиться. Застряла, точно вкопанная, на том же самом месте и принялась дальше болтать, по-прежнему регулярно взрываясь приступами всеобщего смеха.

Мимо не проскочить. Заметят.

Опасаясь внезапных встреч, я рискнул выйти с уютных, междомовых тропинок на подсвеченный редкими лампами муниципального освещения тротуар улицы и обойти говорливых сверстников. Так казалось удобнее. Темнота не давала рассмотреть, что расположено в глубине двора и имеется ли там обходной путь. Всё из-за тени соседнего дома, высившегося здоровенной громадиной в свете звёзд.

— Обойдём по тротуару.

— Принял.

... Народ начинал просыпаться. Появились первые прохожие, из проездов выруливали гражданские автомобили, растворяя в нарастающем потоке унифицированный транспорт копов.

Оказалось, в гетто много спортсменов. Мимо нас то и дело пробегали мужчины и женщины, одетые кто во что горазд.

Сильный пол — в чём угодно, от велосипедных трико до узеньких шорт; дамы ещё цветистее — закрытые купальники сменяли спортивные лифчики и почти невидимые полосочки развратных трусишек, а мешковатые штаны отлично дополняли обтягивающие маечки с приятными округлостями нестеснённых бельём грудей.

Однако! А у нашего дома — ничего подобного. Или это я на дорогу не выходил, сузив мир до квартиры с мусорником? Скорее всего, да.

Вообще, обилие поклонников столь раннего бега весьма диссонировало с теми, кого я видел в округе ранее: девица под чем-то, вороватый мужчина, напивающаяся до полубессознательности Мелисса — никто из них на ЗОЖника даже издали не походил.

С другой стороны, почему мне втемяшилось в голову, что гетто обязательно населено разрушающим себя сбродом? Тут же людей обитает видимо-невидимо. Вокруг сплошь высотки, застройка густая, наверняка и приличных граждан полно. Просто изначально небогатых или скопивших на самое дешёвое, но своё, жильё.

Банды здесь, конечно, есть, но их время — от после обеда до глубокой ночи. Надо же и уличной шпане когда-то спать?

Бегущие же — да пусть бегут. Откуда мне знать, кто чем на жизнь зарабатывает? Ведут себя прилично, дышат носом ровно, на нас не смотрят. Большого мне и не надо.

— Снимай брюки! Трусы у нас приличные, потому марш-бросок устроим! — находчиво предложил Брок, присмотрев удобный проулок. — Вещи — в рюкзак.

Так и сделали. Через минуту лопухий и я, не сразу сообразивший, почему у меня голый торс, а футболка зажата в ладони, довольно бодро влились в массы поклонников утреннего джоггинга. Приняв средний для бегущих жителей района темп, потрусили искать наше пристанище, попутно выглядывая нумерацию домов.

Надо же, и отходняки после клуба беспокоить перестали! Великая вещь, физкультура с адреналинчиком!..

О бесфамильном старались не вспоминать. Выкрутится, он парень тёртый.

Едва рассвело, Ежи вывел аккурат к знакомой помойке, где нас окликнул выглядывающий из-за дома Сквоч. Взбудораженный, грязный, футболка в нескольких местах порвана и вообще, смотрится хуже половой тряпки. Бейсболка куда-то запропастилась, демонстрируя неровный, полупрозрачный ёжик. Совершенно неуставная причёска, но... парикмахера поблизости нет, сами выглядим не лучше.

Да нормально! В городе вообще у многих индивидуумов на головах полный раскардаш, сам видел в клубе!

... Обычно мы стригли друг друга очень коротко, под ноль, оставляя, по взводной традиции, узкую полоску от лба к затылку. Откуда эта мода пошла — кануло в глубину времён, но за стрижкой сержант Бо Мид следил строго, неукоснительно требуя соблюдать неписанный закон. Малейшее отклонение — и наряд вне очереди.

Сразу вспомнилось его громогласное «Подъём», тёплая казарма, беззаботная служба с ананасами...

Увидев бесфамильного, я обрадовался. Ежи тоже посветлел. Переживал за товарища, как и я, просто держал чувства в себе.

— Ключ у вас? — спросил Сквоч, тяжело отдуваясь.

— С нами, в рюкзаке, — Брок, не сдержавшись, довольно потрепал сослуживца по плечу. — Ушёл, засранец. Уважаю.

— А то! — вскинулся тот. — Пойдёмте в квартиру. Стоим тут столбами, копы поблизости катаются...

— Собираем манатки и в темпе вальса исчезаем. Могут найти, — поделился я своими опасениями. — Через планшет или по приметам. Пока добрались — нас половина окрестных спортсменов рассмотреть успела.

Товарищи всё поняли без дополнительных разъяснений.

Оказавшись в изученной вдоль и поперёк однушке-малогабаритке, я первым делом поднял нужную и важную тему:

— Определяться пора. Куда валить будем? Опять на пляж?

— К Мелиссе, — вздохнув, ответил ушастый. — Мне известно, где запасной ключ лежит. Она, случается, теряет их в подпитии.

— Чего ты ей про нас наплёл?

— Эх... Что мы с западного побережья, что вы мои друзья, что скрываемся от правосудия, невинно пострадав за честь дамы, которая впоследствии оказалась неверна, что я вызвал обидчика своей возлюбленной на дуэль, а он пришёл не один и вам пришлось вмешаться, что у него папа — большая шишка с широкими связями...

— Охренеть! — поразился Сквоч. — Ну у тебя и фантазия!..

— Из классики надёргал, — смутился Брок. — Страсти, предательства, драма, эмоции. Женщинам нравится.

Хоть мне и жаль было прерывать восторги бесфамильного, но всё же пришлось вмешаться и вернуть товарищей от возвышенного к приземлённому:

— Не сдаст?

— Не должна. Я аккуратно провентилировал этот вопрос. Намёками. Вроде бы не возражала.

«Вроде бы» — слабенький довод, но другого попросту нет. Остаться в квартире нашего приютского друга становится опасно.

— Деньги ей помогут сделать нужный выбор? — отжата у белобрысого сумма позволяла немного поделиться с нужным человеком.

— Там немного иная ситуация, — Ежи, отвечая, что-то прикидывал. — Попробуем без них обойтись, в крайнем случае — по мелочи подкинем. Отношения у нас...

Признался лопоухий. Охмуряет он даму, раз не хочет откупаться за чужое молчание.

По-своему верно...

Немного успокоенный образовавшейся конкретикой в ближайших планах, я принялся набивать рюкзак едой. Брал, что полегче и посытнее. Переоделся в свежее, не забыл прихватить и запасной комплект одежды с бельём. Обувь из-за габаритов, к сожалению, решил оставить. Обойдусь тем, что есть. Кроссовки у меня, конечно, не последней модели, но неплохие, прочные, да вдобавок разношенные. Менять их на новые, не обтопанные — верх глупости. Разотру пятку — расстроюсь.

Мои сослуживцы занимались тем же самым, спеша изо всех сил и не озадачиваясь сохранением порядка в квартире. Упаковки, грязная одежда — всё летело на пол. Гурут уберёт, если захочет. Мы же по заселению после него дерьмо отмывали, причём бесплатно. Так что чуть-чуть справедливости не повредит.

— Зубные щётки не забудьте, — команды сами выскакивали изнутри. — Бритвы. Зачем столько жратвы берём, все понимают?

— Вит! Не становись Броком, — одёрнул меня бесфамильный. — Не талдычь очевидное. Трёх мужиков незаметно прокормить нельзя. Мелиссе придётся либо мешки из продуктового маркета носить на глазах у всех соседей, либо нам на жёсткую диету садиться. А я пожрать люблю.

Упомянутый Ежи, между тем, увлечённо орудовал в кухне.

— Ножи брать? — деловито осведомился он, заглядывая в комнату и изо всех сил игнорируя неприятное для себя сравнение.

— Не надо, — ответил за нас двоих Сквоч. — Они длинные. Носить неудобно. Попросим даму сердца лопоухого купить нам складнички.

Рациональность мышления перевесила вспльчивость нашего знайки, а нахлынувшее недовольство выразилось всего лишь в раздражённом сопении и поигрывании желваками.

Перегибает Сквоч. Безобидные подколки уверенно переходят в циничные издёвки, а от них и до мордобоя недалеко.

Надо будет поговорить с ним на эту тему, укоротить длинный язык.

Но потом. Сейчас умнее перевести зарождающуюся ссору в иную плоскость, тем более что вопросов у меня к бесфамильному накопилось изрядно.

— Кто стрелял в копов?

— Я, — Сквоч мечтательно улыбался и шурился.

— Ты, всё-таки, спёр его, — обличительно заявил лопоухий, принимая мой стратегический ход по поддержанию здоровой атмосферы в коллективе. И в его голосе не имелось ни капли огорчения. — Вит, этот жулик украл в доме Фарэя спортивный пистолет. Валялся у белобрысого в спальне.

— И пульки прихватил, — похвастался бесфамильный, вытягивая из-за пояса оружие и

протягивая его мне.

Взял, осмотрел. Увесистая штука. С виду как настоящий, только отверстие в стволе слишком узкое для пули. Выщелкнул обойму. Патрончики маленькие, с твёрдыми пластиковыми головками. Изрядно их там поместилось, штук двадцать, не меньше.

— Хлопушка, — пояснил всё тот же знайка. — Для развлекательной стрельбы по мишеням. Не номерной, так что искать его никто не станет. В целом, устроен как обычный пистолет, в гильзах даже подобие пороховой смеси используется, но, по факту — туфта. Меня папа в тир водил, маленького, так я из похожего стрелял. С пятнадцати метров бумагу еле-еле пробивает. Одно достоинство — шумный, чтобы клиентам нравилось прикоснуться к почти боевому стволу.

— Поэтому и прибрал, — оружие перекочевало к владельцу и исчезло под футболкой. — Из-за похожести. Брок ещё носом вертел, фуфлом обзывал и брезговать изволил ребячьей пукалкой, а оно видишь, как... Пригодилось... Когда Самад собрался на пузо укладываться, я вбок сиганул, туда, где потемнее, спрятался за какой-то бетонной фигнёй и огонь по копам открыл. Нарочно целился в того, с дробовиком. Давал вам шанс. Он же не знал, что я его с игрушкой воюю... А у неё даже огонёк из ствола брызжет! (*) Коп, конечно, занервничал, за дверью служебной тачки скрылся. Кому охота пулю в лоб словить? А у меня же зарядов много, я и расстарался, попугал дяденьку... Долго бы его держать в страхе, естественно, не получилось, звук больно охолощенный, но так и вы соображали быстро!

Детская радость бесфамильного поражала. Ему действительно нравился спортивный пистолетик и то, что он стреляет. Бывают же в жизни новые открытия! На стрельбище я за ним особой тяги к оружию не замечал. Отрабатывал упражнения, как все, и как все, корпел впоследствии над обязательной чисткой наштигованной пазами и насечками М-35.

— Ты идиот, — искренне произнёс Брок, щерясь. — С детской пукалкой на дробовик ходить.

— В участке лучше?

— Э-э-э... Нет.

— Ну и прикрой хлебало, — обиделся бесфамильный и принялся отряхивать джинсы в области коленей. — Самад! Как думаешь, копы нас плотно будут искать?

— Обязательно, — отозвался я, готовясь вылить на сослуживцев суровую правду. — Они, похоже, из этого округа. Слишком хорошо место выбрали для ночного поста. Уверенно... Помнишь, один из полицейских сказал про то, что в подворотню прут и прут?

— Было, — подтвердил Сквоч.

— Точно, местные. Встали наудачу, а нас черти и понесли по привычному для всяких жуликов маршруту. Потому и вляпались.

Бесфамильный сосредоточенно наморщил лоб, а затем неуверенно кивнул:

— Правдоподобно. Наверное...

— Они в своём районе. И нам ничего не спустят. К тому же... при сканировании морд всех подозрительных личностей данные проверки автоматически должны добавляться в полицейскую базу, включая геолокацию и время. В визоре, в передаче про это упоминалось, как метод борьбы с коррупцией.

— Чтобы копы за взятку не отпускали разыскиваемых?

— Ага.

Помалкивавший Ежи повёл бровью, давая понять, что ход моей логики ему предельно

понятен. Вмешался, верно расставляя акценты в сложившейся ситуации:

— Всё к этому шло. Округ начнут шерстить. И Деребу издёргают.

— Хрен с ним, с Фарэем, — судьба белобрысого беспокоила меня меньше всего. — Квартиру найдут. Подключат стукачей, домоуправляющую компанию, наведут шороху среди уголовных — те сами нас разыщут и на подносе преподнесут, только бы от них отвязались. Другое непонятно... Коп зачитывал наши имена с планшета. И они ни разу не наши. Получается, мы есть в базе, но под чужими именами, и числимся как преступники? У меня не сходится.

— У меня пока тоже, — согласился лопоухий. — И я об этом думаю. Поначалу сомневался, наши данные любой из парней, что в клинике остались, мог назвать. Но нет...

— А у меня от этого жопа подгорает, — признался Сквоч, покончив с отряхиванием джинсов. — Чужие фамилии, за обоими, как я понял, статья имеется. Интересно, а что я натворил?

Неуместное любопытство бесфамильного заставило посмотреть на него с сожалением. Тут вляпались по самое некуда, почти обложены со всех сторон, а ему что в лоб, что по лбу. Будто других забот нет, кроме как номер закреплённой за ним уголовной статьи выяснять.

Почуяв, что сморозил чушь, наш стрелок смутился, что-то пробормотал, намекая на признание авторитета товарищей, и сконцентрировал внимание на собственной обуви.

Ежи закинул рюкзак лямкой на плечо.

— Уходим отсюда. Побыли и хватит. Отпечатки стирать смысла не вижу — это всю однушку с моющим драить, от пола до потолка. Долго и бесполезно, и что-нибудь да упустим. Ноги в руки, парни! Передислоцируемся...

В квартиру к уборщице пробирались опереточно-тайно. Схоронившись за углом дома, мы с бесфамильным запаслись терпением и стали ждать сигнала от рыцаря-воздыхателя. В его обязанности входило войти на законные квадратные метры Мелиссы, утрясти с ней формальности и открыть окно, куда нам по очереди следовало забраться.

Кретинский план. Улица с каждой минутой всё больше заполнялась людьми, и риск обнаружения, соответственно, возрастал. Вдобавок, залезающие белым днём в чужое окно молодые парни могут означать всё, что угодно, кроме романтического визита.

Об этом я и сказал Ежи, но он только отмахнулся.

— У нас скрытая камера над дверью стояла. Думаешь, у других её нет? Один — без шума пройдёт, стадо — нет. Ничего, нормально получится, я руку подам...

Беседа лопоухого с уборщицей затянулась неприлично-долго. Мы успели передумать многое, и конкретно трусили. Вдобавок, поблизости от её дома неспешно проехал полицейский автомобиль, из-за чего в коленях появилась отвратительная слабость.

Брок там что, размножаться с ней вздумал?

Переговоры, судя по всему, увенчались успехом, и наше терпение оказалось вознаграждено. Оконная рама квартиры, в которой проживала женщина, приоткрылась и оттуда выглянула хитроватая физиономия товарища, а следом вылетел плотно набитый пакет. Палец Ежи указал вниз, на землю.

Пожелав себе удачи, я, демонстрируя полнейшую небрежность, приблизился к упавшей в травку передаче и услышал негромкое:

— Переоденьтесь и заходите через двери.

В пакете обнаружили тряпичная сумка для инструментов, коротковатый комбинезон впечатляющего размера, салатовый жилет коммунальщика с поперечными светоотражающими полосами на груди и спине.

Слабо понимая задумку взводного умника, выполнили указание, ухитрившись влезть в не самые чистые вещи за несколько секунд. Вроде бы никто не заметил. Рюкзак Сквоча, ветром впрыгнувшего в комбинезон, сунули в сумку, мой пришлось нести на плече. Сержант бы прослезился, завидев такую расторопность...

— Пошли?

— Пошли...

Дом. Подъезд. Лица опущены, ни на кого не смотрим, словно провинившиеся школьники. С нами никто не здоровается, спешат мимо.

Свернули с истоптанной лестницы в вытянутый, пустой коридор, дотопали до нужных дверей. На пороге нас уже встречал Ежи, а из-за его плеча встревоженно выглядывала Мелисса — растрёпанная, слегка растерянная и беспрестанно кутающаяся в длиннополый халат.

— Заваливайтесь, — по-хозяйски скомандовал лопухий, отступая в сторону. — Вещи вернуть, руки помыть. Завтракать будем.

Наглость товарища вызвала оторопь. Ох, ошибся я с френдзоной, как есть ошибся. Друзья себя так не ведут.

Толкаясь, мы с бесфамильным прошли в бедно обставленную комнатку, где посбрасывали маскарадное одеяние.

— Вы под сантехников закосили, — Брок приобнял мгновенно запунцовевшую женщину и ткнулся носом в её волосы. — Дом, в силу дешевизны жилья, персонального утилизатора не имеет, потому канализация забивается регулярно. Первый этаж, как-никак... Визиты мастеров дерьма и труб здесь привычны всем обитателям и ни у кого не вызывают вопросов. На них смотрят как на мебель. Засоры редкую неделю не случаются. Только и счастья — каждый ввод в квартиру клапаном оборудован запорным, чтобы фекальные массы в помещение не хлынули. Вода тоже перекрывается автоматически — датчики от муниципальной страховой стоят. В общем, если что — все без воды и сортиров скучают, пока не прочистят и не запустят по новой. Мне Мелисса идею подала вас переодеть, и вещи она же выдала. Со своей работы в стирку забрала — пригодились. Умница...

Упоминаемая дама жутко смутилась и убежала на кухню, довольная похвалой.

— Со входом понятно. Как быть с выходом? — обозначил я нестыковку. — Не могли же мы исчезнуть?

— Не могли. В обед нас тут не будет. Переедем к подруге Мелиссы. Она обещала помочь. Там договорено.

— Когда успел?

Ушастый ответил шёпотом:

— Самад! Ты действительно думал, что я её только до дверей провожаю? Огорчён...

Наигранная весёлость в голосе Брока смешалась с досадой, словно я у него украл заслуженный триумф. Ну или в душу наплевал. Ему бы ещё ножку трагически отставить, головой поникнуть, и плащ тёмный нацепить — вылитый Гамлет из школьной программы получится. Тот самый, древний принц, пребывавший в вечно удручённом состоянии духа и интеллектуальных метаниях.

Ответил, тоже понизив голос:

— Нас половина района видела! Дом наверняка будут отработывать копы, вычислят квартиру. Пойдут по соседям, те подтвердят и прочую помощь окажут.

— Не спорю. Но потом видели сантехников, а не вас. Пока разберутся...

— Выйдут на Мелиссу. Через неё — на подругу.

— Ошибаешься, — Брок привалился к стене, сцепил руки в замок и, сделав указательные пальцы домиком, показал ими на меня. — Она будет молчать.

— Ты бредишь...

— Я вполне адекватен. В этом конце коридора камер ни у кого нет. Уточнил у Мелиссы. Что мы здесь делали — никто не узнает. Может, просто отсиживались? Жители этого крыла либо спят до обеда, либо с утра пораньше на работу расходятся. В приоритете — спят... Транспорт за нами прибудет в кратчайшие сроки. Мелисса уже связалась, с кем надо. Так что позавтракаем — и в путь.

— Опасно, — я лихорадочно искал слабые звенья в логике сослуживца, и, к огромному огорчению, находил их всё больше и больше. — Малейший прокол — нам крышка. И как бы не гробовая.

В ходе нашего спора бесфамильный, прогулявшись взад-вперёд по комнате и не придумавший, чем себя занять, бросил камень на весы ушастого.

— Ежи прикольно придумал и просчитал. Круто! Если он говорит, что дело выгорит — то оно выгорит. Сам посуди, тема с Фарэем — его, с Мелиссой тоже он договаривался. Мы только помогали, или дрыхли без задних ног. Он и по ночам шлялся, разведывал. Короче, давайте доверять друг другу. Влипли мы по полной, а он выход предлагает... Ты чего так долго копался? — последнее адресовалось Броку.

— Успокаивал. Она спросонья туго соображает. Навыдумывала всякого... Слишком внезапно получилось. Но теперь всё в норме! Серьёзно!

Примирительный тон Сквоча, заверения Ежи и здравый смысл, побеждающий мои внутренние сомнения, заставили переосмыслить складывающееся положение.

Ушастый опять прав, нужно довериться. Вставать в позу критика-обличителя можно сколько угодно, однако днём, после драки с полицией, без знакомых и укрытия — каюк. Но ведь по лезвию ходим! И почему столько веры в эту алкоголичку?

— Мальчики! Идите завтракать! — позвала нас женщина, неторопливо возникнув в дверном проёме. — Ежи, тебе, как ты любишь, с перчиком...

Мелисса расстаралась и угостила нас яичницей. Вроде и простое блюдо, а какое... какое... Нет слов.

Вкусовые рецепторы взрывались от позабытого вкуса домашней еды, хотелось вылизать тарелку дочиста и попросить, нет, потребовать добавки! Кетчуп лился рекой на тонкие, магазинные ломти хлеба; по тарелкам стучали вилки и тупые кухонные ножи. Животы, привыкшие к сухомятке, довольно принимали подношение и кланчили ещё. Каждый сосредоточенно молчал, не отвлекаясь ни на что, кроме насыщения. И только хозяйка квартиры, хлопоча с чайником, умильно посматривала на жрущих нас, а особенно — на лопоухого.

За яичницей последовало блаженство.

Сытый, довольный ошмётком взвода Федерации стеснялся своего непривычного состояния и по очереди, воспев хвалебную оду кулинарным талантам, порывался помочь Мелиссе с тарелками. Та отнекивалась, пушинкой порхая по кухне, постоянно спрашивала о

пожеланиях, с удовольствием стеснялась и вообще, всячески старалась угодить гостям. Чувствовалось, ей в диковинку получать столько мужского внимания сразу, но очень приятно.

Ежи на заботливость дамы отреагировал ревниво. Сумрачно поглядев на необъятный таз уборщицы, он дёрнул щекой и ласково, сладко попросил:

— Мелисса, узнай, пожалуйста, долго ли нам машину ждать?

Переизбыток мёда в его речи заставил толстуху вернуться с небес на землю и она, в очередной раз покраснев, убежала в комнаты.

— Ручная, — тихонько протянул бесфамильный, отдавая должное мастерству Брока в укрощении слабого пола. — В рот тебе смотрит.

— Достойная женщина, — солидно отозвался лопоухий, не пытаясь приглушить фразу. И было непонятно, для кого он это больше говорит — для товарища, или чтобы там, в глубине квартиры, услышали и оценили.

Я скептически хмыкнул, намекая, что раскусил возможную хитрость. Более простодушный Сквоч показал большой палец, одобряя выбор сослуживца.

Спросил:

— Чего мы ждём?

— В восемь у копов пересменка. Большинство разъедется по участкам сдавать дежурства. На улицах останется малая часть. В этот промежуток Мелисса выведет дворами к автомобилю с неболтливым водителем. Дальше — переезд в квартиру подруги. Сорок пять кредитов в неделю и полный пансион. Сидим до упора. Ждём, пока буря утихнет. Обдумываем, как жить дальше.

— В Мелиссе уверен? — я настырно пытался вытряхнуть из ушастого развёрнутый ответ.

Обычного «да» или «нет» мне категорически мало. Вверять свою жизнь крепко пьющей бабёнке, с которой Брок знаком без году неделя — мрак. Сиди потом у её подруги и от каждого шороха вздрагивай. Не за тобой ли пришли? Не сдала ли за рюмку виски?

— Вы отправитесь вдвоём со Сквочем, — сухо сообщил Ежи. — Я останусь. Буду сидеть безвылазно в комнатах, прятаться под кроватью, если копы или соседи придут, по возможности радовать мою даму сердца. Так надо...

И я ему поверил. Обнадёжить женщину и оборвать все её мечтания прощальным поцелуем и байками о будущих встречах — значит обречь себя на роль вечного раздражителя в её жизни. Она же не дура, она инстинктивно отличит правду от лжи, в какую обёртку враньё не заворачивай. Талант такой у её пола, от матушки природы достался.

Простись с ней лопоухий, наобещай с три короба — и о помощи можно забыть навсегда, зато начать готовиться к коварной мести за попранные мечты о тихом бабьем счастье.

Мелисса явно равнодушна к Броку, тут и рассуждать нечего. И без того отлично видно, по восторженным взглядам и поведению.

Однако за всё нужно платить... И за любовь тоже.

— Давайте деньги разделим, — Сквоч, сыто рыгнув, допил поданный хозяйкой чай. — Каждый носит свою долю при себе. Так честно. Ежи! Они у тебя в рюкзаке.

— Хорошо, — от неприятного уточнения знайку передёрнуло, но он справился с недовольством и тотчас отправился в комнату, откуда вернулся с пухлой пачкой кредитов.

Положил купюры на стол, сноровисто раскинул их на три равные части, предварительно отложив в сторонку пару сотенных бумажек.

— Мелиссе за услуги, — пояснил наш мозговой центр. — Рискует она. С них и машину оплатит.

Возражений не последовало. Отблагодарить гостеприимную хозяйку всегда полезно и приятно, а на перспективу — ещё и мудро.

— Связь будем держать по сети. Планшеты попросите купить владелицу квартиры. Зарегистрируйтесь в социалке. Найдёте там меня. Логин — 88Мелисса55711. Набирайте без пробелов.

— Цифры что-то обозначают? — проявил любопытство бесфамильный.

— Ничего. Только что придумал.

— А-а-а...

— Ага, — парировал Брок. — Что дальше делать будем? Нового лоха искать?

Как же он легко приспосабливается... Решил напомнить:

— Выполнять приказ сержанта. Деньги на билет для одного человека у нас есть. Осталось разобраться с документами... Будем тянуть жребий, кто полетит и доложит представителю Федерации обо всей этой хрени с отловом пацанов, липовыми именами для нас и вообще, о произошедшем на маяке. Остальные попробуют пробраться в нейтральное государство, о котором мы бестолково забыли.

— В НьюДанию, — торопливо поддакнул знайка. — Я хотел то же самое предложить. Там представительство Федерации вроде бы пока работает. Но граница и дорога... Через половину континента добираться. Дорого. Я изучал вопрос.

— Может, по сети написать? — робко вклинился Сквоч

— Что? Здравствуйте, мы ваши солдаты, заберите нас, пожалуйста, из страны, с которой приостановлены дипотношения? Командира у нас нет, данные стёрты, но вы нам верьте, мы честные? А полицейские картотеки Нанды безбожно врут, и мы никакие не Болох Куну с Готто, как его там... Ульссоном?! Как ты себе это представляешь?! — чудом не переходя с шёпота на крик, горячился Брок, критически уставившись на бесфамильного, будто тот осмелился ему возражать. — А сколько народу прочтёт письмецо неофициально, считал? Переписка дипломатов всегда под наблюдением спецслужб. Думаешь, адрес отправителя их не заинтересует?! Не-ет, надо лично приходить и требовать, а не сообщениями обмениваться.

— Я — за, — Сквоч обескураженно поднял ладони перед собой, словно защищался от Ежи. — Тем более, я не догоняю, отчего у вас другие имена и фамилии.

Мне оставалось лишь согласиться с сослуживцем:

— Кто бы объяснил... Главное, в принципе, под носом. Ищут нас. Неофициально. Опасаются, что наши подлинные имена и фамилии может кто-то узнать.

— Кто? — заинтересовался Брок.

— Да чёрт его знает... Кто-то, кто может Федерации настучать и кого послушают.

— Чужая разведка?

Допущение лопухого разозлило. Любит наш взводный знайка иногда плодить вероятности и умничать, оборачивая дело так, что он как бы подбрасывает варианты, а ты их или доказывай, или опровергай. Себе же Брок оставлял роль судьи и эксперта.

Терпеть такое не могу!

— Придумай сам. Или в сети поищи.

Нас прервала Мелисса, крикнув из комнаты:

— Машина подъехала! Пора...

(* Прототипом описанного оружия является револьвер под патрон системы Флобера.

Совещание подходило к концу. Сотрудники, доложившись в порядке, установленном шефом, получали указания и немедленно покидали вытянутый кабинет с длинным, общим столом и множеством стульев.

Через полчаса (хозяин кабинета терпеть не мог долгие сборища) в помещении остались только двое.

— Какие новости по беглым солдатам, — не отрывая взгляда от монитора с оперативной сводкой происшествий за прошедший день, поинтересовался начальник, грузный человек с усталыми глазами.

Подчинённый, внутренне нехорошо помянув беспокойных рядовых Федерации, навешенных ему на шею в дополнение к уже имеющимся делам, позволил себе довольную усмешку. Сотрудники СБН не любили копов, считая их тупыми лентяями, и приготовленный доклад как раз это подтверждал.

— Ночью патруль в четвёртом округе города Уккрау-сити остановил троих подозрительных, движущихся по дворам вместо улиц. При сканировании лиц выяснилось, что двое из них — наши подопечные. Ежи Брок и Вит Самад. Гражданские же ID автоматически проверяемые полицейским идентификатором, показали крайне занимательные данные. Оба опознавались как Фарэй Дереба, молодой сотрудник муниципалитета.

— А третий?

— Не успели проверить. Он открыл огонь. Склоняюсь к мысли, что Сквоч. Фамилии не имеет в силу каких-то особенностей оформления документов на родной планете.

Новость удивила шефа. Оставив экран в покое, тяжёлая мужская туша повернулась к говорившему, демонстрируя заинтересованность.

— У них появилось оружие?

— И да, и нет. Спортивный пистолет с пульками. Был украден у того самого Деребы. Шумная безделушка, какие в любом оружейном магазине продаются как приспособления для спортивной стрельбы. Для покупки разрешение от властей не требуется.

— Я такой внуку подарил, — хмыкнул начальник. — Пусть привыкает к оружию.

Упоминание младшего члена семьи обнадёжило докладчика, подсказывая, что возможный разнос временно откладывается. Фотография румяного ребёнка, занимавшая на столе шефа видное место, умиротворяла его и навевала лёгкую сентиментальность.

— Третий, воспользовавшись сложившейся ситуацией, имитировал нападение на патруль, предоставив товарищам шанс скрыться, чем они немедленно и воспользовались. Для физически подготовленных ребят короткий спринт, переходящий в тактический отход, особых проблем не составляет.

— А полиция? Неужели они детскую пукалку по звуку не отличают от боевого пистолета?

— Отличают, конечно... Но дело происходило в четвёртом округе.

Непонимание на лице главного заставило подчинённого пуститься в разъяснения:

— Четвёртый округ города Уккрау-сити являет собой ни что иное, как гетто. Относительно мирное, однако случается всякое. В том числе и самодельное оружие, изготовленное из подручных средств или спортивное, переделанное под боевое. Копы,

остановившие фигурантов, люди опытные и предпочли не рисковать.

— Понятно. Можешь не продолжать, — грузный человек кивнул. — Ушли. Дальше?

— Мероприятия розыска по горячим следам успеха не принесли. Троица растворилась среди домов. Однако утром, во время осмотра места происшествия и отработки возможного пути отхода беглецов, был обнаружен сломанный планшет. Техники в экстренном порядке идентифицировали заводской номер устройства. Открылись интересные факты. Данный девайс числится на балансе одного из городских приютов. Выехавшие на место оперативники быстро установили, что планшет похитил и передал разрабатываемым воспитанник сиротского дома, некто Гурут Арань. После беседы с ним вскрылась квартира, принадлежащая одному из недавних выпускников заведения и пропавшему несколько месяцев назад. Куда подевался владелец — устанавливаем, но, по непроверенным данным, он перебрался в мир иной из-за бытового конфликта с криминальным элементом. Кого-то не того посмел послать... Именно у Араня, незаконно хранившего ключи от жилья, арендовали квартиру солдаты, расплатившись наличными кредитами Федерации. У него приобрели и чистую одежду, похищенную со склада приюта.

— Молодцы, — шеф всегда умел ценить толковые поступки, вне зависимости от того, кто их совершил, друг или враг. — Оригинальный ход. Никогда бы не догадался.

— Кредиты, которыми они оперируют, им передал сержант перед бегством, — продолжил развивать мысль подчинённый. — Сумма небольшая, надолго не хватит, однако бойцы проявили смекалку. Ранее упомянутый Фарэй Дереба оказался жертвой ограбления. Рядовой Вит Самад, познакомившись с парнем в клубе, втёрся к нему в доверие, угостил убойной марихуаной и, вместе с товарищами, на машине потерпевшего прибыл к тому домой, откуда они похитили двадцать девять тысяч кредитов и спортивный пистолет. Потом, пользуясь наркотическим и алкогольным опьянением Деребы, на его же автомобиле добрались до окраины четвёртого округа. Настроили автопилот на парковку муниципалитета и попытались раствориться среди жилой застройки, но наткнулись на полицию.

— Угу... Поэтому боевые чипы-синхронизаторы, переведенные в режим маскировки, и предъявили копам одни и те же данные. Ехали вместе.

Функциональные возможности чипов Федерации давно не являлись секретом для спецслужб практически любого государства и любой планеты, в отличии от их устройства и программного обеспечения. И это бесило несказанно.

— Да. Квартиру проверили. Она расположена в том же гетто, однако никого не нашли. Первичный осмотр показал — троица покинула её навсегда. Исчезли предметы гигиены, кое-какие вещи, некоторые продукты. Видеокамера перед входом зафиксировала время убийства — раннее утро. Куда они направились — в настоящий момент устанавливаем. Задействована вся местная агентура и несколько толковых детективов, знающих район. Пока безрезультатно, но я думаю, информация появится в ближайшем будущем. Слишком людные там края. Свидетели обязательно найдутся. Планшет тоже дал пищу для размышлений. История поиска показала активный серфинг в соцсетях по выявлению богатеньких детишек — усматриваю здесь прямую связь с ограблением Деребы; запросы по посольству Федерации, объявления о сдаче жилья. Интересовались так же билетами на космический транспорт и осторожно зондировали почву на предмет покупки фальшивых документов. Я уже разослал предписание взять на особый контроль всех известных нам специалистов по подложным ID.

Одобрительное молчание руководства намекнуло, что пора заканчивать с докладом и

сконцентрироваться на наиболее важных моментах. Подчинённый подобрался.

— Считаю, что план дальнейших действий у фигурантов отсутствует. В ходу импровизация. Запасного жилья у них нет с вероятностью в семьдесят процентов.

— Почему?

— Столкновение с полицией для них оказалось полной неожиданностью. Если бы имели резервную точку укрытия и сообщника, то за вещами бы не возвращались.

— Согласен.

— Исходя из того, что никто из соседей их и в глаза не видел, или видели лишь пока неопрошенные единицы, разыскиваемые предпочитали не высовываться на улицу. Если и делали попытки, то в тёмное время суток, снижая возможность обнаружения. Уверен, они попытаются покинуть Уккрау-сити при первой же возможности. Арендуют частника или рискнут пойти пешком до ближайшего населённого пункта, где подыщут удобный транспорт.

Уголок рта шефа опустился вниз, что в его мимический привычках обозначало задумчивость.

— Двадцать девять тысяч, — произнёс он с расстановкой. — Мало на троих. Билеты стоят дороже. Документы тоже.

— Возможно, фигуранты пойдут на новое преступление. Но тогда им необходимо скрытое убежище, чтобы затаиться и пересидеть волну. Копы очень на них злы.

Дальнейшее обсуждение теряло всякий смысл. Перевернуть район крупного города силами СБН вполне реально, но стоит ли тратить огромные ресурсы людей и техники на обычный розыск трёх солдат? К тому же, не факт, что операция увенчается успехом. Переберутся мальчишки на другой конец мегаполиса, и ищи их по новой... Тут полиции сподручнее. Они на «земле» работают, каждый отнорок знают. Да и сказано сверху чётко: «Найти без лишней огласки».

— Держи на контроле, — рассудив, вынес вердикт начальник, возвращаясь к чтению. — И подключи аналитиков с кибербезопасниками. Пусть в планшете получше покопаются. Не исключено, найдут что-нибудь интересное. Полиции аккуратно намекни на важность поиска беглецов. Помоги, если потребуется. Разошли ориентировки по всем нашим подразделениям, особенно приграничным и отвечающим за безопасность космопорта. Не могли они далеко уйти...

— Ясно. Немедленно займусь.

Коротко простившись, подчинённый поднялся со своего места и направился к выходу, в очередной раз мысленно обругав юркую тройцу. Из-за этих проклятых солдат придётся в кабинете задержаться как минимум, на час за составлением необходимых документов и запросов. А хотелось домой...

(*) СБН — служба безопасности Нанды

Переселение прошло без сучка и задоринки. Мелисса, с удивительным для её шарообразной фигуры проворством, провела нас на окраину парковки местного супермаркета, где быстренько усадила в уже ждущий автомобиль с пожилым мужчиной за рулём.

— Привет, — она жеманно подмигнула водителю.

Тот весело подмигнул ей в ответ, наградил уборщицу отнюдь не товарищеской улыбкой, ничего, впрочем, не сказав.

Я только сейчас заметил — глаза у дамы подкрашены, на губах помада, а сама она изнутри точно светится. Успела привести себя в порядок, пока мы на кухне под яичницу заседали.

Н-да... Отсутствие бухла, помноженное на влюблённость, способно творить с женщиной чудеса. Будто десяток годочков скинула, почти девушка.

Попрощавшись, Мелисса поспешила обратно, смешно переваливаясь на коротковатых ногах и ни разу не обернувшись.

Не терпится девице с любимым наmilоваться...

... Посмотреть город не довелось. Водила, пропетляв по второстепенным улицам, высадил нас у типовой высотки, передав с рук на руки худенькой, скромной женщине, по возрасту годившейся нам как бы не в бабушки.

— Паула, — представилась она, излучая скромное добросердечие. — Идите за мной, мальчики.

Подъезд, граффити на стенах, пахнущий лифт, длинный коридор этажа, двухкомнатная квартира, по планировке — точная копия жилья Мелиссы.

— Ваша комната дальняя, — уведомила хозяйка, проводив нас в узкое помещение с выходом на балкон в торце.

Раньше здесь жил подросток. На стенах — постеры с крикливыми изображениями музыкальных групп в вызывающих позах, неумелые рисунки в готическом стиле, наклейки на учебном столе. Рядом со столом — высокий, под потолок, шкаф. Шторы плотные, визор отсутствует.

Ради нас в обстановку внесли некоторые коррективы — добавили ещё одну кровать, изголовье которой оказалось почти у входа. Захотелось пожать Ежи руку. Молодец, ушастый, отлично постарался. Всё учёл.

Давая нам осмотреться, женщина подошла к шкафу, распахнула сворки и принялась показывать, где лежит постельное бельё, где полотенца, где хранить носки с одеждой.

Инструктируя, она слегка нервничала. Можно понять. Одинокая, немолодая, и вдруг парочка увальней свалилась на её голову. Кто знает, что у них в мозгах, какие гормональные процессы превалируют?

Мы тоже робели, однако концовка монолога Паулы как-то незаметно растопила лёд первых минут знакомства.

— Суп в холодильнике. Есть тушёное мясо со спагетти. Кофе и чай в шкафу. Найдёте... Нагреватель исправен, так что идите в душ с дороги.

Такое простецкое, почти семейное отношение растрогало. Я сунул ей оговоренную

сумму за неделю вперёд и двести пятьдесят кредитов сверху, попросив купить простенький планшет, пару солнцезащитных очков и две молодёжных бейсболки.

— Я чеки принесу, — деловито заверила арендодательница. — Не волнуйтесь, мне чужого не надо...

Едва Паула ушла на работу, припрятав полученные денежки за пазуху, я приступил к осмотру нашего нового пристанища. Изучил санузел, не побрезговав заглянуть под поддон душевой кабины, сунул нос в каждый доступный ящик, проверил вентиляцию.

Понимаю, что со стороны это выглядит некрасиво, но сюрпризов не хотелось.

В комнату женщины попасть не смогли — помешал врезанный в дверь замок. Плёвый, по сути, с полпинка вышибешь, но мы не дома, так что нечего свои порядки наводить.

... Не найдя ничего предосудительного, занялись изучением балкона. Причём старались особо не светиться из соображений конспирации. Остекление отсутствовало, оно вообще у обитателей дома считалось не в чести, потому действовали, сидя на корточках.

Хлама там оказалось преизрядно, едва уместились.

— Может, не будем трогать? — усомнился бесфамильный. — Хозяйка заметит, что копались...

— Пусть. Скажем, прибирали, чтобы по утрам отжиматься и в комнате потом не вонять.

Особого смысла в изучении пожитков Паулы я не видел, но проверить не мешало. Опасался, что среди ненужных вещей может прятаться что-то противозаконное, способное рано или поздно привлечь полицию. Та же наркота или оружие. К чему лишние, тем более чужие, проблемы?

Подкрепил:

— Сквоч! Проверяем всё. Упаси Создатель, наткнёмся на что-то криминальное — придётся сваливать.

— Всякое случается, — не стал спорить сослуживец, присматриваясь, откуда начинать. — Я об этом не подумал. А комната хозяйки?

— Туда — нет. Будем надеяться, что она — тётка адекватная, с рассудком дружит.

— Угу.

... Ворочая пыльные коробки, с удивлением натолкнулись на чемоданчик с ржавеньким от неправильного хранения инструментом. Ничего особенного: плоскогубцы, молоток, отвёртки, набор гаечных ключей, в баночках — шурупы и саморезы, маленькая электродрель с типовым набором свёрл и пакет со всякими железяками весьма неопределённого назначения.

— От мужа остался? — риторически поинтересовался бесфамильный, оттирая порыжевшие пальцы какой-то тряпкой.

— Может, и от мужа, — я не придумал ничего умнее, кроме как согласиться с товарищем.

Из любопытства подключили дрель к электричеству. Оказалось — вполне рабочий инструмент. Свежий воздух и перепады температуры каким-то образом обошли приборчик своим разрушительным действием.

Закусив губу, Сквоч отложил находку в сторону и с удвоенным рвением продолжил перерывать балконные залежи, собирая в отдельную кучу всё металлическое.

— Что задумал?

— Засов сделаем, — на мгновение отвлёкся товарищ, до этого пристально изучавший

огрызок Г-образной полосы толщиной миллиметра два с половиной. — Из квартиры два выхода. В подъезд и через балкон. Случись что, драпать придётся не по коридору. Понадобится фора на отход. Засов поможет заблокировать вход в комнату.

Поражённый простотой замысла, я посмотрел вниз. Земля казалась очень далёкой.

— Одиннадцатый этаж, Сквоч. Ты офонарел? Всех простыней не хватит, чтобы спуститься.

— Под нами десятый, потом девятый, потом восьмой. До них вполне реально добраться. Можно вправо перемахнуть, к соседям. Балконы смежные.

Перегнувшись через ограждение, удостоверился, что бесфамильный прав. Перебраться — легче лёгкого, если, конечно, высоты не боишься. Вот только дальше куда?

Рассудив, что не следует забегать так далеко вперёд, я вернулся к деятельному Сквочу и принялся помогать в подборе необходимых деталей.

... Через час дверь в нашу комнату заметно подурнела, испорченная угловатыми скобами, прикрученными как к полотну, так и к лутке. Между ними, в качестве запора, покоился обломок какой-то деревяшки, достаточно прочной на вид.

Подёргав за ручку, признал:

— Крепко.

Но бесфамильный не успокоился.

— Давай шкаф передвинем. Так, чтобы если его повалить — он дополнительным препятствием стал.

Просто переместить шкаф не получилось. Для начала пришлось двигать кровати, освобождая проход для громоздкой платяной мебели, после, напрягаясь до треска в поясице, кантовать эту хреновину, затем по новой расставлять спальные места.

Когда пришло время уборки, то бывшее подшкафное пространство удивило своей заполненностью. Будто клад шизофреника нашли.

Среди старых носков, бумажек, пыльных сгустков из волос, обрезков ногтей, которые ленивый жилец забрасывал туда с глаз долой, чтобы не идти в дальний поход к мусорному ведру, обнаружили симпатичный складной нож, завёрнутый в ткань, и шило с длинной, толстой иглой.

Мы по очереди осмотрели находки, попробовали лезвие на остроту, признав ножичек дешёвой поделкой из дрянной стали. Только и достоинства — броский на вид.

Шило забрал себе Сквоч, поясняя:

— Паскудная штука. Дырочка от неё маленькая, а беды наделать может много.

— Умеешь пользоваться?

Ножевой бой и в учебке, и в период службы на маяке преподавался в весьма зачаточном состоянии. Сержант не придавал большого значения холодному оружию, аргументируя тем, что пехотинцу важнее винтовка, чем клинок. И вообще, наука эта сложная, требующая постоянных тренировок и времени, которые лучше потратить на строевую подготовку, полосу препятствий или стрельбище.

— Слегка, — не стал хвастаться бесфамильный. — Больше принципы знаю.

— Я тогда ножичек приберу, — рука сама цапнула складничок, немедля привыкая.

— Да на здоровье. Не порежься.

Признаться, нож меня обрадовал. Я никак не мог придумать подходящего повода, чтобы

попросить Паулу приобрести нам холодное оружие, пусть и самое простенькое. Боялся, что напугаю или заставлю сделать неверные выводы, способные мутировать в нечто нехорошее из-за женской мнительности.

Найденные предметы сподвигли на новый, более тщательный осмотр квартиры.

Помогавший мне Сквоч разделся до трусов и самозабвенно ползал по полу с длинной, палкообразной подпоркой для цветов, орудуя ею под мебелью и в прочих труднодоступных местах.

Как и положено для подобных хранилищ утерянного, оттуда извлекались пыльные ложки, вилки, закатившиеся пробки от бутылок, попался и окурочок. Его мы изучили особо тщательно, но ничего предосудительного не нашли. Древний, напрочь засохший, бумага выцветшая, запах отсутствует. Раскрошили, понюхали — давно кто-то травкой баловался, очень давно.

... Помыв обнаруженные столовые приборы, убрали их в ящик кухонного стола, к собратьям, и отдали должное супу.

Пришла хозяйка под утро. Примерно в то же время, в какое обычно возвращалась Мелисса. Стараясь не шуметь, она оставила на кухонном столе заказанные покупки, приняла душ и скрылась в своей комнате.

Планшет оказался кстати. С проплаченным доступом в сеть, с идущими в комплекте наушниками, он стал долгожданной отдушиной во внешний мир. Тут же связался с Ежи, оставил электронный адрес и обменялся краткими новостями, главной из которых являлось отсутствие каких-либо важных новостей.

Разве что, как писал Ежи, под вечер приходили копы, интересовались посторонними и подозрительными. Но Мелисса не подвела. Пригласила их в квартиру, напоила кофе, пока лопоухий под кроватью прятался и слушал, о чём идёт речь.

Разыскивали нас, если коротко. Полицейские от подробностей уклонились, однако под большим секретом шепнули уборщице, что мы — ловкачи и тюрьма по нам плачет.

По тексту от Брока, женщина очень смеялась над таким заявлением, искренне веря в душевную чистоту возлюбленного и его возвышенные помыслы.

Вроде бы пронесло...

Эксплуатировали мы девайс по очереди. Днём — я, ночью — Сквоч. Как-то так получилось, что мы особо не пересекались, кроме как во время еды. Но оно, наверное, и к лучшему. Находиться взаперти двум здоровым лбам — чревато неизбежными ссорами и скандалами.

Бесфамильный сам предложил не ломать сложившийся распорядок, честно признавшись:

— Меня рожа Брока в последние дни бесила самим существованием. Не хочу, чтобы и с тобой так же получилось. Чем меньше будем видеться, тем лучше.

— Я заметил. Цеплялся ты к нему по поводу и без...

Полностью соблюдать уговор оказалось невозможным. Занятия по произношению требовали собеседника, одного подпевания и копирования диалекта не хватало.

На это уходил час. Каждый день, без выходных. В остальном — общая приятельская атмосфера осталась без изменений. Сквоч спал, я убирал, отжимался, читал новости и смотрел видео. После — наоборот.

С Паулой почти не общались. Она не лезла к нам, мы благоразумно не надоедали ей. Даже столоваться старались в разные часы.

А ещё каждый придумывал план, как разбогатеть. Иногда мы обсуждали кажущиеся особо удачными идеи, но всякий раз, пробуя замыслы «на зуб», сходились в их несбыточности.

Налёт на обменный пункт валют малым числом, без транспорта и оружия — не совершить. Напасть на ювелирный магазин — выйти не успеем, да и стыдно пугать людей пукалкой Сквоча. Наехать на подпольный бордель с целью обчистить владельцев — так этот бордель ещё найти надо, как и войти. Любое место, где присутствует много денег всегда находится под контролем у знающих специалистов, которые сами кого хочешь заставят поделиться последним и на четыре кости поставят.

Повторять трюк с богатым сыночком я категорически отказывался, хотя бесфамильный робко на это намекал. Единственного визита в клуб вполне хватило, чтобы осознать — проделать этот номер повторно практически невозможно, да и физиономия моя наверняка во всех мониторах красным засветится, стоит мне только приблизиться к увеселительным заведениям.

Варианты действовать через сайты знакомств, записываясь в альфонсы, пришлось отменить из-за больших первоначальных вложений (даму надо как следует выгулять и осчастливить, прежде чем от неё что-то хотеть) и продолжительного временного отрезка, требующегося для полноценной обработки намеченной жертвы. Да и не факт, что замысел увенчается успехом. Богатые женщины далеко не полные дуры, как принято думать, и вполне себе понимают, что мечтает получить от них смазливый юноша.

Могут и ручкой до срока помахать, посчитав интрижку законченной.

Моральную сторону мужской проституции я не рассматривал, чтобы, ненароком, не придумать смягчающих обстоятельств и не вступить в сделку с самим собой.

... Сутки сменяли сутки, однако новый план никак не созревал. Наличие крупной суммы, подогнанной нам белобрысым Деробой, успокаивало, но мы оба понимали — это до поры.

Нужно новый источник доходов. Срочно.

... Удар в дверь застал меня врасплох. Пробился сквозь музыку в наушниках, разбудил Сквоча.

Надо отдать товарищу должное — он, не проронив ни слова, скатился на пол и оперативно переместился к противоположной стене, зажав в кулаке шило, выхваченное из-под подушки.

Удивлённо посмотрел на меня, словно я понимал, что происходит.

Последовал новый удар, сильнее предыдущего, а потом неизвестные гости (или гость) принялись часто тарбанить, пробивая себе дорогу.

Ни переговоров, ни требований. Тупо ломали дверное полотно.

Скобы с засовом пока держались, но надолго ли?

Показав пальцем на шкаф у входа, я, прихватив нож, на брюхе скользнул к нему, и, прикрываясь корпусной конструкцией от возможного выстрела, изготавился завалить неподатливую мебель параллельно входу, дабы перегородить доступ в комнату.

Удары прекратились. Прислушался: за дверью воцарилась тишина. Ни топота ног, ни переговоров шёпотом, только громкое, нездоровое сопение.

Не может группа людей стоять бесшумно, если только это не обученные силовики или иные категории специалистов по захватам и задержаниям. Но таких граждан засовом не остановить. Пройдут — и не заметят.

А тут — цирк какой-то.

Бесфамильный воспользовался возникшей паузой. Вышел из укрытия и, на четвереньках, осторожно ступая, приблизился к засову, где замер изваянием. Через десяток секунд он повернулся ко мне, вопросительно поднял брови. Я продемонстрировал указательный палец.

В ответ получил вопрос, на том же языке жестов: «Один или два?»

Пожал плечами и, поколебавшись, неуверенно изобразил двойку.

Похоже, сослуживец и сам сомневался в количестве стучателей, но лучше перебдеть, чем потом со слезами жрать горькие плоды самонадеянности.

Новый удар заставил дверь вздрогнуть, а следом донёлся голос. Взвинченный, истеричный:

— Открывайте, пидоры!

У меня с языка чуть не сорвалось: «А если не откроем, плакать будешь?», однако я вовремя сдержался. Тупые шутки сейчас неуместны, к тому же, отклик заставит неизвестного гостя (или всё же гостей?) удвоить усердие по порче чужого имущества.

Передо мной промелькнули три пальца и вопросительная физиономия Сквоча.

Допускает, что кто-то может поодаль стоять, неслышный? Вроде бы... нет. Тот debil, за дверь, шумит всюду. Как бы соседи не обеспокоились и не вызвали патрульный наряд... К чему такие сложности? Я бы на месте возможных присутствующих поскорее пришёл ему на помощь и вышиб дверное полотно к чёртовой матери. Ну не из стали же оно! Засов засовом, однако слабые места в виде петель и хлипких материалов никто не отменял. Преграда почти картонная, при известной сноровке и кулаком прошибаемая.

Боясь ответственности, неопределённо покрутил кистью перед собой, после попробовал примерить на себя ампула мима.

Показал, будто открываю дверь, после подсекаю под колено скандального гостя, бью в голову (вместо макета головы использовал ладонь), укладываю тело на пол, подхватываю стул и бегу в коридор.

Бесфамильный горячо закивал, выражая полное одобрение. За время моего представления он несколько раз посмотрел на балкон, сглатывая слюну и втягивая голову в плечи. Похоже, десантироваться по этажам его не тянуло, как и меня.

Ладонь товарища дотронулась до его плеча, символизируя погоны.

— Не знаю, — беззвучно прошептал я. — Вряд ли.

Тот снова кивнул, соглашаясь. Указал на стул подле кровати, служивший вешалкой для наших джинсов и футболок.

Намёк ясен. Нож, давая свободу руке, сунул лезвием в щель между дверцей и стенкой шкафа. Барахло плавно переключалось на матрас, ножки удобно устроились в моих ладонях, превращая мебель в оружие.

По двери в очередной раз шарахнуло, однако в этот раз звук удара разительно изменился, превратившись из глухого в более звучный, свойственный, скорее, неживым предметам, чем человеческому кулаку или пинку ногой.

Присев на корточки, Сквоч сместился вбок и глазами указал мне стать напротив него.

Ага, он открывает, бьёт шилом в область пояса, я на подхвате — приложить спинкой

стула гостя по роже или куда получится. Если он там не один, то подраненное тело в проходе замедлит нападающих, давая мне возможность визуально оценить обстановку и принять меры.

Нормально, действуем!

Кивнув с такой силой, что подбородком треснулся о собственную грудь, я приготовился к дальнейшему развитию событий, на всякий случай решив, что при необходимости превращу стул в метательный предмет и буду работать ножом.

Моего сослуживца подгонять не пришлось. Плавно вытащив деревяшку из скоб, он рывком распахнул дверь и стремительно откатился назад, уходя из-под удара длинного, уродливого тесака, принадлежащего измождённому, болезненному мужику в обносках с бесноватым лицом.

Бить доходяга не умел. Удар в исчезнувшую преграду вывел его из равновесия, и тяжеловатое, не по комплекции, лезвие увлекло за собой тщедушное тело, демонстрируя затылок с намечающейся плешью.

Ну, сам дурак.

Спинка стула приложилась на редкость удачно. Точно в цель. Хрустнула, но уцелела, передавая моим ладоням отголосок разрушительной мощи соприкосновения с чужой башкой.

А вот неизвестный с тесаком — не очень. Глупо хрюкнув, он, не меняя угла преломления в поясе, задирая зад и отпуская заточенную железяку, стукнулся лбом об пол.

Улечься окончательно ему помог бесфамильный, вскочив на ноги и нанеся хлёткий, поставленный удар ногой в то место, где у людей, обычно, находятся мозги. Этого вполне хватило для нокаута. Плешивый сломанной куклой замер в дверном проёме.

Опасаясь сообщников, я со стулом наперевес выскочил в коридор, однако никого не увидел. Хозяйские покои, по обыкновению, были закрыты, в кухне и санузле — пусто.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы поскорее успокоиться, обратил внимание на входную дверь: замок в порядке, следы взлома отсутствуют. Дёрнул ручку — заперто. Ключом открыл? Но откуда у этого ушлёпка ключ?

Посмотрел в дверной глазок — никого. Прислушался, приложив ухо к узкой щели между косяком и запорным устройством — тихо. К нам пришёл одиночка? Совсем непонятно.

— Вит! Что там? — полушёпотом позвал сослуживец.

— Никого. Карманы пробил?

— Нет ещё.

Вернувшись, я оставил стул в покое и помог затащить находящегося в глубокой отключке визитёра в комнату, где Сквоч споро связал тому руки за спиной.

— Ты его не убил? — безвольная податливость чужого организма пугала.

Ни шевеления, ни напряжения в мышцах. Будто труп таскаем.

Вскинувшийся бесфамильный попробовал пульс на шее незнакомца.

— Живой. Водички принеси.

Сходил на кухню, набрал полную чашку. На обратном пути отметил вытянутый след рубленого удара на нашей двери. Сослуживец, между тем, уже сидел на кровати и осматривал тесак нападавшего, оказавшимся на поверку средних размеров мачете.

— Редкое дерьмо, — завидев меня, поделился он выводом. — Ржавое, заточка — корявая, острие вообще тупое. Рукоять хоть бы обмотал чем-то — держать неудобно... Это же надо умудриться до такого состояния нож довести?

В подтверждение своих слов он указал на многочисленные раковины, покрывавшие порыжелый металл.

— Эх, печалька... — дополнить мне было нечего. Действительно, таким отстоем разве что на помойке не побрезгуют.

— Взбрызни убогого. Потолкуем.

Так и сделал. Дрищеватый гражданин в одеяниях огородного чучела слабо зашевелился, после дёрнулся, пытаясь вскочить.

— Но-но! — плюха в бок от бесфамильного не заставила себя ждать. — Ты кто такой?

Лежащий помотал головой, словно отгонял невидимых насекомых, повернулся на бок, явив нашему вниманию распахнутый рот с гнилыми пеньками зубов, перекошенную, слюнявую харю с редкой щетиной и полное отсутствие разума в глазах.

— Повторяю, — Сквоч шлёпнул мужчину по щеке, приспособив для этого плоскую сторону тесака. — Ты кто? Или тебе яйца отрезать?

Будто проверяя упомянутую возможность, связанный подвигал челюстью, точно убеждал себя в отсутствии кляпа. А мы его и не использовали. Зачем? Болтать, когда у собеседника тряпка во рту, удовольствие сомнительное. Придётся вынимать, если захотим внятных ответов. Потому, захочет заорать — заорёт.

Тут нагнетать нужно, запугивать, чтобы думать не начал.

Дабы слова не расходились с делом, я упёр лезвие своего ножа в ягодицу гостя.

— Хочешь вторую дырку в жопе?

— Нет. Нет... — его затрясло будто припадочного. — Не надо...

— Спрашиваю в третий раз, — Сквоч шевельнул кистью, и мачете переместилось к носу лежащего. — Ты кто?

— Э-э-э... живу я здесь.

— Че-го?..

— Живу я, — с нервическим заиканием подтвердил свой бред незванный придурок. — Квартира мамы. Это моя комната.

— И ты ломился в неё с мачете, — усмехаясь, закончил я. — Конечно верю... Как входную дверь открыл?

— Ключом. Он в кармане, в правом. Не бейте...

Магнитный ключ оказался там, где сказано. Обычный, с истёртыми от частого употребления краями, на отмычку или новодел не похож.

— Почему двери вышибал?

— Так не открывались! — ненатурально изумился доходяга, придумывавший, похоже, легенду визита «по ходу пьесы».

Меня долгие пререкания не манили, потому я без какого-либо сожаления воткнул нож в худую задницу. Не сильно, так, намерения обозначить.

— А...ы, — пинок в подбородок прекратил начинающийся вопль.

Сквоч постарался, прозорливо блокируя ненужный шум.

— Ты про яйца не забыл? — товарищ встал с кровати, нагнулся к связанному. — Или мы начинаем слушать правду, или... — заканчивать фразу он не стал, ткнув тупым остриём мачете в область чужого паха.

— Понял-понял... — строя страдальческие гримасы, поник гость. — Я... я жил здесь. В этой комнате.

— Где стоял шкаф? — быстро бросил я, пытаясь поймать его на вранье.

— Там, — щетинистый подбородок правильно указал на место у стены.

— Что было спрятано под шкафом?

Ответил доходяга с заминкой, но тоже верно:

— Нож в тряпке и шило.

— Зачем ты пришёл и откуда знал, что в комнате не один человек?

— Пидоров я тебе ещё не припоминал, — ввернул бесфамильный, хищно скалясь. — Но припомню.

Упоминание бранного эпитета, которым нас наградил в горячке этот хмырь, пришлось как нельзя кстати. Связанный сжался, зажмурился, постарался прикрыть коленями живот. Разве что не обделался от страха.

— Коли в жопу! — скомандовал бесфамильный, зажимая ладонью рот неудачника и прижимая его голову к полу. — Гостюшка нам новую сказку сочиняет. А мы ему нашу расскажем, с плохим концом.

Укол не потребовался. Визитёр замычал, пузырясто пуская слюни, и захлопал глазами. Едва Сквоч оторвал перепачканную ладонь, он зачастил:

— Мамка моя на стадионе работает. Я её проведывать часто захожу. Сегодня пришёл и услышал, как она с толстухой разговаривала о постояльцах. Говорила — вы тихие и смирные, и деньги у вас есть. Наличные. Я ключ у матери спёр из сумки, когда она мне... — тут он внезапно устыдился, — покушать давала. И пришёл посмотреть...

— Ограбить, — поправил я слюнявого злоумышленника, сжав его ухо в кулак, для бодрости. — Называй вещи своими именами.

— Как тебя зовут? — товарищ, поигрывая отобраным тесаком, грозно навис над лежащим, пугая того до непроизвольного тика лицевых мышц.

— Милле.

... Картинка предшествующих событий примерно складывалась, но требовались некоторые уточнения. Оставив жопу лежащего в покое, взял планшет и отбил сообщение Ежи. Особо в подробности не вдавался, обозначил тезисно:

1. Есть ли у нашей хозяйки сын?

2. Видела ли его М... в течение дня?

3. Не пропал ли ключ у нашей арендодательницы?

Входящий звоночек почти мгновенно сообщил об ответе:

«Да. Да. Да.» и приписка «Что случилось?»

Не повредило бы описание запросить, но это может затянуться. Пока лопухий свяжется с сожительницей, пока растолкует, что к чему, пока ахи-вздохи выслушает... Лучше позвонить и объяснить словами. Быстрее получится.

Написал:

«Говорить можешь?»

Любитель пышных дам кинул подтверждение:

«Могу. Но без видео. Тут сигнал неважный»

Подав знак бесфамильному, что ненадолго отлучусь, я вышел в кухню, прикрыл за собой дверь и нажал кнопку вызова, присутствующую в почтовом онлайн-сервисе как дополнительная опция.

— Ну?! — нетерпеливо рыкнул Брок. — Что у вас за приключения?

Голос сослуживца звучал как в бочке или пустом помещении, отдавая эхом.

— Припёрся какой-то клоун с мачете, хотел нас ограбить. Получил в бубен. Поёт, что сын хозяйки. Украл у неё ключ. Внешне выглядит как конченный утырок с плешью. Назвался Милле.

— Он. Я его видел примерно два часа назад. Мать давным-давно выгнала за наркоту и воровство, только что выяснил. Имя, — он отвлёкся, что-то буркнул явно в сторону. — Да. Милле.

— Где ты с ним пересечься успел? — удивился я.

— На стадионе. Выбрался помочь Мелиссе. Так надо, — с нажимом закончил знайка. Потом спросил. — Сами целы?

— Ни царапинки. Урода скрутили.

— Руки-ноги у него на месте?

— Угу. Помяли, разве что, чуток.

— Валите оттуда. Оставаться дальше нельзя. Отношения со своей квартирной хозяйкой вы испортили. Кем бы её сынок ни был, но мать есть мать. А даже если она и встанет на вашу сторону, нет никаких гарантий, что за дозу наркоша не сольёт вас более ушлым ребятам. И ни черта тут не сделаешь... Валите, — твёрдо повторил он.

— Куда валить?

— К городскому стадиону. Встречу.

Выходить на улицу не хотелось категорически, но... выбора нет. Вернётся хозяйка с работы, увидит изувеченную дверь, начнёт переживать, визит этого Милле всплывёт — тут не открутишься. Со всех сторон виноватым станешь.

А в комнате Сквоч налаживал общение со связанным:

— На чём сидишь?

— На всём, — перепачканный слюной рот перекривила грустная усмешка. — Мне без разницы...

— Ломает?

— Можешь помочь? — неверяще сощурился тот и тут же потух. — Иди ты...

Идиллию пришлось прервать.

— Хорош! Уходим!

Искоса взглянув на плешивого наркомана, бесфамильный принялся молча одеваться и заполнять имуществом рюкзак.

Сборы не затянулись. Уже в коридоре, воспользовавшись напоследок висящим там зеркалом и нацепив очки и бейсболку, он забежал в кухню, где забросил мачете на навесной шкафчик.

— С собой не возмёшь. Прятать некуда. И это... я Милле пасть тряпкой заткнул.

— Не задохнётся?

— Наркот со стажем? Юморишь... Он через пять минут освободится и сбежит, чтобы от мамки по шее не схлопотать.

Расписание городских автобусов обрадовало нас пересадкой. Ведомые путеводной картой, мы выбрались на остановку и, в ожидании подходящего номера, задумались, каждый о своём.

Первым не выдержал тишины Сквоч.

— О чём репу чешешь? — произношение у него откровенно хромало шепелявостью. Моя придумка. Не доверяя очкам, я предложил сунуть за щёки по комку ваты,

позаимствованной из аптечки Паулы, для изменения физиогномики. Камеры ведь не только на распознавание по всему фото работают. Более сложные алгоритмы способны и по отдельным частям лица идентифицировать.

На удивление, маскировка оказалась эффективной. Наши ряхи весьма поменяли очертания в области скул, заставив изумиться нас самих.

— О нападшем, — моя дикция оказалась не лучше. — Нас двое, он — без никого. Худой, как сушёный глист на диете... Спрашивается — на что этот разбойник рассчитывал? Тесак как половина его по весу. Взял бы дружков с собой, глядишь, и получилось бы.

— Гы... Сам спросил — сам ответил. Потому что он — чмо. Возьми он корешей с собой — схлопотал бы по финалу подзатыльник и пожелание не хворать. Такого кинуть — правильно и по понятиям... Вот и рискнул. Его плющило не по-детски. Доза нужна. Да и не сделай мы засов — могло и выгореть. Вломился бы, железякой нас в гуляш покрошил, и никакая бы рукопашка не спасла. Я спал, ты...

— Лежал, — нехотя признался я. — Музыка слушал.

— Ему бы и особо трудиться не пришлось. От той ржавой дуры раны — ого-го!

С последним спорить не хотелось. Но это экспромт-нападение не давало мне связно собраться с мыслями. Ближайшая ассоциация — на живую нитку сшито. Тяп-ляп. Через задний проход.

Требовались более внятные объяснения.

— Кривовато, Сквоч. Это ж как должны были сойтись звёзды, чтобы наркоман пришёл к маме, подслушал её трёп с Мелиссой, из пальца высосал план, спёр ключ, по ходу заскочил за ножичком и посмел напасть на нас?

Раздумывал сослуживец долго. Мы успели сесть в автобус, отъехать с пяток остановок, и только тогда он ответил, пригнувшись к моему уху:

— Из-за людей. Нормальные с нами связываться не станут по понятным причинам, а остальные, такие, как эта мамаша, вынужденные — всегда от них жди подлянки. Ты думаешь, она не понимала, кого приютила? Как бы не так! Деньги, Вит, денежки глаза застили... Или нужда. Может, отпрыску на наркологическую клинику копила; может, на курорт — мечтала хоть раз в жизни человеком побыть, а не уборщицей... У всех скелеты в шкафу найдутся. У всех... Тебе же Брок подтвердил, что видел этого полоумного? Чего ты на измену выпадаешь?

Я не ответил. Кроме непонятого беспокойства, иных аргументов у меня не имелось, а их к делу не пришьёшь. Списав это на повышенную восприимчивость и паранойю, обусловленную нашим теперешним положением, заставил себя думать о более насущных проблемах: где жить и что делать дальше.

Впрочем, безрезультатно. По-прежнему ничего не придумывалось.

Поездка прошла в давящих, безрадостных размышлениях.

... Выйдя на нужной остановке, мы почти сразу пересели в следующий автобус и через десять минут оказались на площади перед гигантским стадионом, увешанным рекламными баннерами и эмблемами городских спортивных команд.

Из динамиков, расположенных по фасаду, доносилась бравурная песенка, призывавшая побеждать соперников в честной борьбе и с запоминающимся припевом: «Дальше, выше, сильнее». Похабник Сквоч не удержался — заменил «выше» на «глубже», отчего вполне пристойная мелодия приобрела некоторый порнографический оттенок.

Ему так нравилось больше, да и мотивчик оказался прилипчивый...

Связавшись с Лопухим, по его рекомендации прошли на расположенную сбоку общественную спортплощадку, изобилующую всевозможными тренажёрами для любителей позаниматься под открытым небом.

В ожидании товарища избавились от ваты, размялись на брусьях, немного поразвлекались с турником, с наслаждением ощущая, как разогреваются мышцы, отвыкшие от штатных армейских нагрузок.

Малоллюдно здесь. На всю территорию — не более десятка поклонников здорового образа жизни, да и то, похоже, пришли компанией, так как кучковались у штанг и оживлённо шутили между подходами.

Незаметно появился Брок. Посмотрев на наши упражнения, он поплодировал бесфамильному, от скуки крутившему солнышко на перекладине, и потребовал рассказать полную историю с нападением.

Слушал внимательно, морщил лоб. Когда я закончил, тяжело вздохнул:

— Сынок это её, всё верно. Я с Мелиссой поговорил. Она и помыслить не могла, что он на такое решится. Ходил сюда к матери, еду клянчил. Обсос обсосом... В помещения его не пускали — хватал первое попавшееся и пытался удрать. Ловили, копам сдавали. Нарик конченный. В тюрьме сидел, понемногу, но неоднократно. Точным количеством не интересовался. Кто же знал, что он такое отмочит? Паула то, сама по себе — тётка приличная...

Сентенция не поразила. Знал, не знал — чего теперь умничать? Сделанного не воротишь, возвращаться нам нельзя.

Пристроившийся на гимнастическую скамью Сквоч практично перевёл тему:

— Нам ночевать негде.

— Я догадался, — раздосадовано процедил Ежи. — До вечера что-нибудь придумаю. И... парни, не хочу показаться меркантильной сукой, но что с деньгами? Они, как бы, общие. Мне необходимо понимать, на что рассчитывать. Рано или поздно я выйду на людей, способных помочь с документами, а они бесплатно и не пошевелиются. Я не требую мне их отдать, но...

Бродить с наличкой в карманах, особенно после недавнего происшествия, абсурд и нелепица. Из нашей троицы постоянное жильё есть только у него, потому...

— Держи, — я протянул свою часть нашему умнику, оставив себе лишь три купюры по пятьдесят кредитов. — Пусть у тебя побудут.

— И мои заberi, — поддержал меня Сквоч, также оставляя на карманные расходы в районе сотни. — Ходишь, трясешься за них...

Отнекиваться или набивать себе цену Ежи не стал. Принял деньги, бережно прибрал их в карман рюкзака.

— Спрячу в кухне, за нижним шкафчиком, у мойки. Если что — найдёте там. Мелиссе ничего не скажу, не переживайте.

Удовлетворившись пояснением, я обратил внимание на необычное место встречи:

— Ты как сюда попал? Договорились же, по норам сидеть!

Лопухий будто только этого и ждал. Задрал нос, заважничал, показал полный набор зубов в пасти, изображая улыбку:

— Тема есть. Как нам ещё денег срубить. Столько, чтобы на всё хватило. Ну или почти на всё, — поправился он. — На данном этапе идёт сбор информации, чтобы без

экспромтов.

— На стадионе?! — поразился бесфамильный.

— Совершенно верно, — Брок выглядел победителем известнейшего интеллектуального конкурса «Колесо удачи». Того самого, из вечернего прайм-тайм, где по буквам угадывают слово. — Отсюда и начнём...

Долго наслаждаться интеллектуальным превосходством и нашими удивлёнными физиономиями Ежи не стал. Проявив снисходительность, он произнёс короткую, витиеватую речь о том, что пока одни наркоманов от безделья мутузят, другие грандиозные планы замышляют, после чего безотлагательно перешёл к деталям.

— Сложно найти человека, у которого и денежки наличные есть, и его социальный статус не позволяет отгородиться от плебса высокими заборами с бдительной охраной, — мы кивнули, выражая согласие. — Понимаете, парни, закавыка в том, чтобы нас потом искали с умеренным рвением, и чтобы потенциальная жертва, если и побежит к слишком высоким покровителям, то ей там в лучшем случае посочувствуют и пообещают взять дело на контроль. Потому считаю, что большим людям на мозоль наступать нельзя, а с маленьких брать нечего.

Такое житейское обоснование понравилось Сквочу. Похоже, направление рассуждений лопухого нашло в его сердце горячий отклик, основанный на житейском опыте да уроках папаши-бандита.

— Категорически одобряю, — потеряв подбородок, сказал он. — Сильных мира сего обижать вредно для здоровья. Расстроятся — и никакая полиция не спасёт. В тюрьме достанут. У них сколько ни возьми, да хоть булавку ненужную — к ответу как за миллион призовут. Ради репутации... Брок, признавайся, кого наметил?

— Женщину. Мелисса у неё дом убирала. Расположение комнат запомнила. Познакомилась с ней здесь, на стадионе. Та лично дочку сюда привозит на занятия по большому теннису. Ну, ракетка там, мячик, бег, прыжки, — знайка пошевелил пальцами, как бы давая нам додумать, чем ещё занимается ребёнок под руководством тренеров. — Занятия через день, после обеда. Кроме выходных. Я ради этого сюда и припёрся — даму в лицо запомнить...

— Мелисса в курсе? — уточнил я, запрыгивая на брусья. Спортплощадка — не то место, где молодёжь имеет обыкновение болтать, ничего не делая. — Полицейское расследование может на твою уборщицу вывести.

— Маловероятно, — отрицательно замотал головой Ежи, отчего его большие уши смешно пришли в движение, а сам он напомнил детскую игрушку, называемую слон. — С тех пор почти четыре года прошло. Тётка и не вспомнит. Оно ведь как получилось? — повторяя за мной, наш мозговой центр пристроился напротив, с другой стороны спортивного снаряда и принялся усердно отжиматься, не сбивая дыхания. Крепок, паршивец, не придерёшься — сказывались тренировки на маяке. — У неё какая-то вечеринка была. С утра все разъехались, а срач остался. На клининговую компанию женщина денег из бережливости пожалела. Рассудила — на стадионе уборщиц много, можно подешевле нанять. Тем более, у дочки очередная тренировка... Мелисса и согласилась. Туда отвезли, обратно такси оплатили. До остановки общественного транспорта, — с укоризной подметил Брок, добавив. — Двадцать!

Это он жимы считает. По врождённой привычке всех самцов «быть не хуже» поднажал, чтобы догнать лопухого. Я тоже считал про себя — шестнадцать.

— Допустим. Но подставить твою мадам мы можем крепко. Если что-то пойдёт не так...

Не желая отставать в демонстрации своих физических возможностей, между нами на брусья вспорхнул бесфамильный. Лихо развернувшись, он уселся на одну перекладину, затем, съезжая немного назад, зацепился ногами за противоположный брус, и, сцепив руки на затылке, вознамерился показать, как следует разгонять брюшной жирок, которого, впрочем, у него не наблюдалось.

Приютский выпускник тоже оказался в хорошей физической форме и, не сбивая дыхание от начатого упражнения, ровным голосом произнёс

— ID у нас нет, на морды маски натянем. Никто не узнает. Не о том рассуждаете. Сколько народу, кроме тётки, обитает в...

— Доме, — подсказал Ежи. — У неё свой дом.

— ... Служанки, водители, охранники, садовники, муж, мужья, — перечислял Сквоч на выдохе, сгибаясь и разгибаясь в упражнении. — Система сигнализации, видеонаблюдение, привычки, приходят ли к дочери репетиторы, сколько любовников, распорядок дня, и, самое основное, есть ли у неё деньги вообще?

— Есть, — уверенно объявил Брок, соскакивая на бетонную поверхность площадки. — Уверен. Она в прошлом — содержанка-эскортница, ставшая женой высокопоставленного старичка, давшего дуба через годик после свадьбы. Потом наследники делили имущество. С завещанием что-то не то получилось, из-за чего судились, бодались, адвокатов нанимали. И вдруг мирно разошлись, будто всем надоело в юридических крючках копать. Разумеется, по взаимному согласию... По документам молодая вдова получила хрен да маленько. Но по факту — купила домик в престижном месте, на берегу реки, ненароком отхватила по бросовой цене участок земли в центре города и ещё два в почти заповедной зоне из тех, где свободные площади только дорожают. Вдобавок родила от кого-то.

Я тоже оставил брусья в покое.

— Отступные?

— Они. Детки старичка по возрасту мачехе в отцы годятся, и каждый при должности. Пристроил их папаша на госслужбу, а они и решили проблему за казённый счёт, самую малость злоупотребив должностными полномочиями. Накопления светить не пожелали, да и зачем? Так тоже хорошо и выгодно, — брови лопухого взлетели вверх, словно мы ему пытались возразить на банальнейший довод. — В общем, молодая вдова, не будь дура, от земельки быстро избавилась, пока не передумали и не отобрали. Капиталы куда-то дела... По налоговой декларации — они тут в свободном доступе — у нашего объекта лишь скромные доходы от каких-то акций, не соответствующие её образу жизни. Машина — новенькая, одета с иголочки, пока ребёнок на теннисных занятиях носится — в кафе сидит, при стадионе. Сплетничает, убивая время, с подружками — богатыньками клушами, тоже притащившими своих чад на спорт для, — Брок особенно выделил, нарочно неправильно произнеся, — Ылиты. У них там вроде закрытого клуба, куда, если сумки от дизайнера из первой планетной десятки не имеешь, и близко не подпустят. Да и абонплата за тренировки деточек вполне себе... Ценники, мягко говоря, кусаются.

— Тогда откуда деньги? — бесфамильный тоже решил сделать передышку, спрыгнул со снаряда. — Сколько бы ей не заплатили — любое бабло имеет свойство заканчиваться. А она, по твоим словам, цветёт и пахнет.

Вспотевший от физкультурного усердия Ежи покровительственно усмехнулся, демонстрируя основательность проведенной подготовки.

— Злые языки болтают, что дамочка крупные суммы в долг даёт, в том числе и

наличными. Под неслабые проценты. Не всем, только хорошо знакомым подругам или по серьёзной рекомендации... У скучающих женщин, знаешь ли, разные расходы бывают, пока мужа за прибавочную стоимость бьются. Понравившемуся мальчику подкинуть на конфеты; себя, любимую, прогулять в какое-нибудь экзотическое место со СПА и кожаными плётками на десерт, или... куда угодно! Главное, втайне от супруга, вполне способного не одобрить развлечения жены. Рассчитываются потом или налом, или через подставные фирмы. Рассказывают благоверному сказку о, в очередной раз, подорожавших косметических процедурах. Как пример привожу... — он с лентой махнул рукой, обрывая перечень. — Мне на их фантазии плевать, если честно. Были бы деньги, а как с них пенку снять — задача второстепенная... Лично я считаю, что контингент одними подругами не ограничивается. На куцем наборе чванливых пигалиц далеко не уедешь. Скорее всего, бизнес более широкий, просто не всем об этом известно, а сама хозяйка предпочитает держаться в тени. Следовательно, основная часть капиталов должна храниться в банке, под замком, и некоторая сумма, поскромнее — по месту жительства.

— Как у Дербз?

— Что-то типа... Если денег там нет, что крайне маловероятно, возьмём драгоценностями. Их не может не быть у такой женщины... После найдём, куда пристроить.

— Откуда ты про неё столько узнал? — я не мог не спросить об источнике.

— Про свадьбу с судебной тяжбой из сети, когда в биографию вникал. Шумный процесс намечался, а потом бац — и схлопнулся... Про нынешнюю финансовую ситуацию и откупные — от Мелиссы. Она в кафе днём убирает, на полставки. В кухне. Зарплаты со стадиона не хватает на жизнь, — почуяв, что углубляется в ненужные подробности, знайка прервал начинающееся жизнеописание толстухи и вернулся к более актуальным вещам. — Дамы в своей трепотне не особо скрытничают. Обсуждают всех и вся, особенно из своего круга, без стеснения и со вкусом. Чужое грязное бельё буквально наизнанку выворачивают, под кофеёк. Таиться от окружающих даже смысла не видят... С высоты их положения вокруг, как бы, никого и нет. А персонал они и за людей не считают. Так, дополнение к подносам с пирожными. Официанты же всё слышат и запоминают, потом кости им перемывают. В перерывах, от скуки. И да, — ответил он на незаданный, но актуальный вопрос, — Мелисса понимает, что влезает в криминал. Она за мной вообще, хоть в огонь, хоть в воду. Любит...

Меня пояснение лопухого не то, чтобы убедило, но заставило с почтением посмотреть на товарища. Вертит толстухой, как хочет, а та ему в рот заглядывает, млея от счастья!

Зато Сквоч нахохлился, шумно вздохнул, взобрался на брусья.

— Мутняк ты задумал, Брок, — без раздражения, но с нескрываемым опасением бросил бесфамильный. — Ростовщики — контингент опасный. Умные люди, готовые к чему угодно. Потому что с деньгами работают. Тут нужен острый ум и трезвый расчёт. Чуть ошибутся — и их или кинут, или пришибут. Опять же, вернуть вложения с процентами, когда должник в отказ идёт — талант нужен, подкреплённый крепкими ребятишками с врождённой отморозенностью. Плюс крыша...

— Что? — не понял Ежи.

Давая Сквочу заняться брюшными мышцами, я пояснил:

— Крыша — покровители из мафии или полиции. За определённый процент обеспечивают безопасность предприятия и устраняют проблемы.

— О как! — непритворно удивился знайка. — Я об этом не подумал. Упустил.

Произнеся это утверждение, он надолго замолчал. Позанимался на брусьях, перебрался на турник, в паузах между подходами усиленно почёсывая затылок. Изредка Брок вскидывался, пристально смотрел на нас, будто что-то хотел возразить в некоем неслышном споре, но потом успокаивался, отводил взгляд и шёл к очередному снаряду.

Наш приютский выпускник по-прежнему хмурился, я ждал развязки.

... Подошёл Ежи как-то внезапно. Он перемещался от гимнастической лестницы к замысловатому тренажёру для ног, рассчитанному на работу с собственным весом, как вдруг, на середине пути, круто развернулся на пятках и почти подбежал к бесфамильному, мирно отдыхающему рядом со мной.

Придвинулся вплотную, впился расширенными от возбуждения глазами в сослуживца, точно мечтал прожечь в нём дыру:

— Предлагаешь отказаться? — озлобленно прошипел он. — Предлагаешь отступить?! Тогда предложи что-нибудь другое, более умное! Там, — дыхание у него спёрло, — там... парни, сержант. Забыл про них? Я напомню! Нас Бо спас! Рисковал! Ради связи с Федерацией!..

Пощёчина пришлась как нельзя кстати. Брок замер, не моргая, с перекошенным ртом. Даже дышать позабыл. Стоял, продолжая сверлить зрачками бесфамильного.

При этом мелко трясся, до хруста сжав кулаки.

— Успокойся, — устало попросил Сквоч, не отводя взгляда. — Люди вокруг.

— Ты, — не голос — шипение рвалось сквозь сжатые зубы знайки. — Ты...

— Выдохни, — бесфамильный не желал уступать в этом странном состязании ярости и хладнокровия. Замер скалой. — И говори нормально.

Однако Брока словно зациклило на самоповтор. Он только и мог, что с ненавистью исторгать из себя две ранее сказанные буквы, образующие простенькое местоимение. Раскраснелся, хрипит. Как бы до нервного припадка не дошло.

Рискнул вмешаться.

— Отойди, — я с силой толкнул в плечо Сквоча. — Вы ещё подеритесь!

Моё вмешательство возымело действие. Ежи словно очнулся, едва перед ним исчезла физиономия неуступчивого критика.

Откашлялся, потрогал пальцами покрасневшую шею, после скулу. Отдёрнул их, будто обжёгся.

— Простите, парни. Сорвался, — глухо покаялся он, уставившись вниз. — Перенервничал. У меня с поиском, где деньгами разжиться, мозги совсем вывихнулись. По ночам спать толком не могу — всё думаю, размышляю. Короче, самозагнался я.

К огромному удивлению, обычно чёрствый бесфамильный проявил сострадание. Подойдя к ушастому, он приобнял его за плечи и принялся успокаивать:

— Я не отказываюсь. Ты не думай... Куда я без тебя? С белобрысым — твоя тема, новое жильё нам ты нашёл, новый план — опять, твоя разработка. Я не то хотел сказать... — утешать у него получалось плохо, но Сквоч очень старался. — Мне кажется, для начала желательно всё как следует разузнать, а уж потом определяться — связываться с этой тёткой или нет. В конце концов, на этой планете мы никого не знаем, никому ничего не должны и плевать на их отношения между собой. Прибор я клал на её крышу и связи... Короче, — ввернул он слово-паразит, присущее ему в минуты волнения, — я про осторожность хотел сказать. Чтобы поаккуратней... Так-то мне глубоко начхать, ростовщицеством та баба

зарабатывает или в цирке выступает вместо дрессированной зверушки. Раз ты говоришь, что у неё есть деньги, я тебе верю. Будем придумывать, как их изъять.

Идиллическая складывалась картинка, аж приторно стало. Если сейчас и Ежи ответит в подобном стиле, с самопокаянием и человеческой трогательностью — не сблевануть бы.

Размякли товарищи. Разжижила их гражданка. Всепонимание, всепрощение... осталось поцеловаться по здешнему обычаю.

В губы.

Взасос.

Не буду ничего на нервы списывать. Лучше встряхну.

— Плакать будете?! Обниматься?! Друг дружку за жопки нежно держать? Нет?! Тогда прекращайте мелодраму разыгрывать! Если память подводит — напомню — у нас денег ни на что не хватает; мне и Сквочу некуда идти, а вечер не за горами. На пляже больше ночи не продержимся. В два счёта примелькаемся всяким любителям поздних купаний или на патруль нарвёмся.

Каждое моё слово будто пробуждало вставших в мнительность парней к жизни. Возвращало из замаячившего небытия привычных солдат Федерации, пусть и не героев, но уж чуждых сантиментам, циничных подчинённых сержанта Бо Мида — точно.

— Пошёл на хер! — агрессивно щерясь, хохотнул Брок.

— И дальше, и глубже, и сильнее! — перевирая и текст, и мотив, исполнил понравившуюся песенку бесфамильный, отстраняясь от лопоухого и поворачиваясь ко мне. — Бездушная ты скотина, Вит.

Угу. Ещё какая!

— Ежи! Фото этой дамочки у тебя есть? Хочу взглянуть, на что там старпёр клюнул?

У покойного чинуши вкус имелся.

Его избранница, несмотря на прошлую ипостась, выглядела рафинированной аристократкой и потомственной светской львицей, даром что лопоухий продемонстрировал нам и иные её изображения, во всяких позах. И в одежде, и без.

Последние заинтересовали очень.

А как по-другому? Посмотреть там было на что. Юная, холёная, развратная, запоминающаяся, волосы — шикарным водопадом по самые бёдра. На половине снимков запечатлена с огромным леденцом на палочке, используемым на пределе эротического искусства.

Бесфамильный аж сглотнул, пожирая взглядом картинку на планшете.

— Я бы её...

— Этим фоткам около шестнадцати лет, — Ежи попробовал охладить пыл товарища. — Теперь она... — палец мазнул по экрану, перемещая красавицу в наши дни.

Лучше бы он этого не делал. Изображение, явно прибережённое для кульминации, действовало будто магнит, парализуя волю; манило проработанной глубиной и заставляло отдать должное мастеру, его создавшему.

С дисплея на меня глядела та же самая особа, но какая!

Без единой морщинки, слегка усталая. она сидела на открытой террасе за кофейным столиком, подставляя всю себя ветру и заходящему солнышку. Ракурс фотограф подобрал идеальный — немного сбоку и снизу, отчего появлялся эффект воздушности, будто малейшее дуновение вот-вот подхватит прелестницу и вознесёт на небеса, где ей самое

место.

И сидящая, вроде как, раздумывает: остаться тут, с угловатым, неотёсанным миром людей или отправиться туда, ввысь, где её, без сомнения, давно заждались.

— Лилли Космаль, — с придыханием представил даму Ежи.

— Лилит, — вторил очарованный бесфамильный, то ли умышленно, то ли случайно проводя аналогию с библейским персонажем.

Получилось знаково.

— Красивая, правда?

— А...э... Великолепная. Ты её вживую видел?

— Пару часов назад. Фото не врёт.

Я ничего не сказал, продолжая всматриваться в экран планшета и сравнивая ту, обнажённую Лилли с этой.

Казалось, время над ней не властно и всех изменений — девичью округлость щёчек сменила утончённая элегантность практически идеального лица, присущего, скорее, богине, чем живой женщине. Ну и взгляд превратился из подросткового, непокорно-призывающего в ласково-гипнотизирующий, достающий до самого дна души.

... Тонкая, беззащитная шея, умышленно открытая убранными в витую причёску волосами, только добавляла потустороннего лоска, а почти незаметный мейкап умело подчёркивал всё, что нужно подчеркнуть и загадочно оттенял то, что требовалось по визажистскому искусству.

На спрятанные под лёгкую блузу сиськи я и не обратил внимания, зачарованно всматриваясь в бездонные очи незнакомки.

... Экран погас.

Сквоч натужно дышал, переживая увиденное.

Брок понимающе прятал девайс в рюкзак.

Я, с сожалением сбросив приятное наваждение, всерьёз колебался в верном выборе объекта для экспроприации, как изредка величал ограбления усатый дядька из передач моего детства.

— Такая цаца — и без мужика? — бесфамильный грубостью утихомиривал расшалившуюся фантазию.

— Вроде как да, — подтвердил лопухий. — Вроде как устала она от мачо и от богатых поклонников. Дочки ей вполне достаточно. На эту тему слухов нет. Совсем, — и присовокупил, с сочувствием. — Баб вам надо, парни. Гормоны в вас зашкаливают. На снимок уже броситься готовы.

— А кто-то про бордель упоминал! — Сквоч окончательно вернулся в привычное состояние беспардонного раздолбая. — Когда деньгами разживёмся... Мы с Витом — скромняжки. Нам и красота особенная не нужна. Лишь бы у шлюхи все причиндалы в относительном порядке содержались, и резина не заканчивалась.

Знайка замер, посветлел физиономией.

— Придумал! Попадалось мне тут... — ничего не объясняя, он торопливо натянул ранее снятую футболку, подхватил рюкзак и поспешил к входу на стадион, напоследок бросив. — Ждите! Я скоро!

Вот так всегда. Опять томиться в неизвестности.

Возвращаясь на брусья, я вскользь заметил:

— Вляпается Мелисса с нами. По самые гланды.

— Не твоего ума дело, — сослуживец примеривался к перекладине, задрал голову вверх. — Взрослый человек, пусть сама разбирается. — потом заговорил жёстко, как о давно решённом. — Самад! Не лезь! Не наноси добро, когда не просят!

Нутром осознавая всю правоту Сквоча, я никак не мог сломать внутри себя привитый воспитанием барьер, отделяющий ледяной цинизм от элементарной порядочности. Жалел толстуху. Ведь этот роман с Ежи — он быстротечный, как падающая звезда на небосклоне.

Совсем скоро закончится, оставив влюблённой женщине на прощанье лишь сплошные проблемы и, может быть, тёплые, с привкусом горечи, воспоминания.

Но... пусть её.

Всех не спасёшь и не убережёшь. Она сделала свой выбор.

Смекалистость лопухого оказалась выше всяких похвал. Вернувшись от уборщицы, он притащил бутылку минеральной воды и порадовал новым витком врождённой сообразительности — предложил пожить несколько дней в бюджетном кемпинге за городом, у реки.

Аренду домика на два номера оплатила Мелисса. Оказалось весьма недорого, тем более, расходы мы единогласно компенсировали из имеющегося нала.

— Смену отработает — и поедет, — молодежато информировал знайка. — Она выходные возьмёт. Отдохнём, развеемся. В бар ходим, может, и подцепите кого.

Предложение понравилось. После опостылевших тесных квартирок поваляться на песочке казалось пределом мечтаний, а уж выбраться вечером на свежий воздух, потолкаться среди людей — вообще сказкой.

— Лилли покажешь? — тихо спросил бесфамильный, блаженно лыбясь от грядущих перспектив. — Охота мне на неё полюбоваться.

— Легко. У её дочери занятия вот-вот закончатся. Выходить ребёнок будет через центральный вход — там парковка. Сами теннисные корты за футбольным полем находятся, туда не пустят без пропуска. Да и делать вам в тех краях нечего... Мамаши в кафе ждут, неподалёку. Когда детвора со стадиона высылет — они навстречу двинут. Высматривайте. Наша одета в светло-зелёное платье и такие же туфли на шпильках. Узнаете, ошибиться трудно... После, прошу, свалите в уголок поспокойней и продолжайте корчить из себя физкультурников. Здесь камер нет.

— С чего бы?

— Страховые с руководством стадиона лоббируют. Из экономии. Случись что — априори нарушение техники безопасности при недобросовестном использовании спортивных снарядов, и ни шиша не докажешь. А там хоть турником по черепу получил, хоть штанга придавила... Главное, перед копами не засветитесь. Они обычно спортплощадку игнорируют, но мало ли... — Брок подмигнул. — Я пошёл. До связи. Помогу Мелиссе смену пораньше закончить, чтобы до полуночи свалить. Если что...

— Постараемся предупредить, — обнадёжил я сослуживца, осознавая, по какому поводу он переживает. — И ни во что не вляпываться.

... Госпожу Космаль мы узнали мгновенно. Именно госпожу, в традиционном понимании этого слова, без всякого двойного дна. Минут через семь, после ухода лопухого, на площади перед стадионом показалась хрупкая женщина среднего роста, сопровождаемая подругами.

Все изысканные, все манерные, все важные, будто командиры на ежегодном строевом смотре. С нарядами тоже полный порядок — ничего магазинного, пошив от портных, сидят как влитые.

Но разница между основным бабьим стадом и девушкой из планшета всё же оказалась колоссальной — как между недотёпистым рядовым охраны маяка, в его ископаемом бронежилете с разболтанной М-35 и опытным штурмовым десантником Федерации при всём параде.

Её походка, да что там, любое её движение выпукло подчёркивало пропасть между Лилли и бредущими по бокам богатыми клушами, выглядящими на её фоне расфуфыренными поварами из третьесортной забегаловки. Промолчи Брок о старых снимках — тех, где она позирует в чём мать родила — ни за что бы не поверил в то, что такая... леди может сниматься для сетевых рукоблудов и раздвигать ноги по прейскуранту.

Впрочем, нужда заставит — и не такие номера отколешь. Я — пример. До греха дело не дошло, но... каждый из нищеты дорогу пробивает, как умеет.

Уважения к Лилли прибавилось. Превратить платную девицу в респектабельную даму, ввести её в общество, выдержать ядовитые уколы завистниц и неизбежные намёки на прошлое — титанический, нереальный труд.

А она — смогла.

... Не представляю, понимали ли прочие женщины, как смотрятся со стороны рядом с бывшей эскортницей, однако вели они себя по-свойски, словно закадычные подруги.

Хотя, сдаётся мне, понимали. Отдельные особы норовили ускорить шаг и, опередив товарок на полкорпуса, возглавить карликовую процессию встречающих мамаш, чтобы стать первой, самой важной, заставляя остальных подстраиваться под заданный темп.

Хватало порыва ненадолго. Через полтора десятка шагов дама «сдувалась» и осознавала, что её примитивные потуги навязать остальным свою волю остались безрезультатными, а сама она выглядит как бегущая впереди всех идиотка. Вот-вот в спину смешки понесутся.

... Каждая из покинувших кафе родительниц давно привыкла к подобным выкрутасам, отчего любые попытки продемонстрировать главенство нарывались на полное безразличие остальных. Да и попытки делались, скорее, по привычке, чем из-за настоящей тяги к лидерству.

А Лилли Космаль будто ничего не замечала. Шла себе неширокими, ограниченными узким платьем, шагами, мило улыбалась, что-то отвечала топающей рядом ширококостной тётке с неживой от пластических операций мордахой, почти к ней не поворачиваясь, и выглядывала дочь среди высыпающей со стадиона детворы.

Снимок не врал. Редкой красоты женщина. Располагающая. А я собрался её грабить.

Мелко, Вит. Мелко... Да пошла она! Мелиссу вон как легко списал, зато на красоту польстился! Истинное скотство. Толстуха нам помогала, рисковала, яичницей кормила, а я жалею смазливую проститутку, пусть и бывшую.

Оцепенение, вызванное влажными мечтами неискущённого солдатика, спало, отчего на душе стало значительно легче. У меня своя цель, важнее бабских прелестей, и Лилли — ступенька к ней.

Моргнул, снова посмотрел на женщину, ухмыльнулся. На этот раз она мне показалась просто эффектной дамой, без всякого божественного ореола. По сути, обычный человек, заслуживающий обычного отношения, без преклонений и оголтелого восторга.

... Меньше, чем через минуту к госпоже Космаль подбежала худосочная, нескладная

девчушка в лёгкой, спортивной одежде. Обняла, чмокнула в подставленную щеку, произнесла несколько неслышных из-за расстояния слов.

Мать обняла дочурку в ответ.

После, отстранившись, она кивками попрощалась с разбирающими детей подругами и, привычно держа осанку, проследовала к парковке, где исчезла из поля зрения среди машин на самый разный кошелёк.

Восхищённо цокнув языком вслед Лилли, бесфамильный сердито объявил:

— Нет, Самад! Ты как хочешь, а у меня от таких милашек трусы рвутся. И с этим надо что-то делать. Иначе помру. Или водички нашей, успокоительной, дайте.

Я только и смог, что поёжиться от перенесённого стресса. Сам хотел того же. Как по заказу, краем глаза заметил штангу, закреплённую на стальных направляющих и использующую вместо привычных блинов наборной противовес.

— Вдвоём сдохнем. Пошли, железо потягаем. Разгоним дурь...

... Небесные силы, наконец-то, соизволили вспомнить о троице беспокойных рядовых и послали им сказочный подарок, словно в награду за перенесённые тяжести и лишения.

Мы попали в рай...

По-другому я не могу назвать бедненькую, но обширную территорию с разбросанными там и сям щитовыми домиками, площадками для барбекю да редкими фонарями уличного освещения, являющимися в моём понимании лишь скромным дополнением к расположенной в конце главной аллеи барной стойке с примыкающим к ней танцполом, на котором...

Девушки, парни, музыка, мерцающий свет; скучноватый человек за пультом, то объявляющий конкурс с мелкими призами типа бесплатного шота(*), то пытающийся несмешно юморить; переизбыток обнажённых частей тел, смех, веселье, экстаз, загорелые ягодицы, движение, драйв, свист, возгласы, молодость, фонтан эмоций, пронизанный энергией воздух, обтягивающие топы, помада, озорные отблески в зрачках... и всё это под подсвеченным баннером:

«Ежегодная вечеринка студенческого братства города Уккрау-сити рада всем.

Присоединяйся и веселись!»

— О...э... — заикаясь, скрипел бесфамильный, завидев этот праздник жизни.

Наверняка товарищ хотел завернуть что-то этакое, заковыристое, из армейского матерного, однако, из-за переизбытка впечатлений, его хватило только на нечленораздельное бляение. Я просто пускал слюни, едва успевая их сглатывать.

Как вытерпели, пока ушастый со своей пассией получают ключи от домика, разберутся, куда идти и нудно начнут распаковывать незамысловатое барахло — не помню.

Мельком взглянув на номер нашего нового жилья, написанный ради удобства подгулявших посетителей фосфоресцирующей краской в половину стены, я дал нацепить себе на запястье оранжевый браслетик клиента и, дрожа от нетерпения, выслушал короткий инструктаж от Ежи.

— В баре браслетами расплатитесь. У каждого на местном счету по двести марок. Погулять хватит. Кредиты в номере оставьте.

— Ага! — Сквоч аж приплясывал от нетерпения. — Мы пошли?!

— Удачно развлечёшься! — закончил Брок, поворачиваясь к уборщице. На его морде в открытую читалось снисходительное сочувствие старшего брата к младшим, идущим на

первое, в их бестолковом существовании, свидание.

Нас будто ураганом сдуло.

А дальше было

Всё...

... Рассвет застал меня на пляже в компании сочной, упругой девчонки без комплексов и всегда готовой к новым экспериментам. Её имя напрочь выпало из памяти, ранее оглушённой простенькими коктейлями и потоками выброшенных гормонов.

Она тоже плохо помнила, как меня зовут, поэтому обращалась запросто: «Кобелёк». Я отвечал не менее нежно: «Сучка», и ей это нравилось.

Закончив очередной «подход» и заработав сначала стоны с ноготками пониже спины, а потом жгучий, благодарный поцелуй, отвалился вбок, с наслаждением вытянул ноги и, приподнявшись на локтях, повертел головой.

Ушедшая на покой тьма явила разбросанные тут и там тела. Некоторые продолжали сплетаться, некоторые отдыхали после взаимных нагузов. Кто-то просто спал.

Никто никого не стеснялся, демонстрируя гибкость местной морали вкупе с известным юношеским пофигизмом.

Куда подевался бесфамильный — я не представлял. В последний раз видел его, расхристанного, на кураже, в компании двух разбитных девиц, по очереди трясущих попками у паха сослуживца.

Душевно трясли, надо признать. Мне понравилось, а уж Сквочу...

Надеюсь, боевой товарищ не окончательно пропал в урагане удовольствий.

Просадили мы вчера, кстати, мало. Студенческое братство, да не исчезнет оно в веках, активно окучивало спонсорскую помощь от повзрослевших выпускников колледжей, потому три вида напитков — виски, текила и что-то похожее на «Кровавую Мэри», предоставлялись всем желающим бесплатно. Многие отрывались на халявном бухле по полной, предпочитая рюмки танцам. По этой причине возле барной стойки крутилось довольно много народу. В подавляющем большинстве — парни, за что я им был безмерно благодарен. Пусть пьют, мне больше девушек достанется.

За хмелеющими дебоширами следила охрана кемпинга — обычные молодые люди, только трезвые и с ярко-салатовыми повязками на рубашках, отличающих их от остальной массы. Намечающиеся конфликты они пресекали вежливо, но жёстко, а хвативших лишку уводили куда-то в темноту.

Я поначалу не усердствовал. Пропустил дармовую рюмашку, и рванул в гущу танцующих. К призывно манящим студенткам. А там понеслось...

— Кобелёк! — позвала меня эта... как её...

Так и не припомнив, ограничился улыбкой.

— Я весь внимание.

— Я хочу, — губки бантиком, пальчик поигрывает пропесоченным от ночной акробатики локоном.

— Сверху, снизу, развернуть? — сил во мне оставалось ещё ого-го!

— Сока.

— Конечно. Мигом принесу.

Где находится бар — я не забыл. Через пляж, потом по аллейке, повернуть вправо...

Пакеты с соком и негазированной водой выставлены на стойке, бармена нет, полки с бутылками закрыты.

Какая забота о похмельных студиях!

Прихватив пару стаканов апельсинового — один себе, один ей — отправился назад, прихлёбывая тёплый, вкусный напиток и предвкушая приятное времяпрепровождение.

Вот только меня никто не ждал.

Причину понял сразу. «Сучка» не знала, как удобнее, без лишнего пустозвонства о «любви до гроба», расстаться, потому предпочла примитивный приём — смыться, не прощаясь. Ну и попутно оставить в наших несостоявшихся отношениях ореол таинственности, как в романтических пьесах. Куда ж без этого.

По простому — развлеклись и разбежались.

Почему-то не расстроился. Сам подумывал, как свалить, правда, попозже. Да и неудобно обезличено обращаться к той, кого половину ночи как только не вертел в интимной близости.

Ушла и ушла.

Допил сок, поглядел на реку, на рассасывающих по номерам помятых любовников, на коллег Мелиссы, бредущих с дальнего конца пляжа и собирающих в большие мусорные мешки использованную резину, ошметки упаковок да позабытые лифчики со шнурочками бикини.

Пора в домик. А там в душ, и спать. Завтракать не хочу.

Сквоч притащился ближе к обеду, разбудив меня своей вознёй. Поцарапанный, на шее — следы зубов, рожа благодатная, почти как у рекламного мальчика с шоколадкой.

— Привет, — поздоровался он заплетающимся языком, приваливаясь к стене. — Отдыхаешь?

— Заслуженно. — почему-то захотелось похвастаться бурной ночью.

— Пра-авильно, — сослуживец тянул слова, напоминая вусмерть обдолбанного травкой неформала. — И я отдохну.

Где его носило? Или хватанул запретного? Или смешивал всё со всем?

Скорее, последнее. На мертвецки пьяного не похож, на принявшего мощную наркоту тоже. Этаким гибридом из лёгких веществ.

Силён. Меня бы вырубил.

— Тоже устал?

— Еле дошёл. Вымотали они меня. Досуха. И подружку звали... Самад, теперь я знаю как надо молиться... Искренне, от чистого сердца. И воздастся.

— Молиться о чём? — не понял я выданной бесфамильным религиозной белиберды.

— О бабах.

— Ну и просьбишки у тебя к Господу нашему...

— Зато честные. А он правду любит.

Дальше разговор не клеился. Сквоч, не раздеваясь, упал на свою кровать и отключился, продолжая светиться счастьем даже во сне. Из кармана его джинсов невинно выглядывала распечатанная упаковка презервативов.

Интересно, какая по счёту?

Шумный Брок ввалился в гости через пару часов. Сытый, ладный, разительнс

контрастирующий с нашими опухшими личностями.

— Подъём, раздолбай!

— Чего тебе? — разбуженный бесфамильный радушием не отличался.

— Работать пошли.

— Куда?

Мы оба откровенно тупили, не понимая, на что намекает лопухий.

— Где стоит кемпинг? — начал он с простенького вопроса, давая нам возможность плавно включить мозги.

— На земле.

— У воды, придурки. А дом мисс Космаль где стоит?

— Тоже на земле, — ради смеху ответил я, чтобы позлить Ежи. Не люблю, когда как с маленьким разговаривают.

— Тебе, Вит, в президентское кресло пора перебираться, — вернул подначку тот. — Ума в тебе — девать некуда.

Нашу пикировку прервал Сквоч. Потирая виски, он попросил:

— Вит, Брок, заканчивайте словоблудие. Башка трещит... Ох, и дал я... Река в городе единственная?

— Соображаешь. Дом Лилли в семнадцати километрах отсюда. Предлагаю на разведку сгонять. Осмотреться. Водобоязнию кто-то страдает?

— Не-а...

— Тогда катер арендуем. Расплатимся из общих денег. Посмотрим с реки на имение. Рекогносцировку сделаем.

— Только таблетку дайте. Обезболивающую.

(*) Шот — от англ. shot. Коктейли объемом 40–60 мл (английский стандарт 45 мл), или небольшие стопки, в которых готовят выпивку «на один глоток».

Глава 13

Таблетка от головы нашлась у запасливой Мелиссы. Сквоч, угрюмо закинув в себя пилюлю и запив её изрядной порцией воды, самоустранился от подготовки к разведмероприятию, понуро сидя на кровати и дожидаясь, когда позовут.

Мы его не трогали. Выглядел бесфамильный жалким, изнурённым, будто марш-бросок пробежал в полной выкладке. Постоянно потел, утираясь полотенцем, и изредка сглатывал, сдерживая рвотные позывы.

Что он с чем смешивал на студенческом празднике — я не интересовался, однако подозревал, что в отрыв с резьбы товарищ сорвался похлеще меня. Теперь вот расплачивается за удовольствия.

— Может, приляжешь? — моё очерствевшее сердце не выдержало вида согбенной, трагической фигуры.

— Боюсь. Кружить начинает. А в горле ком встаёт и в желудке тяжесть. Ну его... посижу. Немного отдышусь — и в душ.

Дальше изображать заботливую мамочку я не стал. Сквоч — взрослый человек. Пусть сам решает, что для него лучше.

В дверях снова появился Ежи, ранее сваливший договариваться об аренде лодки и прочих житейских мелочах. Поставил на столик у окна распираемый неизвестным содержимым пакет, без сочувствия взглянул на бесфамильного.

— Тут продукты. У нас номера эконо, корм не предусмотрен. Придётся жрать то, что в магазинчике от администрации купил. Батончики, консервированное мясо, лапша быстрого приготовления, копчёные колбаски, немного хлеба, минеральная вода. Разберётесь.

При упоминании о харчах наш страдалец позеленел, а потом поспешил в санузел, где принялся развлекаться пуганием унитаза. Я же, напротив, вполне себе отошёл от бурной ноченьки и с жадностью запустил обе руки в пакет, доставая гладкие на ощупь упаковки и раскладывая их на столешнице.

Остановился на батончике с нугой и шоколадной глазурью. Содрал обёртку, впился в приторно-сладкую массу зубами, памятуя о том, что с похмелья глюкоза с производными, как правило, полезна и энергетическая ценность в них зашкаливает.

— Спасибо.

— На здоровье, — рассеянно принял благодарность лопухий, скрестил руки на груди и, с неудовольствием, кивнул в сторону двери санузла.

— Может, оставим? На реке качка. Заблует ещё лодку.

— Только попробуй! — возмущённо донеслось из туалета. — Я тоже прокатиться хочу!

— Загадишь — будешь сам отмывать, — предупредил Брок, из вредности демонстрируя средний палец в сторону сослуживца, хамовато закончив. — Жду на пирсе.

И ушёл.

— Раскомандовался, — досадливо заметил бесфамильный, выходя из санузла. Пока я набивал живот, перейдя с батончика на продукты посущественнее, он успел почистить зубы, наскоро ополоснуться и теперь смотрелся относительно свежо. — Много воли взял.

В глубине души я согласился с товарищем — Брок начинал зарываться; путать, кто есть кто.

... Организация службы на маяке теоретически предполагала разбивку взвода на отделения с командирами и замами, но на практике сержант отлично управлялся со всей этой кухней в одиночку.

Поговаривали, такое несоответствие армейским уставам обуславливалось элементарной экономией. Подразделение, состоящее сплошь из солдат первого года службы, считалось частично учебным, поэтому доплаты, положенные за командное беспокойство, выдавать никто не желал. Ограничивались денежными надбавками Бо Миду, и это всех устраивало.

Сержант увеличивал своё, не самое большое, жалование; военная казна, исторгнув из крючковатых недр соответствующие приказы точечного действия, берегла финансы для очередной растраты...

Так что руководящего опыта Ежи не имел и иметь не мог. Однако это не мешало ему всё чаще разговаривать с нами, как с подчинёнными, выставляя собственное мнение единственно правильным и доводить его в приказном тоне.

На открытую конфронтацию ушастый пока не решался — он был слишком умён для этого, однако брошенное напоследок, безапелляционное: «Жду на пирсе» до сих пор висело в воздухе и конкретно действовало на нервы.

И я, и бесфамильный, конечно, признавали авторитет Брока по многим вопросам, но... в генералы не назначали.

— Перебесится, — я попытался сгладить назревающий конфликт хотя бы на время. — Он же в дипломаты метит, значит, не дурак. Поймёт, что с людьми мягче надо. Это основа всех переговоров.

— После вранья, — Сквоч взял минеральную воду, сделал несколько основательных глотков. — Все дипломаты врут. Как и чиновники. Работа такая.

— Не обостряй. При нынешних раскладах ему пользы от уборщицы больше, чем от нас. Бесплезны мы, обуза для него. Соображаешь?

Неопределённо-печальное, горловое «Гы» обозначило, что товарищ уловил логическую нить и смиряется с судьбой. Почти:

— Тёмную бы ему сделать...

— Забей. Как раз сегодня Брока можно понять. Мы с девушками куролесили, а он шарил. В обязательном порядке.

Въехав в аллегию, Сквоч расхохотался, повеселел:

— Смешно, а, главное, в цель... Выходим?

Старенькая лодка, с упрятым под защитный кожух подвесным электромотором и потёртым штурвалом, ждала нас у небольшого причала, рядом с другими, тесно пришвартованными плавсредствами на самый разный вкус. Преобладали любительские, вёсельные скорлупки, однако имелись и катамараны, и даже яхточка с высокой мачтой и солидным, убраным парусом.

Припекало...

Мелисса, наряженная по случаю путешествия в купальник, прикрытый полупрозрачным парео, уже с комфортом разместилась на заднем диванчике, закинув полные ноги на борт. Голову украшает широкополая пляжная шляпа, на лице — солнцезащитные очки с большими стёклами. Вся из себя томная.

Ни дать, ни взять — истинная курортница, милостиво согласившаяся на лёгкую прогулку и, уж так и быть, готовая получать удовольствие и придирчиво оценивать предлагаемый сервис.

По пояс раздетый Ежи занял капитанское кресло и разбирался с управлением, изредка заглядывая в пластиковый, непромокаемый буклет инструкции.

— Грузитесь.

Наше появление женщина встретила с прохладцей, лениво обозначив приветствие. Я не в претензии. У тётки сейчас почти медовый месяц, обезображенный дополнением в виде нас. Кому такое понравится? Ей, наверняка, охота романтики, страсти, пенных брызг на фоне заката, а тут мы со Сквочем, вместо всего этого великолепия.

Дрянъ замена.

Изобразив радушную улыбку, перебрался на судёнышко. Бесфамильный прыгнул следом, да так умело, что лодка даже не качнулась. Однако, удивил...

Не присаживаясь, он сноровисто снял швартовый конец с причальной тумбы, быстрыми движениями смотал его в бухту, затем, поискав глазами куда бы её деть и не найдя ничего лучшего, повесил на крюк, торчавший из борта, после чего развернулся и шутовски вытянувшись, воскликнул:

— Господин капитан! По местам стою, со швартовых снялся!

... Моряк из лопухого оказался так себе. Состроив важную мину, Ежи ограничился сухопутным: «Вольно» и дал задний ход, выводя плавсредство на открытую воду.

Через несколько минут, после пробного, шаткого рысканья вдоль берега, ушастый полностью освоился с управлением и уверенно пошёл вперёд, давая нам всем наслаждаться видами.

Река, словно стыдливая девушка на первом свидании, вела себя смирно и расслабляла безветрием.

По сторонам потянулись пляжи, кемпинги, заполненные домами на колёсах трейлерные парки с массивными солнечными батареями по периметру. Регулярно мелькали люди с рыбацкими снастями, развалившиеся в креслах и безмятежно гипнотизирующие поплавки. Пирсы сменяли пляжи, уютными гнёздышками торчали плавучие беседки, а кое-где даже высились решётчатые ограждения, призванные не допускать посторонних куда-то, куда нельзя.

Кустарник вдоль береговой линии практически отсутствовал, а если и встречался, то рукотворный — породистый и подстриженный. Но вот деревьев... девасть некуда. В них утопало всё, что находилось дальше десятка метров от воды, здорово мешая полноценной рекогносцировке.

Навстречу, задрав нос, прошёл катер посolidнее, наградив нас лёгкой болтанкой. Частенько встречались лодчонки с загорающими или всё теми же рыбаками.

— Что видишь? — наклонившись к моему уху, поинтересовался Сквоч.

— Весь берег освоен. Диких подходов пока не наблюдаю. Везде всё чьё-то.

— А подъезды к воде заметил?

Я отрицательно помотал головой, но кое-какие намётки у меня имелись:

— Надо искать там, где трейлеры. Для них обязательно дороги нужны, много пустого места и обслуживающего персонала почти нет.

Бесфамильный переместился к Ежи, что-то ему сказал, поведя рукой в сторону берега. Тот подвигал челюстью, обдумывая, затем ткнул пальцем на валяющийся подле Мелиссы

рюкзак.

После некоторой возни с застёжками на свет появился планшет Брока. Только теперь дошло, что задумал сослуживец — предварительно отметить наиболее удобные для выхода на берег места, пользуясь топографическим сервисом сети. Свои девайсы мы в номере оставили, вот он и воспользовался запасливостью ушастого.

Заполучив желаемое, Сквоч моментально погрузился в поиск необходимой информации, застучав пальцами по тачскрину, а я продолжил интересоваться окрестностями.

Пейзажи понемногу сменились на более монументальные, переходя из коллективных, со множеством отдыхающих, к более обособленным. Вдобавок, плавсредств на реке значительно поубавилось.

Перед нами, по обеим сторонам водного потока, выросли частные усадьбы различной этажности и пафосности, расцветок и материалов, выполненные в самых разнообразных стилях — от вечной классики до авангардного деконструктивизма.

Что интересно, при всей их непохожести, имелись у особнячков и общие признаки: добротность, качество в каждом квадратном метре любой постройки; обширные, ухоженные территории вокруг строений; удобные спуски к воде и крупные, видимые издали знаки, запрещающие причаливание, постановку на якорь и уведомляющие всех и каждого, что тут — частная собственность, защищённая законом.

— Подходим! — бросил Ежи. — По правую сторону высматривайте. Двухэтажный дом из тёмно-красного кирпича.

— Уверен? — я не понимал, как лопухий пришёл к такому выводу.

— Я спутниковую карту лучше собственного имени выучил. Не собьюсь.

— Давай навигатор включим? Для надёжности.

— Не тот случай. Адрес не покажет. Только общие названия. Не любят богатые излишнего интереса к их персонам... Приготовились! Мелисса!

Расслабленная женщина, придерживая шляпу рукой, повернула короткую, пухлую шею.

— Оно.

— Видео сделай — обратился он к уткнувшемуся в девайс бесфамильному.

Подобравшийся Сквоч навёл планшет на берег, открыл вкладку камеры и щёлкнул по нужной иконке. Делал он это от пояса, не стремясь поймать фокус, но искоса наблюдая, чтобы глазок камеры фиксировал то, что нужно.

Со стороны посмотреть — парень просто держит электронную игрушку, не зная, куда положить.

Сбрасывать скорость ушастый не стал.

Требуемый дом, изумлявший основательно-утончённой архитектурой, напоминающей староанглийскую, уютно расположился на краю внушительной, спускающейся к воде, лужайки. Деревьев мало — хозяйка предпочитала свет и открытость. За домом, то есть перед нами — воздушная белая беседка, рядом — художественно разбросанные серые, почему-то замшелые, валуны. И это на солнце! Ниже — спортплощадка с девичьим уклоном: сетка с мячами разных размеров, балетный станок, беговая дорожка, на высокой пирамидальной стойке лёгкие гантели и обручи. И везде клумбы — ухоженные, пёстрые, поражающие разнообразием и количеством цветов.

Ещё ниже — я не поверил своим глазам — набережная! С парапетом, с фонарями, со скамеечкой для приятного отдыха и душевных бесед. Ничего лишнего. По сравнению с

другими владениями, набережная здесь была гораздо выше остальных — более метра над уровнем воды. Не поскупилась Лилли — бетона налила изрядно.

Пирс отсутствует, вместо него — отделанные камнем ступеньки с перилами, уходящие прямо в воду.

Взгляд вернулся к дому.

Окон — по шесть на этаже. Двери стеклянные, разделённые на секции, как бы под старину. Сбоку плохо проглядываемая парковка. Машина отсутствует, вместо неё — брошенный велосипед. Ребёнок забыл?

В мозгах что-то щёлкнуло. Площадь имения помножилась на человекочасы по её содержанию в подобающем виде, а размеры жилья наложились на количество горничных, требуемых для наведения порядка и смахивания пыли.

Попутно вспомнились обстоятельства знакомства Мелиссы с хозяйкой дома. Тогда, для борьбы с последствиями вечеринки, потребовалась клининговая компания или рукастая тётка с опытом, но с тех пор прошло четыре года. Финансовые возможности мисс Космаль вполне могли подрасти, а услуга из приходящей по требованию переключать в постоянную.

Кушать же хозяйке кто-то готовит? Деточке сопли вытирает?..

Сильно сомневаюсь, что все эти почётные обязанности Лилли выполняет лично. Там — дама, со всеми вытекающими. Ей более пристало повелевать и отчитывать, чем в переднике у плиты крутиться.

— Сними дом покрупнее, — попросил я бесфамильного. — Возможно, в окнах кто-то мелькнёт. Такую хреновину в одиночку обслуживать нереально.

— Делаю.

На манипуляции Сквоча с планшетом я не смотрел. Дом вместе с цветниками и спортплощадкой исчезал из поля зрения, переходя в другой, отличающийся и по компоновке, и по предпочтениям владельцев, участок.

Напоследок попытался зафиксировать в памяти увиденные подробности: дом, беседка, камни, цветник, трава, набережная, парапет, спортплощадка ступеньки, окна, стойка с гантелями и обручами... Стоп!

Стойка. Единственное место, способное, в силу своей конфигурации, предоставить какое-никакое укрытие человеку, а может и двум, на открытом участке. Надо признать, только со стороны жилья, но это мелочи. Особенно в сумерках. Беседка не в счёт.

Ламп подсветки я не заметил, но они есть. Обязательно должны быть! И водная кромка тоже наверняка ночью освещается лучше, чем днём. Решётки, как и прочие видимые преграды, отсутствуют, однако... защита имеется. Иначе давно бы ростовщица с доченькой по миру пошли. Не мы одни такие умные — с реки заходить.

Толковая мысль выскочила сама:

— Ежи! Предлагаю вернуться сюда в сумерках. Посмотреть, что тут и как вечером.

— Согласен, — отозвался он. — Дойдём до городского пляжа, развернёмся, и назад.

— Ты у нас капитан. Постарайся подгадать, чтобы мы не очутились здесь совсем ночью.

И на полицейские катера посматривай.

... По мере приближения к городской черте река становилась всё более людной, если данный термин вообще применим к заполонившим водную гладь байдарочникам, каякерам, парусным серфингистам и поклонникам надувных матрацев. Вдали показался прогулочный кораблик, переливающийся пришилленными по надстройкам гирляндами и разноцветными

флажками.

Празднует кто-то.

Сверившись с вмонтированными в панель управления часами, лопухий сбавил ход и подвёл нашу лодку к берегу.

— Искупаемся, отдохнём с полчасика. Назад рановато.

Возражений не последовало.

На обратном пути рассмотрели усадьбу Космаль при фонарях. Я не ошибся. Иллюминация впечатляла. Грамотно продуманные, незаметные с воды лампы гнали темноту в сторону реки, тактично не трогая дом и не мешая обитателям почивать в комфорте.

— С воды сложно, — заметил Сквоч. — На набережную только по лестнице можно подняться. Или крюки нужны, с верёвками.

— Видел, — буркнул я, истово жалея, что у нас нет оптических приборов. Да хоть самой завалящей детской подзорной трубы!

... Свет горел не во всех окнах — четыре на первом этаже, два на втором. Приглушённый, скованный портьерами. Что за ними — неизвестно. Придомовая территория просматривается полностью, мёртвые зоны отсутствуют.

Плохо.

— Тормозни, — попросил я лопухого. — Убавь скорость.

— Нельзя, — рыкнул он. — Впереди что-то есть. На встречном курсе.

— Сквоч, прыгни в воду. Типа, упал.

— На кой?

— Чем больше увидим, тем легче потом будет. Слишком быстро идём.

— Легко.

Замысел остался лишь на словах. Только бесфамильный собрался перевалиться через борт, как наше плавсредство выцепил мощный луч прожектора и зашарил по корпусу лодки.

— Полиция! Ровно сидим.

Луч замер на внушительной фигуре полулежащей уборщицы, заставив ту поморщиться. После потух, явив габаритные огоньки крупного катера.

Разошлись без слов. Полицейские, а это оказались именно они, не заинтересовались нашей компанией. Да и с чего бы? Правил не нарушаем, трезвые, ведём себя культурно, песен не орём, положенная подсветка активна. Ежи постарался, не зря инструкцию штудировал.

Но вот дополнительные сомнения эта встреча посеяла. Правоохранители ведь не от нечего делать тут катаются, а патрулируют. Значит, есть график патруля, есть зона ответственности, есть определённые нормативы прибытия.

Как следствие — шанс нарваться на случайную проверку повышается.

А вот этого вообще не надо.

Ожидаемо передумавший купаться Сквоч сипло вздохнул, провожая взглядом полицейскую посудину. Ежи рулил, Мелисса недовольно фыркнула. Я продолжил изучение участка.

... Из дома на освещённый двор вышла женщина. Что это Лилли — догадался больше по фигуре — лодка уже прилично отошла от границ её имения. Одетая в длиннополый банный халат цвета первого снега, она неторопливо спустилась на персональную набережную, скрестив ладони перед собой и едва заметно оттопырив локти. Я повторил позу — тоже

сцепил руки в области грудной клетки.

Кружка! Именно так держат кружку, если любят исходящее от налитого кофе или чая тепло и греют ладошки. Вечерний променад? Вышла проветрить своё величество перед сном?

Фигурка в халате никуда не торопилась. Она вальяжно облокотилась на ограждение и изредка подносила руки к лицу — пила, стало быть. Так и стояла, пока совсем не скрылась за соседской оградой. Вроде бы и пустяк, но её выход сказал мне многое.

При уборщице ничего говорить не стал. Заскучав, терпеливо, молча досидел до причала, где уныло выбрался на берег, расстроившись от чопорной тишины в кемпинге. Баннер над баром убрали, музыка не играла, на аллеях — пусто. Праздник студенческого братства ограничился однодневной попойкой.

В принципе — здорово. Длительные молодёжные загулы до добра не доводят, но я бы не отказался продолжить. Девчонки там плясали зачётные...

Перед входом в номер я придержал Ежи.

— Зайди попозже.

Он всё понял, кивнул, и молча проглотил, когда Мелисса, капризно поджав губы, объявила, колюче уставившись на меня и непричастного Сквоча:

— Мы идём в бар, — а дальше нудно-плаксиво-тягуче-расстроено, как умеют только женщины, когда им что-то надо от неподатливого мужчины. — Ежи, ты обещал...

Рожа лопухого вызывала лишь сочувствие.

— Брок, освободишься поздно — буди, не стесняйся.

— Он сам разберётся, — снова влезла уборщица, не особо пряча наглый тон.

Захотелось бросить в ответ что-то резкое, ядовитое, такое, чтобы полная, щекастая физиономия ходячего недоразумения покрылась от негодования алыми пятнами, а обёрнутый салом организм затрясся на манер желе в виброрежиме. Или подойти и унижительно положить ей руку на макушку (рост вполне позволял), а после так же унижительно посоветовать заткнуться и подрасти для разговоров со старшими. Или...

Но я ничего не сделал. От толстухи зависело слишком многое, и она это знала. И я знал, и остальные парни. Вот и упивалась тётка моментом, всю пользуясь неожиданным приоритетом в нашей маленькой компании, копировала тех самых, богатеньких клуш из кафе, как она себе это понимала. Пробовала власть на вкус...

А ведь это только робкая попытка прощупать нас на прочность. Дальше хуже будет. Конфетно-букетный период и показное всепонимание подошли к концу, наступают суровые будни, в которых битва за персональное, семейное счастье — на первом месте. Мелисса и так слишком долго продержалась в милых и пушистых.

Торжественно блеснувшие, подведённые глазки подтвердили мою правоту.

Держись, ушастый. Начала с нас, продолжит с тобой.

— Зайду, — с ледяным взглядом и с доброй улыбкой на губах ответил мне Брок.

Не понравилось зайке поведение благоверной, или кто она ему... При всех унизила, выставив приоритетным собственное мнение перед мнением Ежи. И ситуацию подобрала подходящую. Вроде бы разговор о мелочи шёл — парни поболтать позвали, по-свойски, а зубки показала, заявила права на тельце и душу. Да и повода поскандалить, если разобраться, она не дала — в наши дела не вмешивалась, с указаниями не лезла, ничего не просила и не требовала.

Но все всё поняли.

Распрошавшись, мы с бесфамильным зашли в номер и попадали на кровати. Есть не хотелось.

— Тебе Лилли жалко? — поинтересовался Сквоч, не поворачивая головы.

Равнодушно поинтересовался, словно о прошлогоднем дожде.

— Не очень.

— Почему?

— Деньги нужны. К тому же, не последнее хотим забрать.

— А если пришить придётся?

Что у него за мысли?

— Постараюсь обойтись без этого. Для чего спросил? — посчитав, что отбил, перешёл я в наступление.

— Настрой твой хочу понять. Всё-таки баба с ребёнком — это не обкуренный мужик. Есть разница.

— И? — я неопределённо намекнул, что жду продолжения.

— Уродство это. Днище. Не была бы она ростовщицей...

— Сквоч! Не трюнди! Если бы, да кабы... Она женщина! Хоть ростовщица, хоть нет! Давай без выкрутасов! Ты не лопухий, вокруг да около ходить... Я тоже ей зла не хочу! И ребёнку её! Ты не хуже меня понимаешь — так надо... Как говорит Ежи — предложи что-то лучше! — товарищ раздражённо «гыкнул», но промолчал. Пришлось спрашивать напрямую. — К чему эти сопли развёл?! Нервы потрепать?! И без того паскудно...

— К тому, что дом богатый. По-всякому повернуться может. Если что — я бабу и ребёнка валить не буду. И похищать тоже. Запомни.

Я, признаться, охренел:

— Ты меня в киллеры назначил? Или Брока? Я о таком и не думал...

— Плохо. Налёт — штука опасная, непредсказуемая... Но... я сказал. И лопухому скажу. Чтобы без недомолвок.

Общаться расхотелось. Тоже мне, нашёлся рыцарь с высокими моральными принципами. Все в дерьме, а он весь в белом. Чистюля, мать его... будто мы с Ежи только тем и занимаемся, что людям глотки режем. А как же! С утра встанем — пока никого не пришьём — и в туалет сходить не в состоянии. К обеду ещё по десятку трупов. Младенцы обязательны. Под ужин — соревнование объявляем маньяческое.

Похищаем же пачками. Всех. Взрослых, детей — к чему мелочиться?

Ну и бред!

Злость на сослуживца исподволь сменила усталость, плавно перекочевавшая в тяжёлый сон без сновидений.

... — С суши не подойти. С реки — тоже.

Я знал, о чём говорил. Брок, навестивший нас ближе к обеду, на вопрос о том, почему вчера не зашёл, отделался вымученной улыбкой и невнятным бубнёжом о повышенной занятости.

Понятно. Мелисса, всеми правдами и неправдами, сознательно подле себя удерживала. Побеждала в необъявленной войне бабьего эгоизма с дружками выбранного мужика. Укрощала избранничка, начиная понемногу лепить лопухого под себя. Вот паразитка!

— Почему? — Сквоч, морща лоб, в очередной раз пересматривал раскадровку снятого вчера видеоролика.

— Система сигнализации не даст. Я прошерстил первую десятку выданных поисковиком сайтов по охранным услугам, изучил спектр их предложений. Краткий вывод — с воды не пройдем. Сигналка сработает. Наиболее распространенный вариант — по всему участку размещен комплекс датчиков, распознающих владельца и определенных им лиц по ID. Они по территории передвигаются без проблем. Остальным же требуется разрешение на пребывание от хозяев, иначе примчится охранный фирму и почки отобьет. Допускаю так же систему распознавания рыл на входах в дом и воротах.

Внимательно слушающий Ежи, прошёлся по номеру, запустил пальцы в отрастающие волосы, будто хотел их вырвать.

— Вит! На что ещё можем нарваться?

Мне оставалось лишь пожать плечами. Организации, специализирующиеся на защите от стороннего посягательства, предлагали варианты на любой вкус, только плати. Хоть крепость соберут, хоть банковское хранилище в девять этажей. Нашпигуют камерами, датчиками, сенсорами, сканерами, контурами, да чем угодно!

С другой стороны, при здравом размышлении, вся эта высокотехнологичная лабуда Лилли Космаль не нужна. Тряслась бы она за жизнь круглосуточно — поселилась бы в закрытой высотке, раскошелившись на отдельный лифт и профессионального телохранителя.

Она же дочку на стадион сама возит...

— Надо с хозяйкой усадьбы пообщаться, — главный аргумент лёг основательно, заставляя обоих товарищей призадуматься. — Последней. Наши чипы продублируют её персональный код, и мы сможем прогуляться от берега до дома без эксцессов. Охранный система примет за своих. Ей, вообще-то, до лампочки — одна женщина прошла или пять. Главное, чтобы все опознавались.

— Видеокамеры?! — напористо, уже что-то замышляя, поинтересовался Брок.

— Рискнём. Сама по себе запись не опасна.

— А если...

— Свалим. По реке.

— На лодке! С вёслами! — нетерпеливо вставил Сквоч. — От полицейского катера так и так не удрать, там движок с форсажем. А на какой-нибудь шлюпке на нас меньше внимания обратят. Наденем одинаковые футболки, типа спортивная команда на тренировке, эмблему придумаем. Нам всего-то надо добраться до ближайшего общественного подхода к воде. Я метки ставил.

— Смотрел, — оппонировал Ежи. — Не так всё гладко. Три километра против течения, почти четыре с половиной по ходу водички. Длинный посёлок.

Не желая сдаваться, бесфамильный насупился, углубился в подсчёты, помогая себе проговариванием цифр и доводов.

— Километров десять-двенадцать в час можно выдать, если приналечь. Ходить на вёслах вы не умеете... Угу!.. Лодку можно взять относительно широкую, для устойчивости и грузоподъёмности... но яркую.

Стало интересно:

— Яркая лодка тебе зачем?

— Для маскировки. Люди на берегу сплошь богатые живут. Надувная дешёвка, причалившая к ступенькам, скорее подозрения вызовет. А приличная спортивная лодка — наоборот, успокоит. Вознамерилась хозяйка с дочкой по реке поплавать — кто осудит? И

цвета модные будут, и оригинальненько.

— Грузоподъёмность — это прекрасно. Твоя посуда потянет три электровелика? — лопухий перешёл от общих формулировок к частностям. — Нам и по суше на чём-то отходить придётся.

— Нормальная — потянет. Смотреть надо...

— Смотри. С лодкой разобрались. Купим, погрузим на неё велики; место, где выйти на берег, найдём. Осталось понять, как подобраться к Лилли поближе, не привлекая внимания. Эта проблема и мне не давала покоя, но в несколько иной форме.

— Самое сложное не как подобраться, а как после того ограничить контакты чипа с окружающей средой. Радиус сканирования нашей служебной пуговки, — для вящей убедительности я щёлкнул себя по правому уху, — до полутора метров. Активность постоянная. Спустя пятнадцать минут она перепишет данные на новые, скопированные с первого попавшегося чудика. Вот только мы об этом узнаем в самый неподходящий момент.

— И что предлагаешь? Полтора метра туда, полтора сюда — всего три. В городе соблюдать такую социальную дистанцию не получится. Тесно.

— Действовать в открытую. Под вечер. Прилюдно. Неожиданно.

... Изложенный план, после конструктивной критики, получился до обидного примитивным и шатким, однако приятным в качестве базового. В нём к месту пришлась и разрисованная лодка, и наша троица, и навыки Сквоча, как он горячо заверял, работать вёслами...

В общем, никто ничего умнее придумать не смог.

Следующие несколько дней пронеслись быстрее поездки на русских горках(*).

Отправив толстуху домой, в четвёртый округ, мы сидели в сети, колесили вдоль берега на купленных электровелосипедах, разведывали все доступные подходы к воде, исследовали возможные пути отступления, запоминали, прикидывали, спорили, и снова двигались, попутно закупая через Мелиссу необходимые припасы, которые она привозила в удобный сквер на окраине.

Ночевали в тесноватой палатке, присмотрев лагерь «диких» туристов с минимальной оплатой за аренду клочка прибрежной земли и находящийся хрен знает где от города. Питались батончиками и печеньем.

Потолстеть не боялись. Велики перерабатывали все поглощённые калории, и даже больше.

Маскировка под велоспорт вообще оказалась действенной. Шлемы, очки, постоянно наклонённая голова, обтягивающая одежда прятали почище театрального грима, позволяя двигаться по шоссе на полных правах участников движения и забираться чуть ли не в центр Уккрау-сити.

За удовольствие, конечно, приходилось платить ноющими мышцами ног и затёкшей поясницей. При всех вспомогательных функциях в виде электропривода наш транспорт являлся прежде всего велосипедом с педалями и регулярно заставлял их использовать для подзарядки батарей.

... Оперативно найдя общий язык со зрителем лагеря, крайне пофигистичным и вечно сонным мужиком, за недорого арендовали одно из пустующих вспомогательных помещений с отдельным входом. Туда всё и стаскивали. Официально же рассказали о боязни лишиться любимого транспорта во время сна.

Мужик посомневался, по гостиничному заверил, что «в заведении» не воруют, но десятка кредитов мгновенно убедила его в том, что случается всякое и имуществу под замком как-то надёжнее.

Сложнее всего оказалось с приобретением лодки. Найти скоростную, трёхместную спортивную посудину — задача не из простых, да и с моторкой оказалось не всё так безоблачно. По здешним законам, любое плавсредство с использованием немускульной силы, подлежало обязательной регистрации с присвоением госномера. Брать в аренду — подставлять толстуху. Воровать — опасно.

Так что затея бесфамильного идти на вёсла оказалась единственно приемлемой.

Подходящий вариант обнаружился у старого чудака, проживавшего километрах в тридцати от реки и поначалу ни в какую не соглашавшегося принять оплату деньгами Федерации. Чудом уговорили, вместо торгов переплатили почти на четверть дороже изначальной цены, но оно того стоило.

Нам досталась пирога, в свои лучшие дни приспособленная под скаутские походы. Не новая, но крепенькая, корпус без трещин и латок. По бокам — затейливый узор в виде яркого орнамента и лёгкие, удобные вёсла. К лодке прилагались спасательные жилеты. Получив деньги, весьма довольный сделкой дед в качестве жеста доброй воли привёз её к лагерю.

Посоветовавшись, покупку решили не красить. Пирога и без наших художеств выглядела празднично.

В назначенный день, хорошенько выспавшись, мы погрузили всё наше барахло на борт и совершили учебный переход к исходной точке...

— Я себя идиотом чувствую, — пробормотал Ежи, как можно дальше отодвигаясь от щекочущей нос охапки цветов. — Что в них женщины находят? Листики, бутончики, постоят и завянут, а денег стоят — плакать хочется.

— Заботу. Внимание. Преклонение, — с натугой ответил я, ворочая весло.

Оказалось — грести, та ещё задачка. Спину с непривычки ломит, брызги норовят влететь в лодку и насквозь промочить одежду, а мерно отсчитывающий «раз — два» бесфамильный своей выносливостью напоминает злобного шутника, взявшего на слабо несмышлёного детинушку.

Ритм он задаёт... Издевается, сволочь!

— Мы на подходе! Приготовились!

Перестраховывается Брок. До имения Космаль ещё метров триста, не меньше. Впрочем, учитывая запрещающие знаки для всяких речных путешественников — можно приступать.

На лицо ложится заранее приготовленная маска популярнейшего на этой планете зверька Микки Мауса, пинок кроссовка включает переносной бумбокс.

Над водой разливается задушевная ария на певучем, изобилующим гласными, языке.

По бортам лодки играет огоньками светодиодная лента.

... Она вот-вот выйдет.

Мы, через день после разведплавания, снова арендовали лодку и прокатились мимо усадьбы с домом в староанглийском стиле. Выясняли: привычка у Лилли закат с кружечкой чего-то встречать, или она тогда случайно вышла?

Оказалось — привычка. Любила красавица постоять в одиночестве, отдохнуть от всех, любуясь закатом.

На то и рассчитывали. Ну и цветомузыка с песней на случай, если разминемся. Для привлечения внимания.

— Поднажмите, — командовал лопухий. — Идёт к реке.

Не оборачиваясь, он встал, вытянул перед собой букет и устроил его так, чтобы маска весёлого мышонка как бы выглядывала из цветов. Наверное, миленькая картинка получилась, мне со спины не видно.

— Госпожа Лилли! — перекрывая арию, торжественно провозгласил Брок, когда женщина спустилась к воде и с любопытством посматривала на нашу чудаковатую пирогу. — Разрешите припасть к вашим ногам и вручить этот великолепный букет от некоего поклонника, пожелавшего остаться инкогнито и доверившего сие важное действие скромному Микки.

До берега оставалось метров тридцать, и мы, не сговариваясь, подняли вёсла. Без разрешения приближаться нельзя — крику не оберёшься. Именно для этого и театр с букетом выдумали — чтобы поближе к хозяйке особнячка подобраться. А там Сквоч неловко вильнёт веслом, лодка стукнется о бетон набережной, прямо под ногами дамы Космаль, и чипы преспокойно сделают своё маскировочное дело.

Позже вернёмся (к сожалению, наши пуговицы настроены так, что новые параметры начинают использоваться не ранее, чем через пятнадцать минут), проберёмся в дом, поищем сейф... Мы же не настоящие преступники — насилия не желаем. Припугнём, разве что.

— Поклонника? — приятным голосом переспросила женщина, ставя кружку на столбик ограждения. — Скучно, мальчики. Не нужно стремиться меня поразить. Можете даже оплаченную программу не отыгрывать. Выбросьте цветы где-нибудь... Скажете, что доставили успешно. Если спросят — я подтверждаю.

Такого поворота не ожидал никто. Все мы почему-то считали, что для приличной женщины цветы — жутко важный предмет. А она — выбросьте!

Однако, при её красоте, вполне может статься, что Лилли действительно допекли назойливые мужики со всей этой бестолковой романтикой и она бы их век не видела, как и однообразные знаки внимания.

Другое радовало — студенческий праздник пошёл нам на пользу. Сброшенное физиологическое напряжение здорово помогало не заикаться и контролировать разум, глядя на несколько потускневшую от смывтой косметики, простоволосую женщину.

— Приглуши музыку, — тихо попросил бесфамильный. — Ничего не слышно.

Убрав громкость почти до минимума, я начал внутренне паниковать, почему-то стараясь не смотреть в сторону берега.

Вроде бы ничего страшного пока не произошло. Ну пошлёт она нас по известному адресу — уберёмся, только и всего. А боязно...

— Нам отчитаться надо, — расстроено сообщил несговорчивой особе Ежи. — Желательно, с фотофиксацией. Разрешите, мы на ступеньку букет положим, снимем и умотаем восвояси?

— Маску сними, — донеслось с берега.

Знайка послушно стянул пластиковую личину, положил её на скамью, явив врождённую лопухость во всей красе.

— Смешной. Ты и без маски Микки Маус. Хорошие чаевые пообещали?

— Не-а, — ушастый продолжил разыгрывать простачка. — Шеф сказал, что клиент

оплатил по полному прайсу, так что нам, разве что, бонус перепадёт, да и то по итогам месяца.

Ответ пришёлся хозяйке усадьбы по вкусу. Вспомнив что-то из своего бурного прошлого, она мечтательно ухмыльнулась, покровительственно взмахнула рукой. Широкий рукав халата, сопровождавший это движение, превращал обычный жест согласия во взмах крыла сказочной птицы.

— Подплывайте. — из кармана появился коммуникатор. Женщина потратила несколько секунд на какие-то манипуляции. — Поставишь букет на нижнюю ступеньку, снимешь и вали.

Про нас она даже не обмолвилась, считая чем-то вроде мебели.

Подгребал бесфамильный самостоятельно. Нарочно заходил по широкой дуге, стараясь двигаться параллельно береговой линии. Неторопливо двигал веслом, умело направляя нос плавсредства почти по краю уходящих в воду ступенек купальни.

В нужный момент затормозил, днище глухо стукнулось о камень отделки.

— Я ставлю? — вежливо осведомился Брок.

— Ставь, — разрешила Лилли, увлечённая питьём из кружки.

А дальше всё пошло наперекосяк. Лопухий, книжное существо, по недомыслию слишком сильно перегнулся через борт, стремясь положить букет выше уровня реки, качнул лодку, взвизгнул, и, потеряв равновесие, вывалился наружу. Мордой в мягкие бутоны, рассыпавшиеся по шероховатым ступенькам.

Не растерялся, попытался вскочить, остушился, снова упал, ещё более неудачно — из расквашенного носа показались капельки крови. Мокрый Брок, виновато улыбаясь, не нашёл ничего лучше, чем провозгласить:

— В букете — визитка! — и действительно, продемонстрировал золотистый прямоугольничек со стекающими с него каплями, доставшийся нам бесплатно в качестве дописка к букету. Там ещё надпись вензельками присутствует, кретински-обезличенная: «Люблю тебя, мой ангел».

С берега донёлся смех.

— Положи повыше, недотёпа...

— Как скажете, госпожа, — знайка изысканно поклонился, даже ножкой попытался шаркнуть несмотря на то, что стоял по щиколотку в воде.

Когда он разогнулся, то я обомлел: лопухий держал средних размеров револьвер, нацеленный в голову Лилли. Откуда? Где взял? Проглядывающие в каморах патроны недвусмысленно намекали на то, что игрушка может оказаться вполне боевой и способной наворотить дел.

Неуклюжее, растяпистое тело товарища превратилось в скоростной механизм, за мгновение ока перенесший его с низа лестницы практически вплотную к остолбеневшей эскортнице-ростовщице. Оружейный ствол усталился ей в живот.

— Госпожа Космаль! Давайте обойдёмся без глупостей, и никто не пострадает.

(*) Русские горки — в некоторых странах так называют аттракцион, более известный как «Американские горки»

У меня ещё только начинала отпадать нижняя челюсть, а мозг уже раскладывал недотёпистость Ежи по пунктикам.

Прошёл проверку на честность (не зря же госпожа Космаль уточняла о чаевых — похоже, что-то понимает в работе курьера. Припомнила из далёкой юности?); выклянчил право положить букет на ступеньки.

Убедился — сигнализация действительно имелась — манипуляции женщины с коммуникатором не остались незамеченными; нарочно упал, проверяя, отключена ли система безопасности и, попутно, перенёс тело из лодки поближе к берегу.

Снова упал, теперь уже растянувшись на половину лестницы и максимально допустимо приближаясь к цели.

Ослабляя напряжённость обстановки и притупляя бдительность внимательно следившей за ним хозяйки, включил режим «прощачка» удачно ввернув про визитку.

Добившись нужной реакции — смеха, перешёл в наступление, используя ситуацию на всю катушку и, одновременно, пуская под откос все наши планы.

... Изначально, при разработке операции, мы планировали обойтись с Лилли и её домочадцами мягко. А знайка одним махом всё испортил...

— Отдайте коммуникатор, — вежливо попросил Брок у изумлённой женщины. — Будьте любезны. И активируйте его.

— Что?!

— Я в вас выстрелю, — надавил он, для убедительности поведя стволом в направлении дамского подбородка. — Поверьте.

— Подавись, — средство связи, вспыхнув дисплеем, ткнулось в вовремя протянутую руку лопухого, а лицо хозяйки всего этого великолепия исказила яростно-брезгливая гримаса. Чуть подавшись вперёд, она впиалась гневным взглядом в Ежи и угрожающе прорычала. — Вы кто такие? Вы знаете, кто я, кто за мной стоит?!

От слов Космаль не пахло пустыми угрозами, призванными напугать или посеять сомнения. Она говорила правду и нас почти не боялась.

Не дрогнув ни единым мускулом, Брок отошёл на пару шагов и застучал пальцем по экрану, не спуская, впрочем, настороженного взгляда с женщины.

— Выбирайтесь, — скомандовал он нам. — Приложение «Безопасный дом» отключено.

Мысленно проклиная ушастого с его инициативой, я выпрыгнул на ступеньки. Сквоч скользнул следом, сноровисто пришвартовав пирогу к перилам лестницы. Надели загодя припасённые перчатки.

— Мальчики, предупреждаю. Если хоть один волос...

— Не надо слов, госпожа Космаль, Ведите в дом. Постараемся сократить время нашего общения, — Ежи был сама деликатность. — Нас интересуют всего лишь деньги.

Пристально посмотрев на ствол револьвера, после на руку, его державшую, Лилли уточнила:

— Наличные или банковский перевод?

— Наличные. И не тяните время. Полицейский катер, может, и пройдёт мимо, но он вам не поможет. Не успеет.

Скулы женщины побледнели.

— Пусть будет так...

От резкого разворота в сторону дома полы её широкого халата разлетелись, демонстрируя симпатичные ноги в тапочках с опушкой. Руки переместились в карманы.

— Выньте, — потребовал ушастый.

— Что? — не поняла госпожа Космаль, добавляя к бледности нахмуренные брови.

— Руки держите на виду. Пожалуйста.

Подчинившись, хозяйка усадьбы пошла в сторону дома, смешно оттопыривая ладони и откровенно не зная, что с ними делать. Явно привыкла или сумочку носить, или коммуникатор, или ещё что-то в них держать. Ничего, освоится...

— Кто в доме, кроме дочери? — спросил Брок, следующий за ней по пятам и вытирающий проступившую из носа кровь тыльной стороной ладони.

— Никого. Прислуга проходящая. Все разошлись.

Мы молча топали следом, не представляя, как относиться к тому, во что мы вляпались. Поравнявшись с гантельной стойкой, Ежи бросил:

— Прихватите такую... — тут он замолчал, что-то прикидывая в уме и покачивая головой, затем, сделав выбор, уточнил. — Килограмма на три.

Следовавший замыкающим бесфамильный юркнул в нужную сторону и выбрал обтянутую голубой резиной железяку из середины размещённого по ранжиру набора. Я покосился на него.

Принял, значит, новые правила игры. Придётся и мне принять... Отношения потом выясним, и клянусь — лопухому этого так не спущу. Всё припомню.

Лилли напряглась.

— Не обращайтесь внимания, — исполняющий роль благородного разбойника Брок скупко прокомментировал приказ. — Надеюсь, ваш гимнастический снаряд не понадобится.

Ему не поверил никто. Ни я, ни — я шкурой чувствовал — Сквоч. Про женщину и говорить нечего. Она как-то вся ошетибилась, затвердела, будто состояла не из костей и мяса, а из камня, который злой колдун превратил в статую и заставил ходить. Без подготовки и обучения.

У двери в дом госпожа Космаль притормозила:

— Дочь на втором этаже. Постарайтесь не напугать.

У меня отлегло от сердца — я очень переживал за ребёнка и постоянно пытался придумать, как смягчить наш визит, обойтись без крайностей вроде угроз «мы убьём твою деточку, если»...

— Обязательно. При определённых условиях.

Ледяной тон знайки не предвещал ничего хорошего. Даже я не смог понять — пугает он её или в раж вошёл, вжившись в образ.

Замок оказался не заперт. Войдя первой, Лилли повернула влево, пояснив:

— Кабинет там.

Дальнейший путь оказался недолгим. Миновав уставленный тяжеловесной мебелью холл, мы попали в коридорное ответвление с тремя запертыми дверями. Лилли взялась за ручку ближайшей к нам.

Остановившийся на безопасном расстоянии Ежи выдал очередное ценное указание:

— Проверьте остальные помещения. Осмотрите дом. Гантель оставьте... — он аккуратно взял у безропотно подчинившегося Сквоча спортивный снаряд, покачал его в руке, как бы оценивая вес, и, изобразив на лице улыбку, жёстко обратился к женщине. — Мисс, если вы решите, что сможете со мной справиться, я буду вынужден ломать вам пальцы, — и уже с некоторой мягкостью. — Не обостряйте.

Кивнув, мы с бесфамильным направились каждый к своей двери. Я сунулся в ближайшую. Санузел, никого.

Приютский воспитанник заглянул в оставшуюся. Тоже пусто.

Не дав ни секунды, чтобы решить, как продолжить осмотр — вдвоём или разойтись в разные стороны, Брок вновь проявил командирские замашки:

— Действуйте быстрее! — поторопил он, входя в кабинет следом за хозяйкой. — Если кого увидите — вырубайте.

Легко сказать. Впрочем... возможности для этого у нас имеются. Каждый вооружён полицейским фонариком-дубинкой, увесистым и рассчитанным на ближний бой. Иного оружия официально приобрести не удалось. Найденный в наркоманской комнате нож я держал в кармане, Сквоч шило тоже не забыл — видел, как он его доставал из бокового кармашка рюкзака. Про спортивный пистолет — без понятия. Упустил из виду.

Поначалу мы хотели приобрести туристические мачете или похожие на них тесаки. И выглядят опаснее, и в драке эффективнее. А потом, рассудив, отказались от показной крутости. Государственные регуляторы требовали специальных разрешений на лезвия длиной больше девятнадцати с половиной сантиметров. Давали их повсеместно, в любом отделении полиции, но при наличии членского билета какого-нибудь разрешённого клуба — от любителей пеших прогулок до общества креативных садоводов. Нам, понятное дело, членство в этих организациях не светило.

А вот хозяйственные ножи продавались без всяких проблем. Выбирай по вкусу. Хочешь — перочинный коротыш, хочешь — режущую часть гильотины.

Эталонный идиотизм.

Однако выбор пал на дубинки — без малого пятьдесят сантиметров доброкачественной стали, силой удара вполне способной посоперничать с легендарными битами. Герметичные, способные светить под водой в четырёх режимах, можно использовать как упор или рычаг.

Ну и вопросов у окружающих к ним меньше.

... Прежде чем начать проверку дома, я, на всякий случай, зашёл в кабинет. Картины, массивный стол, лампа, канцелярский набор в специальных подстаканниках, компьютерная панель, визор, стулья для посетителей, шкаф с книгами, зашторенное окно. На тумбочке в углу — бутылочки с минеральной водой и стаканы.

Чистенько, прилично, продуманно-надменно. Умышленно заточено под то, чтобы вошедший в эту идиллию чувствовал себя просителем, а не гостем.

Не дожидаясь банальных требований, Лилли подошла к широкой, на всю стену, портюре и отдернула тяжёлую ткань в сторону, обнажая кусок стены с дверцей вмонтированного в неё сейфа. Рядом дремала в режиме ожидания сенсорная панель замка.

— Проверь. Дом, — напористо напомнил про указание знайка. — Мы вас подождём.

Тоже мне, умник...

Демонстративно прихватив из подстаканника канцелярские ножницы и тупой, но стильно выглядевший нож для вскрытия писем, я вышел в коридор.

Сквоч ждал у входа в кабинет, поглядывая внутрь.

Не разделяясь, мы вместе посетили кухню, гостевую спальню, хозяйственный блок со стиральной машиной, стеллажами бытового добра и узкими бельевыми шкафами. Особо не рыскали — высматривали людей, а не недостаток семейства. Мягкие, ворсистые дорожки скрадывали шум от ходьбы, позволяя перемещаться практически бесшумно.

По лестнице поднялись на второй этаж: длинный коридор, по обе стороны — комнаты, в торце, на подставке — горшок с раскидистым цветком.

Тихо.

Не сговариваясь, применили иную тактику осмотра. Вместо того, чтобы открывать каждую дверь — мы подкрадывались и прикладывали ухо к щели между косяком и полотном, пытаясь засечь хоть какой-то шум.

Дерьмовые мы грабители... Но пугать ребёнка, обнаружившегося, кстати, по еле слышному мурлыканью какой-то попсовой песенки, оказалось выше наших сил.

Лилли сказала правду. Кроме неё и дочери в доме больше никого не было.

Обнадёженные, спустились вниз. Бесфамильный остался у лестницы — контролировать возможные перемещения девочки и просто подстраховаться, а я отправился в кабинет.

... Брок ждал, прислонившись бедром к краю стола и внимательно наблюдая за ждущей у стены женщиной. Гантель лежала рядом.

— Порядок?

Кивнул.

— Девочка?

Показал пальцем вверх.

— У себя?

Снова кивнул. Почему не стал общаться по нормальному, через рот — и сам себе не мог ответить. Наверное, инстинктивно боялся, что хозяйка может запомнить голос. Тупо, конечно — Ежи вообще без маски, но... лучше молчком.

Госпожа Космаль во время нашего странного диалога постоянно смотрела на мои руки, на фонарь. Смотрела и будто ничего не видела.

Кровь заметить страшится...

Однако спросить о судьбе ребёнка она так и не осмелилась. Боялась — то ли правду скажу, то ли солгу.

— Открывайте сейф, — внимание ушастого переместилось на Лилли. — Не спешите.

Узенькая, ухоженная ладонь легла на сканер. Панель засветилась, явив упорядоченную раскладку из букв и цифр. Пальцы набрали нужную комбинацию, от чего дверца, подталкиваемая скрытой пружиной, отъехала вбок.

Внутри лежали неравные стопки кредитов, перетянутые канцелярскими зажимами, и с десяток бархатных коробочек.

— Положите деньги на стол.

Про цапки Ежи ничего не сказал. Правильно, зачем они нам? Продавать как изделие — однозначно властям попадётся, реализовывать как лом — ничего не заработаешь.

... Взять наличку Лилли смогла лишь с четвёртой попытки. Её руки, плечи, голова внезапно затряслись в предчувствии скорой развязки. Брызнули слёзы, губы некрасиво искривились, из горла вместо всхлипов неудержимо рванула икота. Треснуло хладнокровие у человека. Не выдержало стресса.

— Ну... не надо истерик, — протянул Брок, не двигаясь с места и не опуская револьвер. — Мы скоро уйдём, а вы останетесь с дочкой. Будете жить как и жили. Хотел бы

я вас убить — уже бы убил. А мы взяли, да и договорились полюбовно... Видите, и гантель не понадобилась. Взаимопонимание — лучшая политика, — тут он сделал паузу, предоставляя женщине возможность переварить сказанное. — Вы меня слышите?

Истово задёргавшаяся голова хозяйки дома своей пляской подтвердила, что она слышит лопоухого и выражает полную покорность судьбе.

Гнидой себя чувствую.

Перепугали женщину до полусмерти. Герои хуевы...

Деньги не легли, упали на столешницу. Шесть пачек, в подавляющем большинстве — сотенные.

Дотошный Ежи взял одну, перелистнул с краю. Купюры не новые, зато подобраны по номиналу.

Довольно хмыкнув, он извлёк из кармана брюк пластиковые стяжки для кабелей, свободно продающиеся в любом магазине хозяйственных товаров. Вместо наручников прихватили.

— Давайте руки, — полуприказал-полупопросил лопоухий, передавая мне средства связывания. — Мы вас сейчас обездвжим, кляп всунем... Извините, придётся потерпеть. А там вас дочка найдёт. Начнёте снимать — рекомендую воспользоваться кусачками. Если ножом резать — при натяжении края будут сильно впиваться в кожу, шрамы останутся... Прочная штука.

Все эти разговоры можно было смело отнести к пустому сотрясанию воздуха. Госпожа Космаль, отдав сбережения, впала в апатию, ожидая трагической развязки. Икота прекратилась, уступив место сбегаящей по подбородку слюне.

Для таких состояний имеется чудесный медицинский термин — начинающийся шок.

— С Оли всё хорошо? — исключительно дыханием спросила она. — С дочкой?

— Да.

— Хорошо?

— Да, — терпеливо ответил ушастый, делая мне знак.

Заклинило женщину, она так до бесконечности может задавать вопросы о ребёнке. Мать, тут ничего не попишешь. За дитё страшится больше, чем за себя.

— Оли...

— В порядке. Не надоедайте глупостями!

Пристроив фонарь, письменный нож и ножницы рядом с деньгами, я без всякой галантности завёл женские руки за худенькую спину и связал запястья.

Просунул палец между стяжкой и кожей — проходит. Значит, не пережал, кровообращение в норме.

Похвалив себя за заботу о здоровье госпожи Космаль, опустился на одно колено, стянул щиколотки. Без фанатизма, но вытащить ступню не выйдет даже у самой гибкой акробатки. Подумав, бережно уложил женщину на пол. Так травмоопасность меньше. Посади её на стул — начнёт пытаться встать, бросится в комнату к наследнице, упадёт, ударится...

Ежи на мою заботу смотрел с одобрением.

Когда я закончил, он взял бутылочку воды, свинтил пробку и взбрызнул лицо Лилли. Она вздрогнула. Раз, другой, взгляд стал более осмысленным.

— Скажите, — ушастый присел перед ней на корточки. — Где системный накопитель от камер видеонаблюдения?

— Т-т-там... — подбородок женщины указал на шкаф.

— Спасибо.

Джентльменистый Брок прошёл к дверце, открыл. Повернулся ко мне.

— Забери.

Если бы маска не скрывала мою удивлённую физиономию, то товарищ смог бы разглядеть проступивший на ней восторг. Я и думать забыл, что система видеонаблюдения и система охраны вполне могут сосуществовать параллельно. Датчики — отдельно, камеры — отдельно. Дублируется ли запись на внешние сервера — крепко сомневаюсь. Кому охота делать личную жизнь достоянием ушлых хакеров и скучающих клерков из обслуживающего персонала?

Ай да ушастый! Ай, молодца...

Из головы разом вылетела досада за самовольно нарушенный Броком план действий. Надо будет потом его каким-то образом похитить у толстухи и хорошенько напоить в знак благодарности.

... Оставив лежащую даму в покое, занялся накопителем — продолговатым чёрным ящиком, из которого торчало невообразимое количество проводов. Вырывать, как в кино, не стал — проще отсоединить. Они легко выскакивают из разъёмов.

Товарищ тоже не стоял без дела — взяв ножницы, он варварски кромсал портьеру, отрезая от неё внушительный кусок для кляпа.

— Возьми деньги. Уходите, к отходу подготовьтесь. Чтобы без проволочек... Я рот заткну — и за вами бегом.

Ткань уже сворачивалась в продолговатую колбаску.

И снова Ежи интеллектом давит. При Лилли всего не озвучивает, но намекает более чем жирно — пора организовывать отход... К чему нам всем тут торчать? Двадцать лишних секунд в доме могут вполне подгадить.

Надо позвать Сквоча, добраться до лодки, отвязать её, рассестись по местам во избежание суеты и лишней качки, чтобы ушастому оставалось только на борт запрыгнуть и оперативно свалить. Рванём вместе — неизбежно начнём толкаться в дверях, топтаться на ступеньках, суетиться и дёргаться, привлекая внимание.

— Угу, — я всё же позволил себе раскрыть рот, стараясь мычать как можно обезличенней. Подхватил в одну руку ящик, другой сграбастал кредиты и направился к выходу.

В коридоре, заметив бесфамильного, движением маски указал ему в сторону ведущей на набережную двери. Он немедленно оставил свой пост и пошёл следом.

У выхода случилась заминка — мои занятые руки не позволяли нормально воспользоваться дверной ручкой, поэтому пришлось ждать помощи. Но и это я умудрился обернуть на пользу. Быстрый взгляд на реку убедил, что патрульный катер в поле видимости отсутствует.

Подоспевший Сквоч выпустил меня из дома, попутно подхватив накопитель.

Теперь, главное, на бег не сорваться... идти спокойно, вразвалочку, будто прогуливаемся.

Гости у госпожи Космаль, пейзажами любят.

— Уходим, — я показал ему деньги.

Личина Микки Мауса на физиономии сослуживца одобрительно гыкнула, а по правую сторону материализовался недовольный знайка.

— Что вы как беременные плетётесь?! Я думал, вы уже на лодке с вёслами в зубах сидите!

Проигнорировав укол, спросил:

— Лилли как? Не задохнётся?

— Не-а... Я кляп аккуратно всовывал, чтобы в горло не пошёл и зубы не повыбивать.

От этих новостей настроение немного приподнялось.

Накопитель мы утопили где-то через три усадьбы от дома госпожи Космаль, следом полетели перчатки, личины Микки Мауса, за ними — футболки, демонстрируя всем заинтересованным лицам другие, надетые заранее, с логотипом бейсбольной команды местного колледжа.

Более подходящих на распродаже не нашлось. Заметные тряпки. Во всю грудь переливается принт с изображением зелёной зубастой морды и надписью «Крокодилы». Бита и мяч, обязательные атрибуты для данной игры минималистичны, заметны лишь при ближайшем рассмотрении. А... и так сойдёт. Главное, единообразно и не в розовых пони.

Крокодилим мы. По всем видам спорта. Надоело в бейсбол играть — пересели на лодку. Тренируем... выносливость. Вёсла для этого вполне подходят.

Гребли рьяно, не меняя рассадки. Я спереди, Сквоч сзади. Пирога скользила по водной глади, на глазок показывая километров под восемнадцать в час — помогало течение и зашкаливающий адреналин в крови.

Устроившийся на носу Ежи, признанный запасным и готовый в любую минуту подменить уставшего, в качестве моральной поддержки продолжил баловать нас добрыми вестями:

— Раньше не хотел говорить... — лукавый прищур направлен вроде как к берегу, однако меня таким фокусом не проведёшь. Следит за нами знайка, реакции ждёт, насладиться триумфом хочет. — Я, похоже, нашёл выход к людям, способным изготовить нужные ID. Устанавливать их, к сожалению, придётся рядом с нашими чипами, чтобы они всегда в максимальной близости находились и сканирование зацикливалось на нужных кодах, но это, други, фигня. Любой считыватель работает по всему телу, за исключением электронного кошелька. Н-да... Там, признаю, зыбко всё, зато направление верное. Печёнкой чую.

Болтая, он не прекращал любоваться деньгами, благоразумно упакованными в водонепроницаемый пакет.

— Ствол откуда? — поинтересовался бесфамильный между взмахами.

— Мелисса достала. Через знакомых знакомых нашла продавца. Она же в четвёртом округе родилась и выросла, имеет связи...

— Почему один?

— Больше не было. Точнее, были, но слишком неудобные. Армейские полуавтоматы. Куда нам с ними...

— И на кой скрывал?

Лопухий склонил голову на бок, демонстрируя стыдливость.

— Да как-то из памяти вылетело. Я же план операции разрабатывал, аж мозги плавилась. А твой где? — припомнил он о пукалке Сквоча.

— В рюкзаке. За поясом носить неудобно, особенно в лодке. Приберёт на потом.

— Осуждаешь? — Брок положил пакет с деньгами на дно лодки, устало облокотился о борт, опустил правую ладонь в воду и, будто невзначай, сконцентрировался на

образовавшемся буруне.

— С чего взял?

— По тому, как на меня смотришь, вижу... Я угрожал оружием женщине, перепугал её до заикания... Реально, заикалась! Самад не даст соврать!

В подтверждение я ограничился кивком, не рискуя сбивать дыхание.

— Нет. Ты всего лишь воспользовался ситуацией, сообразив, как проще всего отключить охранную систему. Её приложение подвело, удобство боком вышло... Меня больше револьвер заботит. Зачем утаил? Только не ври про склероз, — бесфамильный продолжал долбить Брока. — Не надо.

Тот посерьёзней.

— Ты про свою игрушку тоже не особо распиался. Втихую спёр, мне ничего не сказал... — ушастый закончил с купанием руки и прибрал деньги в рюкзак. Пересчитывать и решать их судьбу будем после. — Признаю — не хотел хвастаться. Берёг как последний довод. Покажи я вам ствол раньше — извели бы нытьём «сделай и нам такие же», а может, дебаты бы устроили, кто лучше стреляет. Ну и опасаться бы меня стали. Я с пушкой — вы с голой жопой. К чему разлад?.. И нет, — провозгласил он упёрто так, непоколебимо. — Не отдам. Мне тоже без оружия грустно.

Детское «не отдам» отозвалось смешком за спиной. Бесфамильный развеселился. А чего ему плакать, когда он к вёслам привычный? А вот у меня всё плохо, плечи аж трещат.

— Смени, — попросил я Ежи.

— Давай.

Поменявшись путём нехитрых манипуляций и осторожных движений, я с наслаждением расслабился и приступил к обязанностям дозорного — высматривал полицейский катер.

По моему предложению пирога шла в предельно допустимой близости к берегу, разумеется, с учётом требований к границам частной собственности. Демонстративно, на свету, как и положено приличным спортсменам, припозднившимся на тренировке.

Кто заподозрит?

В дополнение — командная одежда, экстравагантная лодка, потные хари. Рядом с каждым, поверх рюкзака — маски с дыхательными трубками, на всякий пожарный. Придерутся — попрыгаем в воду. Для того и деньги в пакет засунули, и фонари полицейские, защищённые от всего на свете, приобрели. Вода тёмная, не всякий прожектор возьмёт.

К тому же, в нагрузку подарочек имеем, чтобы копам было чем заняться, давая нам фору: семь бутылок из тонкого стекла с легковоспламеняющейся смесью и кустарными фитилями в пробках. Зажигалки скотчем к посудинам примотаны. Поджёг — и бросай.

Катер — не бронированный десантный челнок. Полыхнёт, никуда не денется.

Про «дальше» размышляли абстрактно. Плавать умеют все, до берега относительно близко, ну а частные владения... никто туда и не собирается. Река широкая, с километр, найдётся, где затеряться. Спасательные жилеты, доставшиеся от бывшего владельца лодки, перекрашенные из оранжевого в болотно-серый, помогут не утонуть. Или выдадут, покачиваясь сверху над пловцом, как поплавок.

Но тут уж... будем верить в удачу. От всего не уберёжешься. Бросить всегда успеем.

Обнадёживало и расписание перемещения речной полиции. Примерно в это время они должны находиться в районе городского пляжа, охотиться на пьяненьких любителей водных забав. Штрафы выписывать, присматривать за подгулявшими компаниями, мелькать у

городских мостов, контролируя самоубийц и прыгунов в неположенных местах. Отклонялись копы от графика не так уж часто, потому та встреча, на реке, была ближе к случайности, чем к плановому появлению катера в заданной точке патрульного маршрута.

... За воспоминаниями о титанической подготовке, проведенной ради визита в дом госпожи Космаль, я проشياпил появление нужного нам песчаного берега.

Выглядел он так себе: плохо подсвеченный прижимистыми владельцами, с пробивающейся сквозь неухоженный песок травой и растущими тут и там кустами.

Дошли. Остановка «Трейлерный парк».

У воды, на расстеленных пледах отдыхали люди. Кто с корзинками съестного, кто играл в карты, пристроившись поближе к фонарям, кто безразлично лежал на спине, впадая в нирвану.

Вот и пирс — шаткий настил поверх железных бочек, приспособленных вместо понтонов.

Накинув швартовый конец на торчащий обрезок швеллера, мы преспокойно выбрались на твёрдую поверхность, прихватив заранее собранные рюкзаки, палатку в скатке, повытаскивали велики. Они у нас складные, другие бы в лодку не поместились. Больше ничего брать не стали. Вещи сделали своё дело. Что-то пригодилось, что-то осталось невостребованным. Плевать. Пусть забирает, кто хочет.

Дальше — по намеченному маршруту.

Дойти до укромной полянки на середине пологой тропы, ведущей к выезду. Снять штаны, оставшись в обтягивающих трико велосипедистов. Напялить шлемы, приготовить транспорт к движению, включить налобные фонари.

Потом — ехать по указателям. Они начинаются немного выше, с края бетонированной площадки. У шлагбаума спешиться, крикнуть дежурному смотрителю: «Мы — кататься», и, нырнув под поперечной красно-белой трубой, выбираться на дорогу.

Через триста метров свернуть в одноэтажные кварталы для тех, у кого денег впритык, а жить в многоэтажке, с шумными соседями за стеной, не хочется. Пасторальные заборчики, подстриженная травка, помытые почтовые ящики, обязательные взаимные приветствия с приторной вежливостью — здешний народец изо всех сил рвётся продемонстрировать всем и каждому свою респектабельность и заработанный тяжким трудом статус. Их Брок хорошо охарактеризовал: средний класс с претензиями.

Долго катить по ухоженным улочкам, дожидаясь перехода домиков в строительные площадки, где возводятся новые каркасные экономки для очередных любителей показательной благопристойности.

По окончании нормальной дороги двигаться дальше, однако в скопище дремлющих до утра грузовиков и экскаваторов не соваться, а забирать к вытянутому, гребнистому холму, где начинается неширокая тропинка, протоптанная поклонниками пешего и велотуризма. На пригорке — остановка. Не ради отдыха — отсюда далеко видно весь пройденный путь и присутствует развилка. Влево — для бегунов, прямо — кратчайший маршрут на вершину холма, а он довольно крутоват.

На вершине — потушить свет и отдохнуть рядом с горкой камней, принесённых на память всякими бездельниками. Обычай у них тут такой — в доказательство визита оставить после себя камешку с нацарапанными инициалами и датой. Иногда встречаются с сердечками и клятвами в вечной любви.

При первом визите долго пытались понять — зачем, что за дурашливый обычай?

Ответ нашли в сети. Кто-то ушлый, ради смеха, придумал легенду о холме — покровителе путешественников. Оставь тут камень на память — и будет тебе счастье. Склонный к суевериям народ и попёр косяком, нагрузившись булыжниками.

Потом добавились влюблённые. Они, будучи публикой беспокойной и обожающей показательные сумасбродства, приняли в укреплении обычной байки живейшее участие. Фотографировались у кучи, клялись в вечной верности, проводили обряды помолвок и пели песни.

... Попив водички и с ужасом осознав, что изнурённые греблей конечности держат руль почти без тактильных ощущений, толкаем двухколёсный транспорт вверх. Сжав зубы, матерясь, с осторожностью ставя кроссовки на сыпучий грунт. Изредка оборачиваемся, обалдеваем от крутизны и высоты, на которую сумели взобраться. В свете налобных фонариков склон выглядит особенно непреодолимо.

Встретиться с разбившимися лагерь туристами мы не боялись. Вершина для палаток неудобная, ветрено, да и близость развернувшегося у подножия строительства напрочь смела первоначальный, романтический ореол булыжной горки. Сюда теперь, скорее, по старой памяти таскались, отметить и похвастаться геолокацией в соцсетях.

После мизерного, незаметного отдыха перешли к спуску по натопанной, пологой тропке. Да, крутость одной стороны холм компенсировал удобством другой. Днём вообще можно на велике скатиться, если хоть немного знаком с тормозами и достаточно хладнокровен. Ночью же — я бы не осмелился.

Через пятнадцать минут до нас донёсся автомобильный шум — трасса. Многополосная, скоростная. Нам — туда, к проложенным под дорожным покрытием бетонным трубам, предназначенным для сброса воды при сильных ливнях.

Диаметры коммуникаций относительно невелики — метра полтора, внутри грязно, замусорено, но более удобного укрытия не сыскать. Люди там не ходят, подходы просматриваются, да и камер беспилотников можно не опасаться.

Пересидим до утра, а там и Мелисса подспеет — заверял Ежи. На грузовом такси. Дальше едем в глушь, к её давней знакомой. Оттуда — мнения разошлись: Сквоч предлагал пробиваться в столицу, поближе к космопорту и искать способ свалить на орбиту; ушастый обоснованно возражал, упирая на необходимость документов (там по городу шпаться не получится — наблюдение за гражданами в разы сильнее) и основательную подготовку переезда. Я склонялся к попытке перейти границу с нейтральной страной, где по сию пору трудился представитель Федерации. В доказательство приводил разумные аргументы и упирал на протяжённость сопряжённых территорий. Где-нибудь дырочка да найдётся. Нам бы только на той стороне оказаться, а там пусть задерживают. Потребуем связи со своими, начнём вопить о дипломатах, и никуда не денутся — сведут с нужными людьми.

Но это в перспективе. А пока в затяжные дебаты мы не впадали, разумно полагая, что для начала потребуется как следует затеряться и пересидеть шумиху вокруг ограбления Лилли Космаль, но и от разработки общей стратегии не отказывались. Продумывали варианты.

— Погасите фонари, — Брок на середине спуска отключил налобник. — Недалеко осталось. Машины подсветят.

Через четверть часа мы обживались в шероховатой, прохладной трубе, словно из вредности, вбиравшей в себя отзвуки проезжающих сверху автомобилей и, периодически, мелко вибрировавшей при проезде многотонных грузовиков.

Расстелив прямо на грязь непромокаемую палатку, побросали вместо пуфиков рюкзаки и расселись, привалившись спинами к изгибам бетона.

— Кто на часах? — донесся из темноты голос Сквоча.

— Без разницы, — отозвался Брок. — Предутреннюю могу я отстоять. Вы больше задолбались. — Вит, первым пободрствуешь?

— Принял.

Натруженные ноги, руки, хребет крутило от усталости — в этом недавнем троеборье я выложился по полной программе. Чтобы как-то облегчить своё существование, достал планшет и открыл вкладку примитивной игры, основанной на сборе комбинаций разноцветных шариков. Отвлекусь...

— Ствол возьми, — включив на секунду фонарь, Ежи протянул мне револьвер. — Учти, боевой... Будешь пост сдавать — Сквочу передай. И сядь у входа.

Забрав ухватистое оружие, перебрался к краю трубы. Парни пошебуршали барахлом, устраиваясь, и засопели, совершенно не замечая дорожного шума.

За полночь разбудил бесфамильного. Передал планшет, револьвер, плюхнулся на его, не успевшее остыть, место, и попытался вздремнуть.

Ну и мерзость эта ваша труба...

Голове жёстко, телу непривычно, на бок не завалишься — либо голова, либо ноги в грязи окажутся, вой от машин постоянно будит, помещая в пограничное между сном и явью состояние. То спишь, то просыпаешься и прислушиваешься — всё ли в порядке, то и сам не понимаешь — спишь ты или проснулся, то начинают допекать бетонные шероховатости, то куда-то проваливаешься, в беспмятную черноту.

Нечаянно зацепив меня за ноги, Ежи сменил бесфамильного. Тот попытался занять лёжку znajки, принялся ворочаться, мешая спать и матерясь вполголоса на дискомфорт, после перебрался обратно, к самому краю трубы, пододвинув ушастого. Я рассеянно наблюдал за его манёврами, завидуя осмелившемуся сменить неудобную позу товарищу, и сонно размышлял, не пристроиться ли рядом с ним. Колебался. Только-только удобство поманило.

Брок воспринял возню товарища нормально. От скуки отложил свой девайс, встал, потянулся, прошёлся перпендикулярно дорожной насыпи, разминая ноги и плечи. Остановился шагах в семи, скорее слышимый, чем заметный на ночном фоне. Если бы не светлые кроссовки, слегка выбивающиеся из общей темноты, вообще бы не увидел.

Вот же не сидится ему...

— Вит!!!

Я не понял, кто орал, зачем и для чего. Однако не успели глаза толком распахнуться, как темноту трубы озарили частые вспышки у самого входа. По ушам будто молотком застучали выстрелы. И в этих вспышках я увидел силуэт с вытянутой вперёд рукой.

— А-а-а-а!

Громыкнуло, оглушающе хлестнув по барабанным перепонкам.

... Меня не учили, что делать, оказавшись под огнём в ограниченном пространстве. Все наставления, вдалбливаемые и в учебке, и сержантом, талдычили одно и то же: упасть,

перекатиться в укрытие, используя рельеф или складки местности, открыть ответный огонь. Ага! Я бы и рад, но в круглой, полутораметровой трубе можно катиться только вперёд или назад. Стрелку и ствол двигать не надо. И так, и так попадёт. Ловушка...

Ещё выстрел.

— ... Мать!!!

Вопили снаружи. До меня этот звук добрался во время удара о сложенные в глубине велосипеда. Ни придумав ничего лучше, я оттолкнулся подошвами от ткани палатки, покрывавшей намывную грязь, естественно, поскользнулся и рухнул на спину, прямо на изгиб руля.

— Ё...

Букву приправили вязкие шлепки, утробное рычание.

— Вит! Помогай!!! — хрипела ночь.

Помогай — уже понятнее. Упёршись на локоть, сместил центр тяжести и, погрузившись пальцами во влажную, липкую землю, хорошенько оттолкнулся, перекатываясь в единственно допустимую из-за диаметра трубы полуприсядь. Палатка снова подвела, приходя в движение под моими кроссовками, но я удержался.

Фары проезжающего сверху автомобиля с грехом пополам подсветили пространство перед нашим убежищем. На земле — два тела, друг на друге, оба не двигаются.

Что за херня?!

— Самад, живой?

Только сейчас дошло — это Сквоч. Он что, ополоумел?

— Самад?

— Цел.

— Подойди.

Не веря в происходящее, я выбрался под испещрённый звёздами небосвод. Била дрожь, в глазах до сих пор плясали яркие круги от вспышек.

Всмотрелся, приблизился на полметра. Верхнее тело отвалилось вбок, нижнее лежало. Но не спокойно, как мне показалось ранее — оно дёргалось. Мелко, царапая пальцами почву и подёргивая коленями. Голова повернулась к насыпи, а из её правого уха торчал необычный, неприродный предмет. Толстоватый, твёрдый.

Судорога, затих... Машина уехала, погружая сюрреалистичное зрелище в темноту.

— Он мёртв... Вит! Что ты видел?

Это лежит Ежи, наш взводный знайка... Ежи...

Я не смог пересилить себя и подойти к товарищу. Замер у входа в дренаж, совершенно не представляя, куда идти и что делать. Не знаю. Ни куда, ни зачем, ни...

— Ви-ит! — моё имя сопровождалось кашлем человека, пропустившего добротный удар в грудную клетку. — Не дури.

— Что с ним?

Для чего спросил? Ответ и так очевиден...

— Я его убил. Повторяю. Что ты видел?

Фигура бесфамильного переменяла положение, отойдя от меня вглубь черноты.

— Убил... — повторил я за Сквочем.

— Вит, пожалуйста, ответь.

Плохо понимая, для чего ему это, я попытался припомнить далёкие-далёкие времена, те

самые, благостно проводимые в трубе.

— Он стоял, — последняя мирная картинка неохотно всплывала из памяти сквозь помехи свежих новостей. — Потом ходил. Потом развернулся, поднял руку. Так, — я вытянул перед собой правую ладонь...

... Маяк. Занятия по огневой подготовке. Тема: «Короткоствольное оружие». Позиция для стрельбы стоя...

— Брок нас хотел убить? — брякнул я, сопротивляясь выводу и истово надеясь, что это самообман.

— Да. Я успел первым.

Внутренне чутьё уверенно твердило: лопоухий не врёт. Но никак не поясняло причин.

— Из-за денег?

— Наверное. Помоги тело перетащить.

Я не сдвинулся.

— Чем ты его?

— Сначала из своей игрушки половину обоймы выпустил, после прыгнул и шилом. Сначала в живот, потом в ухо. Оно длинное, до мозга достало. Не целясь, попал. Вот как бывает...

Передёрнуло.

— Как догадался, что он хочет тебя убить?

— Нас, Вит. Нас.

— Пусть. Как?

— Не могу объяснить, — признался бесфамильный. — Там, в доме, я на выходе услышал стук. Будто кирпичом по дереву приложили через подушку. Возвращаться, смотреть не стал. А потом, в лодке, заметил на ребре ладони Брока смазанный кровавый след. Немножко, но он что-то почувствовал и сунул клешню в реку. Помыть.

— У него нос разбитый был!

— Он его левой утирал, когда Космаль в дом вёл. В правой револьвер держал. И мыл правую. Потому что правша, как я или ты.

Припомнив, вынужденно согласился.

— Убрал свидетельницу, чтобы не опознала? Тогда почему не ножом? Взял на кухне — взмахнул, и человеку крышка.

Мне хотелось поймать Сквоча на неувязках, разобраться в первопричинах, побудивших его... так поступить. И чтобы говорил, не переставая. По звуку можно понять, где он и чем он занят. Если замолчит — будет меня убивать.

— Гы... Самад, ты хоть раз пытался зарезать человека ножичком? Умеешь ударить так, чтобы по уши в крови не искупаться? Сможешь объяснить жертве, для чего ты, кроме ствола, лезвие прихватил? Убедить, чтобы она до срока не запаниковала? Сомневаюсь... А приложить в висок трёхкилограммовой железякой, особенно связанной, не сопротивляющейся женщине — проще простого.

И снова я ему верил... Для того знайка меня и выпроваживал из кабинета, затягивая с кляпом — дабы лишнего не увидел. Не скажу, что меня озарило, но понимание об изначальном предназначении прихваченной со спортплощадки гантели нарисовалось как-то само собой.

— Пришли сюда — нехорошее во мне началось, сомнения непонятные появились, — продолжая покашливать, тархтел бесфамильный. — Ничего конкретного, а так... постоянно мысли крутились о том, для чего он о револьвере умолчал. В «замотался», как и во внезапно проснувшееся желание придержать «на крайний случай» я не поверил. У него склад ума другой, все мелочи подмечал. Помнишь, дубинки закупали?

Я кивнул, забыв о том, что моё молчаливое согласие в темноте не разглядеть. Добавил:

— Помню.

— Дорогие дубиночки. Взяли на всех. И Брок взял, имея при себе ствол. При его-то прижимистости мог ограничиться дешёвой битой или вовсе черенком от лопаты. Но нет, до последнего таился, пожелал быть как все. Да и то, револьвер показал, когда решил, что самое время у Лилли коммуникатор с доступами отжать. Выбор сделал, надеясь нам лапши на уши потом навешать. Умный, гад, был...

Упоминание о лопухом в прошедшем времени отозвалось дичайшей тоской и нытьём в висках.

— Продолжай, — односложно потребовал я.

— Заступил на пост — приготовился. Поберечься решил... Незаметно достал свою игрушку, шило. После смены специально перебрался поближе к краю — там места для манёвра больше, трубой не ограничен. Сделал вид, что прикорнул. Дальше ты видел, надеюсь.

... Бывает так — слышишь человека, веришь, и не понимаешь, где он может лгать. Анализируешь, прогоняешь через восприятие — складно. Добавляешь собственные выводы и то, через что прошёл лично — со всем сходится. Но... сдерживает что-то, сложноформулируемое, на уровне рефлексов.

Инстинкт самосохранения называется. Не воспетый в приключенческих романах внутренний голос, спасающий героя в самых сложных мясорубках; не параноидальная тяга обезопасить себя от всего на свете, а нечто животное, отключающее разум и заставляющее стремглав мчаться подальше от неприятностей.

Корень всей этой смуты торчал на поверхности: я опасался Сквоча. Между нами — труп Ежи и деньги. Неподелённые.

— Правильное он местечко выбрал, — бесфамильный не затыкался. — Трупы в трубу затащил — найдут не скоро. Вокруг никого, низина звук от выстрела заглушит... Вит! Ты меня вообще слышишь?

— Оружие где?

— Куда-то отлетело. Возле входа мой рюкзак. В боковом отделении налобник. Посвети, может, и найдёшь.

Очередной автомобиль пронёсся мимо, высветив часть башки бесфамильного. А заодно помог мне определиться. Как? Не представляю, просто увидев сослуживца, его перемазанную рожу, я понял, что надо делать и чего следует страшиться по-настоящему.

Рюкзак нащупал ногой. Не опуская головы, наклонился, поднял. Пошарив, раскрыл указанное отделение, извлёк налобник, включил, направив луч в сторону бесфамильного. Тот поморщился, едва свет выцепил его напряжённую фигуру, но продолжил стоять, не проявляя агрессии. Без оружия — на это я обратил особое внимание.

Перевёл луч на Ежи. Мёртвый, из уха торчит рукоять шила, вогнутого до упора. На коже лица — красноватые-припухшие точки — следы от пластиковых пулек. Задрывшаяся в драке футболка оголила часть живота с маленькой ранкой, справа от пупка. Крови почти нет, так, пара капель... След от первого удара? Бил левой рукой? А в правой пукалку держал? Где она? И где ствол Ежи?

С усилием оторвал взгляд от тела, осветил прилегающую территорию. Заметил револьвер, отлетевший метра на четыре.

— Твой пистолет?

— Где-то там. Я его бросил в Брока перед тем, как в рукопашную схватиться. Ох он меня в грудь и приложил... до сих пор дышать трудно.

Поводил фонариком. Угу... вон он. Неподалёку. Вроде сходится.

— Что делать будем, Сквоч? — я обвёл рукой пяточок боя, будто приютский не понимал, о чём идёт речь. — Со всем этим?

— Ноги делать. Скоро рассвет.

Опасение никуда не делось, оно по-прежнему оставалось со мной, однако знакомая по маяку апатичность, пришедшая на смену растерянности, упрямо твердила: «Бесфамильный не нападёт. Упустил шанс. Я готов ко всему». Хотел бы он меня рядом с Ежи положить — сделал бы это раньше, тем же самым шилом, пока я из трубы выбирался.

— Топай сюда.

... Револьвер с наспех протёртой рукоятью улетел в черноту, затем настала очередь спортивного пистолета. К чёрту соблазны, хватит с меня оружия.

— Успокоился? — понимающе прокомментировал Сквоч.

— Немного. Понесли...

Тяжёлое, неудобное тело лопухого мы затащили в трубу. Неглубоко, до велосипедов. Прикрыли палаткой. Осторожно, стараясь не коснуться покойника, выбрались. Я не забыл прихватить свой рюкзак.

В полном молчании извлёк резервный комплект одежды, сменил перепачканные шорты и футболку с крокодилом на чистые, предварительно смыв грязь остатками питьевой воды.

Ненужное барахло полетело в трубу, осталось разобраться с вещами Ежи.

Раскинув деньги на глазок, я протянул половину бесфамильному.

— Твоя доля.

Он взял, смачно сплюнул под ноги, брезгливо пряча их в заплечник.

Настал черёд планшета.

— Нужен?

— Не-а... Забирай.

— Как скажешь.

Прежде чем убрать девайс в рюкзак, нажал кнопку запуска. Экран посветлел, продемонстрировал заставку, сообщил о доступе в сеть. Паролями Брок не пользовался, полагая, что секретов от нас у него нет.

А если...

Нажал иконку мессенджера. В кратком списке контактов, состоявших из меня и «Милашки», выбрал последний. Открыл переписку, косо просмотрел последние сообщения. Ничего подозрительного.

— Ты что задумал? — заинтересовался Сквоч, перетаптывающийся с ноги на ногу и

поглядывающий вверх, на дорогу.

— У Мелиссы наши деньги. Хочу вернуть.

— Думаешь, оно того стоит?

— Точно.

— Она сюда приедет, возможно, не одна. Догадается.

— Похер.

Помимо денег, я до одури хотел пообщаться с уборщицей. Прояснить для себя, кто есть кто во всей этой паскудной истории. Понять, что подтолкнуло ушастого на такой отчаянный шаг и разобраться, за дело его убил Сквоч или это какой-то неясный финт бесфамильного.

Надеюсь, он не заметил, как я переложил нож в задний карман брюк...

— Бабки нам понадобятся, — натужно согласился сослуживец. — Новых поступлений я не жду.

— Я тоже.

В окошке чата отбил:

«Ты где?»

Ответ пришёл секунд через тридцать:

«Дома. Как ты и сказал. Вещи собираю. Тебя жду, мой милый»

Дома... А должна сюда спешить, нас забирать. Во всяком случае, так Ежи утверждал. И тут враньё.

«Тебе ещё долго?»

«Только начала»

Точно, никуда она не собиралась.

Обеспокоенность слегка понизилась, процентов на восемь.

— Читай, — я протянул девайс бесфамильному. — Соображаешь?

— Сука...

Желание поболтать с толстухой усилилось. Набрал:

«Жди. Люблю»

Вместо ответа примчался каскад смайликов, состоящий сплошь из поцелуйчиков и сердечек.

— Полезли за великами. Придётся своим ходом пилить.

— Рано, — умно парировал Сквоч. — На трассе почти пусто. Давай утра дождёмся.

Поколебавшись, согласился. Полчаса или час ничего не решат. Не решат и три. Как бы не морозило от осознания того, что в трубе лежит труп нашего товарища, безопасность прежде всего. Подложив под зад расправленную футболку из арсенала покойного, я продолжил копать в планшете Ежи.

Бесфамильный устроился поодаль и негромко вздыхал, переваривая в себе события этой ночи.

На душе было муторно.

... К дому Мелиссы мы подъехали ближе к одиннадцати по местному времени. Добрались без приключений, благоразумно не нарушая правил и не уставая воздавать хвалу очкам, шлемам и велосипедным аккумуляторам. Отмахать пришлось прилично — под сорок километров, и это с учётом кратчайшего маршрута, выбранного навигационной системой.

У подъезда, сложив двухколёсный транспорт пополам, я написал новый месседж:

«Встречай парней. Я — за шампанским»

— Дай нож, — неожиданно попросил Сквоч. — Я видел, ты его в задний карман переложил.

— На кой?

— Для поддержания беседы. Бабы в гневе непредсказуемы.

— Не вздумай, — отказал я. — Тебе Ежи мало?

— Тогда сам разбирайся, — изменился в лице сослуживец, но не зло. Больше походило, как если бы ему ложку дерьма под нос сунули и приказали сожрать.

Правильно, пусть прочувствует...

Подхватив велосипед, я пошёл к знакомой квартире.

Мелисса встретила нас без энтузиазма. Скупое предложила завтрак, неделикатно намекнув, что из поджарчиться одни тосты и в магазин она ещё не ходила; усадила в комнате на гостевой диван; споткнулась о перегородившие коридор велики, не по-женски загнула в семь этажей с надстройками.

— Ежи скоро придёт? — проронила она, укладывая какую-то тряпку в большую дорожную сумку, поставленную посреди комнаты.

— Он убит.

Женщина замерла.

— Он убит, — повторил я.

Толстая туша осела на пол.

— Где? Когда?

— В доме Космаль.

К чему ей правда? Что она даст, за исключением дополнительной истерики и непредвиденных осложнений? Сидеть рядом с убийцей любимого, смотреть на него, разговаривать с ним, слушать его пояснения, почему он жив, а тот, такой нужный и важный — нет... Это кошмарная пытка.

А я — не садист. Лучше совру.

— Его охранник застрелил. Он смелый был, первым пошёл... Охранник открыл огонь, а Ежи, прикрывая нас, шмальнул в ответ. Погибли оба. Мы отступили. Так получилось...

Почему-то хотелось, чтобы лопухий в её памяти остался героем.

— Где... он?

— В полицейском морге. К усадьбе копы со всей округе слетелись.

— Я... могу пойти туда?

Без слёз, без криков...

— Принеси водички, — шепнул я Сквочу. — Её вот-вот накроет.

Кивнув, бесфамильный спешно двинул на кухню. Зажурчала вода.

— Это из-за вас... — до толстухи всё же докатился весь ужас потери. — Вы... Вымогатели... Ненавижу!!!

Обезумевшая женщина попыталась вскочить и броситься, выставив перед собой пальцы, однако шарообразная комплекция позволила лишь потерять равновесие, оступиться и бесформенной массой рухнуть на пол.

Подоспел сослуживец. Недолго думая, он плеснул воду из чашки в круглое, щекастое лицо, а я придавил тушу сверху, мешая Мелиссе подняться и рявкнуть:

— Ещё воды!

Сквоч помчался на кухню.

Новая порция холодной жидкости несколько отрезвила горемычную тётку. Она перестала сопротивляться, распласталась податливой кучей по напольному покрытию, разревелась.

У женщин, похоже, без слёз — никак.

Я не отпускал, втайне сочувствуя горю и пытаюсь понять, при чём тут вымогательство.

— Ты свихнулась?! Какое вымогательство?!

— За то... что его копам... не сдадите... — проныла уборщица сквозь всхлипы.

— Почему мы его должны были сдать? — проговаривал ласково, будто обращался к ребёнку или тяжелобольному.

— Он же в ту драку из-за вас полез... А вы его подставить захотели...

Вся эта чушь прекрасно укладывалась в сказку, наспех сляпанную Броком для романтической толстухи. Он — умница, вписался за друзей, а мы — захребетники, мешающие их счастью.

— И в дом тот из-за вас полез... Чтобы вы этими деньгами подавились!

— Мелисса! Ты уверена?!

— Гады, гады, какие же вы гады... Сдохните...

Пора приводить даму в сознание.

— Сквоч, опустишь на колени и покажи чип, — скомандовал я, схватив женщину за волосы.

Дёрнул вверх, с силой, сознательно причиняя боль.

— Смотри! Видишь кругляш? У Ежи такой же имелся!

Смекалистый бесфамильный нагнулся пониже, давая рассмотреть имущество Федерации во всей красе.

— Был...

— И у меня есть. Мы не с западного побережья. Мы — солдаты! Сбежали из армии, — вывалил я правду, не особо опасаясь последствий. Тётка и так замазана по самое некуда. Наистерится, успокоится — сама осознает, что рот нужно держать на замке. Потому что соучастница вооружённого грабежа и убийства. Хватит жалеть чужие страдания, свои девать некуда. — Деньги нам требовались, чтобы с планеты убраться! Всем троим!.. Воды дать?

— Вы врётё! — женщина никак не хотела расставаться с иллюзиями.

— Присягу продекламировать? Или указать расположение части? Или показать ленту новостей, в которой она упоминается?!

— Расскажи ей, — попросил Сквоч. — Она имеет право знать.

И я рассказал. О маяке, о налёте, о бегстве из лечебницы, о судьбоносной встрече у мусорника, о наших гнилых перспективах, вскользь упомянул о Фарэе, вновь перекрутил обстоятельства гибели Брока и совсем ничего не сказал о поиске связи с командованием.

Поначалу она безучастно слушала, но постепенно, под напором фактов и знакомых событий, начала приходить в себя.

— ... Такое вот говнище, — закончил я.

— Отпусти, — довольно связно попросила Мелисса.

— Успокоилась?

— Да.

Отстранившись от тётки, я вернулся на диван, бесфамильный стал в дверном проёме. Она заворочалась, уселась, подогнув ноги, приложила ладонь к сердцу, натужно дыша. С непередаваемой болью посмотрела на меня, потом на бесфамильного.

— Кто из вас его убил? — отстранённо, бесцветно прозвучало в комнате разрывом снаряда. — Я не полная дура. В утренних новостях показывали репортаж о налёте на дом Лилли. Сообщили об убийстве. Про охранника и Ежи не сказали ничего. Зачем вы меня обманули?

У меня не хватило сил смотреть ей в глаза. Наша ложь вскрылась, словно гнойник под скальпелем хирурга, не принеся облегчения никому.

— Я, — решительно рубанул Сквоч. — Он пытался нас застрелить. Ради денег. Для этого и револьвером обзавёлся.

— А Лилли?

— Брок. Гантелью.

Упоминание красавицы, погибшей по прихоти подчищающего концы ушастого, вызвало новый поток слёз.

— Я не хотела... Ежи... С того самого момента, как он с этим Милле связался, отговаривала...

— Погоди, погоди... — меня озарила неприятная догадка. — Та история, с нападением наркомана — его рук дело?

Плечи женщины затряслись в рыданиях.

— Д-да... Д...

Новый приступ страданий помог вылечить Сквоч. Осмелев, он присел рядом, успокаивающе приобнял толстую и с укоризной меня попросил:

— Дай человеку выплакаться. Она потом нам всё расскажет. Но пока... не надоедай своими расспросами.

Мягкий, человеческий тон бесфамильного оказался лучшим психотерапевтом. Уткнувшись в мужскую грудь, женщина ещё немного поплакала, после отстранилась, воспользовалась извлечённой из сумки кофточкой вместо платка и, смахнув слёзы, заговорила тихо, но внятно:

— Когда вы ко мне пришли, я хотела вас к подруге на проживание определить. Не к Пауле, это так... запасной вариант. Из-за сына... Он у неё ненормальный. Комок проблем, одним словом. Вечно неприятности ей доставлял. В квартире не жил, но мог на работу притащиться, поскандалить, при всех требовать его содержать, как наркозависимого больного... А Ежи настоял именно к ней... Пока вы у меня на кухне сидели, а я в комнате собиралась, Ежичек пришёл и достал деньги из рюкзака. Злой... Я перепугалась — шутка ли, столько кредитов, да ещё наличными! Сказал — вам отдаёт. Последнее... Спрашивать откуда не посмела, а он велел Пауле звонить и договариваться...

— Брок предусматривал несколько вариантов нашего укрытия?

— Угу... Он сказал, что хорошо заплатит верным людям, чтобы вы спокойно пожили у них и не мешали нам. Я предлагала за город, к тётке, там никто не найдёт, потом к Лу — вы её не знаете... А Паула меня сама когда-то спрашивала, где подзаработать. Ей платили меньше, чем мне...

Бесфамильный изменился в лице. До него начала доходить вся подоплёка истории придурка с тесаком.

— Нападение Ежи организовал?

— Ежи, — подтвердила Мелисса. — Но не нападение, нет! Приструнить хотел... Попросил завести разговор о вас при Милле, едва я ему пистолет принесла. Сказал, что те деньги — его, а вы вымогатели. Но бросить он вас не может, потому что считает друзьями.

— Запутанно, — вырвалось у меня. — Дальше что?

— Милле как про деньги услышал, остатки мозгов потерял. Ключ у матери почти в открытую отобрал и домой помчался. Ежи за ним поехал... Видел, как тот в подъезд входил и ждал, чем закончится. Он сам рассказывал. Говорил — для вас разобраться с конченным наркоманом легче лёгкого. Организовал, чтобы напугать и своё вернуть.

Ошалевший от выкрутасов теперь уже бывшего товарища Сквоч повернулся ко мне:

— Вит! Ты что-нибудь понимаешь?

Я лишь грустно усмехнулся.

— Более чем. Нашему знайке очень не понравилось делить заработанную сумму. В открытую он нас послать не решился, но, будучи по натуре предусмотрительной скотиной, к некоторым манёврам подготовился заранее. Натравил исподтишка сына Паулы, пошёл за ним. Поруби нас тот плешивый сморчок — встретил бы его в подъезде и отобрал деньги. Навыков у Брока вполне бы хватило, драться заучка умел. Сдаётся мне, на это он и рассчитывал... Когда я с ним связался, то ему пришлось экстренно менять планы. Меня тогда ещё удивил тот факт, что Ежи по видеосвязи отказался общаться, сославшись на плохой сигнал. И это в центре города, на стадионе, где ретрансляторов пруд пруди!

— В подъезде стоял? — посерел от догадки Сквоч.

— Уверен. При разговоре эхо присутствовало, будто из большого помещения общается. Подъезд волне подходит.

Про себя подумал: «Другое не ясно, почему он с оружием сам не вошёл вместе с наркошей и не пострелял нас? А если бы Милле тоже получил ранение? Лежали бы втроём, подышали...»

Временно позабытая толстуха, и сама о том не подозревая, пролила свет на всплывшие вопросы:

— У него имелся ключ. Я дала... Паула у меня запасной хранила, как и я у неё. Удобно. Воровать нам друг у дружки нечего, а она у меня раньше иногда ночевала. Давно... сынка боялась. Он, пока помоложе был, изредка заваливался в её квартиру и бил мать, если денег не давала.

Вот оно как... моё сообщение, получается, нам жизни спасло. Забоялся Ежи открывать огонь в жилой многоэтажке, да ещё среди бела дня. Но проверить под благовидным предлогом, как мы там, проверил бы... через часик. А там как карта ляжет, и всяко не в нашу пользу... Выживших бы или добил по тихому, или долго рассказывал о том, как с вечера у него душа была не на месте и переживательный нерв свербел о здоровье товарищей, представляя таким героем-спасителем.

Только, судя по тесаку Милле, рассчитывал он вообще никуда не ходить. И думал в тот момент не об ограблении госпожи Космаль, а о вполне конкретных деньгах. Дом у реки — дополнительный вариант, из разряда «Раз уж так случилось, то почему нет?»

Эх, Ежи... Мразь ты последняя... А как за пацанов, на словах, сердце рвал! Умные вещи гундосил, заранее нас со счетов сбрасывая...

Нечто подобное переживал и обалдевший от новых открытий Сквоч. Женщина выглядела вообще раздавленной, постаревшей лет на двадцать. Почти старухой.

День откровений, чтоб его...

Пора разбегаться.

— Ладно, Мелисса, расходимся, — рискнул я поставить точку в наших траурных отношениях, вставая с дивана. — Живи как жила. Про нас забудь. Пойдёшь в полицию —

посадят в тюрьму за соучастие в убийстве. Тебя с нами много где видели, не отмажешься.

Засобирался и бесфамильный. Состроил печальную мину, кисло посмотрел на толстуху. Непонятно так, то ли с сочувствием, то ли осуждая за дурость.

— Но он не мог так поступить... Он хороший... А что мне со сделкой делать? — глупо поинтересовалась она, краешком импровизированного платка протирая уголки глаз. — Риелтор на завтра сказал подготовиться.

— Какой сделкой? — не понял я.

— Так квартиру я продаю. Покупатель нашёлся... Ежи сказал, что за город переедем. Поменяем на кредиты, чтобы инфляция не сожрала, и купим маленький домик в глуши. Ферму откроем, будем мёдом заниматься. Мёд хорошо идёт, об этом везде пишут...

Дурость влюблённой женщины нельзя измерять общей меркой. Она в таких случаях особенная, без чётко градуированной шкалы. Обезумевшая от внезапно накатившей любви Мелисса до сих пор до конца не отдавала отчёта тому, что происходит. Верила. Преданно верила Брокку, находя для него оправдания на любой случай.

Я её даже разубеждать не стал, как и фантазировать, где бы её нашли через пару-тройку дней после реализации жилья.

— Отменяй, — коротко бросил я. — Наври что-нибудь покупателям. Не будет фермы...

Толстая, убитая горем женщина кивнула, глядя в никуда.

— Уходите... Я поняла.

— Как считаешь, куда Брок намыливался сваливать? — раскладывая велик, озадачился Сквоч.

— Не представляю, — легко, естественно соврал я. Потому что точно знал, куда...

... Времени до рассвета, проведённого с планшетом покойного, мне вполне хватило, чтобы поверить сидящему неподалёку сослуживцу и восхититься продуманности этой падлы Ежи. В пустом, на первый взгляд, девайсе нашлась очень интересная вкладочка в браузере — бесплатное облачное хранилище. Случайно натолкнулся, бездумно перебирая сервисы и настройки. Пароли ввелись автоматически.

В хранилище оказался целый архив ссылок и скопированных статей. Самое раннее сохранение — не поленился, проверил по календарю — появилось на третий день нашего пребывания в гостях на квартире сиротки Гурута.

Долго силился вспомнить, встречал ли я раньше, в бытность совместного проживания, эту вкладку? Вроде бы нет.

Объяснение этой странности не заставило себя ждать. В те дни планшет был общий, и каждый использовал его, как хотел. Потому и прятал Ежи заветные сведения, да ещё и наверняка через какой-нибудь продвинутый анонимайзер заходил, чтобы следов не оставлять. Иначе он бы в жизни не посмел вернуться к сетевой страничке, «засвеченной» в старом, разбитом при бегстве, планшете.

Вот урод...

Обнаруженное чтиво оказалось увлекательным: Брок интересовался войной. Той самой, из-за которой ввели военное положение, и которая напрямую коснулась и нашего взвода.

Вникая в тему, лопухий провёл неслабую работёнку. Выискивал сообщения, заметки о бойцах, журналистские расследования по поводу скандалов с превышениями полномочий

солдатами; собирал фотографии хмурых мужиков в военной форме, следил за их страничками в соцсетях. Но больше всего он изучал биографии воинов, вынося самые важные наблюдения в отдельный файл, где под именем и фамилией перечислялись их прошлые заслуги перед страной.

Грабежи, убийства, вооружённые нападения, угоны, обвинения в изнасилованиях — вот неполный список гражданских подвигов нынешних защитников Нанды.

Связь этого воинствующего отребья с действующей армией имелась, оказывается, самая прямая — они входили в состав добровольческой бригады «Титан» — прелюбопытнейшей организации с крайне противоречивыми обязанностями. Находясь на передовой, командование бригады не подчинялось напрямую генеральному штабу и существовало как бы отдельно от остальных вооружённых сил, при этом вполне успешно выполняя боевые задачи.

... Следующий файл состоял из двух частей: короткой заметки о задержании мобильным спецназом СБН шестерых членов упомянутой организации, оказавших вооружённый отпор с полноценной перестрелкой и погибшими силовиками; а потом следовал скриншот из теленовостей с изображением бородатых, крепких мужчин в камуфляже. Ниже подпись, рядом с логотипом телеканала: «Патриоты в авангарде».

Даты заметки и снимка жирно выделены красным. Тоже посчитал — разница в месяц, причём сначала была перестрелка. От просмотра почему-то сложилось устойчивое впечатление, что в обеих половинках речь идёт об одних и тех же людях.

Получается, этим деятелям и безопасность не указ?

Других объяснений у меня не нашлось.

Далее, в самом низу документа, шла приписка: «Титан», а от неё небрежная стрелка к аббревиатуре: «ЧВО» и ниже «Иностранный легион». Последние два термина соединяла дуга со стрелочками на концах, как бы отсылая понятия друг к другу.

Пришлось лезть в сеть. Расшифровки выскакивали без дополнительных уточнений. ЧВС — частная военная организация, причём тут же выяснилось, что на данной планете они запрещены законом.

Про легион читать не стал — там оказалось много текста, описывающего времена чуть ли не с зарождения цивилизации. Ограничился тремя начальными абзацами, где внятно растолковывалось, что это воинское подразделение в дни основания принимало всех желающих, не слишком вникая в их биографию.

Лопоухий, изначально составляя заметки для себя, не утруждался разжёвыванием полученной информации и просто провёл аналогию, сделав определённые выводы и найдя параллели.

Мне же пришлось немного пораскинуть мозгами, выводя логическую цепочку в юридических хитросплетениях здешних порядков. Результат, как всегда, оказался на поверхности.

Некто, облечённый властью и деньгами, создал карманную армию, с успехом эксплуатируя её в полевых условиях. Для чего ему такие расходы и защита от всевозможных законников — оставалось только гадать.

... В отдельной папке хранились фотографии. Много. На всех — вооружённые до зубов личности на фоне развалин или техники. Головы некоторых обведены яркими кружками в редакторе, а вместо фамилий приписаны клички: Дикий, Град, Моряк... Пояснения отсутствовали.

Ответы я нашёл позже, косвенные: в бригаду принимали всех желающих, где они меняли прежние имена на позывные и, по прошествии пяти лет, получали полное отпущение грехов и чистые ID. Смывали прошлое. Эта возможность оказалась закрепленной на государственном уровне, в подзаконном акте «Закона о гражданстве», принятом без особого шума девять месяцев назад. Ежи даже скопировал нужную часть. В ней говорилось об особых заслугах в период военного времени и полномочиях президента даровать как полное помилование, так и выдавать документы в обход установленных процедур. Единым росчерком пера.

Так же выяснилось, что пятилетний контракт можно разбить на годовые контракты, но тогда с легализацией пролетаешь. Служишь — служи, денежку зарабатывай, но новая жизнь — через пять лет. На период, пока стесняешься представляться людям старым именем — берёшь позывной, легально вносимый в опознавательный чип.

Отсюда и появились все эти Грады с Морьяками — приспособленная под местные нужды модель позывных Федерации.

Отдельно указывалось — ты под защитой «Титана» с момента, как переступишь его порог и до расставания. Даже в рекрутах. Никто не посмеет тронуть. Никому не интересно твоё прошлое. Главное, каков ты настоящий.

Но более всего меня огорошила ссылка, ведущая на сайт добровольческой бригады. Перейдя по ней, я с изумлением попал в раздел «Личный кабинет», где оборотистый Брок успел зарегистрироваться, заполнить анкету и получить приглашение на первоначальное собеседование.

Через два дня. Адрес прилагался — небольшой офис в Уккрау-сити.

А вот про возможность сделать новые ID знайка нам наврал. Для расслабления и потери бдительности. Ничего я по этому поводу не обнаружил...

— ... Ежи был слишком хитёр для нас, Сквоч. Чел с продвинутыми мозгами и железной волей, — закончил я мысль. — Сами бы мы обгадились криминалом зарабатывать, только на его духовитости и выкарабкивались. Кто бы мог подумать — обычный заучка...

— Перефразирую. Вит, нахрена? — задал бесфамильный самый главный вопрос. — Бабки и так у него хранились.

Мой велик щёлкнул креплениями, возвращаясь из компактной формы в нормальную.

Как же мне не хочется тебе отвечать. Как же не хочется... А придётся.

— Он изначально не верил в успех. Космопорт, граница — непроходимы. Я тоже так считал, но гнал мысли, чтобы не впасть в уныние и не сдать раньше времени. Брок пошёл дальше — принял решение и предпочёл выпутываться самостоятельно. Мы требовались только как краткосрочные союзники. Помощники денегат нарубить, — произносимые слова вызывали горечь во рту. — Считай: двадцать девять тысяч Деробы, пусть и потратились слегка... к ним приплюсуй то, что взяли в доме Космаль... сколько там, в твоей половине? Я посчитать забыл.

— Не проверял. Навскидку — у Лилли выгребли около шестидесяти тысяч кредитов, плюс-минус...

— Квартира Мелиссы — не менее десятки. Может, дороже. Всего — девяноста тысяч. Солидная сумма.

Сделав паузу, я не прервал ответ, продолжив его про себя: «Больше, чем за всю беспорочную службу рядовому причитается... С ними вполне можно пересидеть в

наёмниках, продлевая годовой контракт и, понемногу, приумножая капиталец, пока не наступит мир и не откроется представительство Федерации. После заявиться туда, доложить о злключениях, немножко покаяться в неисполнении приказа, упирая на непреодолимые обстоятельства. Или, наоборот, выслужить новый, чистый ID, и вперёд к мечте! Он ведь дипломатом стать хотел, на обучение в войсках зарабатывал. Вот и не упустил шанс, обзавёлся капиталцем... Ну а если получит из «Титана» пинок или характерами с начальством не сойдётся — за что жить, имелось. Не пропал бы.»

Закончил так:

— ... Мы при таких раскладах — по-любому помеха. Я — беспокойная обуза, ты... да хоть как ненужный свидетель! Балласт! Поймали бы нас, рано или поздно. На всех таких вот, надёжных и преданных, Мелисс с жильём и харчами не хватит, кто-то да погорит. В одну харю прятаться легче, а если имеются гарантии, что прошлые подельники никогда ничего не расскажут — хоть новую жизнь начинай!

— Обидно... — бесфамильный не кривлялся. Он действительно горевал о товарище. — Вот так знал, знал человека...

— Что знал?! — приступ сентиментальности у сослуживца почему-то вывел из себя. — Да ничего ты не знал! Ни обо мне, ни о Броке. Потому что мы никогда не рассказывали о себе. Разве что в общих чертах, не касаясь подробностей. Как и ты! Приютский, папа бандит... а как проверить, сказка это или быль?!

— Вит, поругаемся, — угрюмо заметил Сквоч, сжимая кулаки.

Но меня уже было не остановить:

— Да и накласть! Хочу выговориться!.. Мы — троица малознакомых людей, сведённых судьбой в общей точке времени и пространства. Не больше! Никто никому ничем не обязан. Ушастый это понимал лучше нас!

— Оправдываешь?!

Жутко захотелось расхохотаться. Гомерически, полной грудью. Насилу сдержался:

— Ты думаешь, я с приказом сержанта Бо носился только потому, что весь из себя такой правильный и всех люблю до усрачки? Нет, не угадал... Мне просто казалось, что это кратчайший путь выбраться из того дерьма, в котором мы с тобой увязли по макушку. Признаю. Ошибался. Но Ежи не оправдываю, хотя и где-то понимаю. Нельзя оправдывать того, кто в тебя стрелял!

... Что самое интересное, произнося эту трескучую тираду, я не мог остановиться. Будто не я нёс в этот момент практично-эгоистичную дурь человеку, который спас мне жизнь.

Не я, а озлобленный, на грани истерики, двойник.

И как его загнать внутрь, заставить заткнуться и просто поблагодарить Сквоча — я не знал. В быту такое состояние называют «накатило чё-то...», а в нашем положении — нет у меня подходящего термина. Наиболее близкое: «Психанул»...

К удивлению, мой товарищ нисколько не обиделся на откровенное хамство. Наоборот, расслабился, даже улыбнулся.

— Будешь смеяться, я тебе тоже собирался гадостей наговорить, но ты опередил. Так разбежаться легче. Не надо нам вместе... Лучше каждому двигаться своим путём. Ты больше никогда не поверишь мне и не повернёшься спиной из-за того, что я пришёл лопухого, нашего боевого товарища. И без разницы, что он натворил и что собирался сделать... А буду это знать и выискивать в тебе что-то опасное, такое... — он развёл руки в стороны, после скрестил их на затылке. Потянулся, зевнул. — То самое Вит. Заставляющее вечно

оглядываться. Потому вот тебе деньги, — из кармана брюк бесфамильного появилась пачка купюр, — Это из заначки ушастого. Те, которые мы ему отдали. Он их хранил там, где и сказал — на кухне, за ящичком. Доверял своей бабе... Короче, разбегаемся.

Я его прекрасно понимал. Потому, вместо тысяч слов, протянул ему руку. Бесфамильный принял рукопожатие, втиснув банкноты между ладоней.

— Куда теперь? — попробовал он улыбнуться на прощанье.

Планшет лопухого лежал у меня в рюкзаке. Припомнилась заполненная им анкета. Рост, вес, возраст, базовые навыки, адрес вербовочного пункта. Чего тут рассуждать?

— Мир велик. А ты? — и тут же поправился. — Не рассказывай, не надо.

— Не буду. Но не в армию — точно. Послужил, попробовал стать честным человеком — хватит. От судьбы не уйдёшь. Папкины гены наружу просятся. Да и надоело из себя глупенького солдата корчить, чтобы под шкуру меньше лезли... Я ведь не просто так имя сменил... Перед приютом успел отомстить за семью... — от воспоминаний узковатое лицо товарища поморщилось, однако дальше делиться прошлым он не стал. — Удачи тебе, Вит!

Наши ладони расцепились, деньги едва не выпали на тротуар. Пришлось подхватывать в полёте.

— Тебе тоже удачи, Сквоч!

Сослуживец кивнул, сделал несколько шагов в сторону почти родной помойки, а потом сказал, остановившись на мгновение:

— Мауро я. Маурицио, если полностью... Прощай.

Порыв ветра обдал необычным для этого времени года холодом. И, самое удивительное — ветер дул южный, обыкновенно приносящий с собой жару и сухость.

Что-то менялось. Или, наоборот, возвращалось на круги своя, расставляя перемешанные фигурки по местам для новой партии. Кто об этом знает, кроме сокрытого будущего?

Каждый сам за себя.

Интерлюдия № 4 Вместо эпилога

— Докладывайте, — устало бросил шеф, по своему обыкновению изучающий оперативные сводки на мониторе.

Подчинённый, сегодня чуявший за собой вину и потому присевший на краешек стула, поднялся с места.

— Обнаружен труп Ежи Брока. Убит четыре дня назад ударом шила в ухо. На теле присутствует несколько мелких гематом. Тело обнаружили дорожные рабочие...

— Своими словами, — потребовал руководитель. — Сконцентрируйся на выводах.

Стоящий сглотнул, но послушно изменил манеру речи, сделав её менее официальной:

— При осмотре места происшествия найден револьвер. В барабане два патрона израсходованы, остальные целы. Так же обнаружен спортивный пистолет, разрешённый к свободной продаже, гильзы и пластиковые пульки. Отпечатки стёрты.

— И?

— Есть версия, что в разыскиваемой группе произошёл конфликт, закончившийся внутренними разборками. Предположительно, человек по имени Сквоч использовал спортивный пистолет так же, как и при встрече с полицией — для ошеломления. Это подтверждает и способ убийства. Помимо проникающего ранения в мозг, выявлено входное отверстие в области живота.

— Испугал беспорядочной пальбой, а потом прикончил в рукопашной, сначала пырнув в брюхо?

— С вероятностью восемьдесят процентов.

— Причина конфликта известна?

— Предположительно, финансовый спор. Троица совершила разбойное нападение на местную жительницу Лилли Космаль, убитую ударом гантели. Исполнитель Ежи Брок. Его причастность подтверждена записями с дублирующей системы видеонаблюдения.

Данный факт заинтересовал шефа.

— К чему такие сложности в доме обычной гражданки?

— Убийство произошло в рабочем кабинете. Напавшие изъяли общий накопитель, но они не знали о том, что в кабинете работает отдельная камера с записью на отдельный блок памяти. Покойная зарабатывала на жизнь кредитованием и имела обыкновение записывать все деловые разговоры. Работала без лицензии, предоставляя услуги определённому кругу лиц. Бухгалтерия изъята и передана на изучение в отдел по борьбе с коррупцией и незаконным оборотом денежных средств. Влиятельные покровители отсутствуют. Со слов прислуги, характеризовалась как замкнутый человек с устойчивыми привычками, обожала дочь, которая её и обнаружила поздним вечером. Не замужем, линия любовников отрабатывается.

— Сколько взяли?

— Неизвестно. Но ограничились наличными. Драгоценности не тронуты.

— Остальные принимали участие в убийстве?

— Причастны только к ограблению.

— И как они выбрали жертву?

— Выясняем. На данный момент, час назад, задержана женщина, укрывавшая беглецов. Её личность установили полицейские, проехавшиеся с фотографиями по кемпингам и

прочим местам отдыха вдоль реки. Нападение осуществлено с воды, — дополнил подчинённый.

— Что она говорит?

— Мертвецки пьяна. Не успели допросить.

— Хм-м... — неопределённо поморщился шеф. — Откуда она взялась?

— Проживала в соседнем доме с местом предыдущего обитания беглецов.

— То есть, пока весь город на уши ставили, они по соседству отсиживались?

Понимая, до какой степени ответ покажется непрофессиональным, подчинённый промолчал, надеясь, что нетерпящий промедлений начальник задаст новый вопрос.

Ответ ему и так известен.

— Умно, — заключил хозяин кабинета, оправдывая ожидание. — Умно... Где оставшиеся разыскиваемые?

— Рядовой Сквоч исчез. Местонахождение устанавливается.

— Проще говоря, сбежал, — усталые глаза оставили монитор в покое и посмотрели на похолодевшего подчинённого.

— Приказ был действовать без огласки, — выдал заранее заготовленный текст стоящий. — Стандартные протоколы не использовались. Розыск проводился местными силами.

Видавший всякое человек, расположившийся за столом, пожевал губами. Он тоже не до конца понимал приказ, исходящий с самого верха — искать беглецов без особого шума, однако догадывался об его истинных причинах. Там, на самой верхушке административной пирамиды опасались не столько бед, которые могли натворить три солдата Федерации, сколько самого факта их существования. По официальной версии личный состав маяка погиб полностью, при вражеском авианалёте, и воскресшие явно не вписывались в общую картину.

Протоколы допросов всех, кого удалось задержать в клинике, как один давали понять — парни ни ухом, ни рылом в происходящем и вели себя в рамках межправительственных соглашений и инструкций, поначалу даже не подозревая, что своими действиями угробили лидера оппозиции.

Разыгранная политическая комбинация с заминанием скандала и всяческим игнорированием Федерации в этой истории являлись для старого службиста информационным пробелом, однако общая цель просматривалась чётко: «белые господа», как с лёгкой руки президента величали звёздных властолюбцев, ни при чём. Наверняка договорились, да так, что в этих договорах для взвода охраны места не нашлось.

Списали пацанов.

Дальнейшее развитие событий тоже великой тайны не представляло. Выживших солдат поместили в особый лагерь СБН как резервную карту в будущих торгах и интригах, а оставшиеся на воле, в общем то, опасности почти не представляли.

За исключением...

Шеф побарабанил пальцами по столешнице, подстёгивая догадку.

... Негласный резидент Федерации, оставшийся на планете присматривать за ситуацией и капиталами хозяев. Именно его могли заинтересовать свидетели налёта на маяк. Фигура сильная, самостоятельная, при всей своей негласности, скрытности и внешней неполитизированности, тому же атташе подчинённая крайне косвенно. К нему половина парламента подходы ищет. От такого не отмахнёшься... И агентура у этого господина вполне

достойная. Секретные полицейские базы с коммуникатора открывает, как и армейские сервера. Может, и этот... докладчик у него на связи. Правильно наверху решили, прозорливо — под чужими именами прятать троицу удобнее, да и работать с ними легче. Обычные, ничем не примечательные преступники. Таких с размахом не ловят... Попади Сквоч и Самад в его поле зрения, заговори в нужном ракурсе — ситуация может повернуться, причём в неудобную сторону.

А если бы и не существовало этого человека Федерации в природе, толком бы ничего и не поменялось. Желających влезть со своими правилами в чужую песочницу всегда хоть отбавляй, особенно при наличии крючков с козырями.

Личность закулисного надсмотрщика была давно известна в узких кругах, однако его благоразумно не трогали, изредка подбрасывая дезинформацию и аккуратно вычисляя сотрудничающих с ним лиц, а он, в свою очередь, делал всё, чтобы не портить устоявшиеся отношения. Тем и жили...

... И тут руководитель привычно осёк ход мыслей. Нельзя, чтобы объективные выводы перерастали в домыслы. Нельзя.

— Вит Самад? — спросил он у подчинённого, безошибочно вытащив из памяти имя и фамилию фигуранта.

— Обнаружен. Только... — новая заминка.

— Что «только»? — потребовал начальник, раздражаясь. — Обнаружен — значит задержан.

— Не совсем... Информация о Вите Самаде поступила из больницы. При осмотре приведенного к нему молодого человека доктор заметил у того за правым ухом армейский чип-синхронизатор. Имея в прошлом многогранный опыт, врач заподозрил неладное и сообщил нашему сотруднику на месте о необычном визитёре. Подняли записи, сверили — он. Однако время упустили. Больница муниципальная, система распознавания лиц в плачевном состоянии. Приоритет на сканеры ID.

При упоминании об ахиллесовой пяте государства — нищенском финансировании, казалось бы, самых необходимых направлений, хозяин кабинета скривился. Хотя и знал — казна давно пуста и тот уровень контроля, что есть, удерживается с огромным трудом.

— В чём подвох?

— Самад приходил не один. С представителем добровольческой бригады «Титан».

— К ним подался?

— Да. В настоящий момент находится на территории регионального отделения организации. Прошу разрешения...

— Оттуда выдачи нет, — сердито буркнул шеф. — Сам знаешь, кто за этими отморозками стоит и как они рьяно защищают этот постулат. Возьмите под наблюдение, ждите, когда этого молодчика вышвырнут за двери. Отбор у них жесточайший, вряд ли выдержит.

— А если останется?

Ответ не заставил себя ждать:

— Тоже ничего. Будет сидеть тише воды и ниже травы. Это в его интересах... А когда придут иные, послевоенные деньки — края начальственных губ кровожадно изогнулись в подобии улыбки, — и нам с тобой придётся размазывать всю эту добровольческую шваль по стенкам, Самад пригодится для суда, как свидетель военных преступлений. Или обвиняемый. Информатор в бригаде тоже не повредит... Ещё что-то?

— Нет.

— Свободен... — хозяин кабинета вернулся к рутинному изучению скромных текстовых файлов, наглядно, без прикрас отображавших сложившееся положение дел в государстве.

— Понял. Разрешите идти?

— Иди.

За подчинённым закрылась дверь. Шеф, устало потерев переносицу, вбил в поисковик внутреннего сервиса СБН «Готто Ульссон» (даже в этой, суперсекретной сети Вит Самад значился под псевдонимом), долго вглядывался в отобразившееся на экране монитора лицо молодого, симпатичного парня. После негромко сказал, хмыкнув:

— Добровольческая бригада... Идиот!

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net